

ПАВЕЛ ШУФ

БЕЛЫЙ
ВЕРБЛЮД
НЕ ОБИДИТ

Павел Шуф

БЕЛЫЙ ВЕРБЛЮД НЕ ОБИДИТ

***Повесть-истерн о первом туркестанском отряде
«Юные разведчики» (1921)***

ISBN 5-633-00698-4

© Павел Шуф, 1991. Повесть “Белый верблюд не обидит”.

Расширенное издание. Приложение: фото 1890-1920-х гг. Изд. “Камалак (“Радуга”), Ташкент, 1991

© Павел Шуф, 1984. Повесть “Сбор трубил карнай”, изд. «Молодая гвардия», Москва. (Первое издание).

АННОТАЦИЯ

В череду невообразимых приключений попадают юные герои книги. Белый верблюд — символ добра и справедливости — выручает их из передряг. Автор строит сюжет своего “детского истерна” на историко-документальной основе, живописно и с юмором передавая колоритную атмосферу жизни Средней Азии начала 20-го века. Здесь и борьба с беспризорностью, и взаимоотношения со скаутами, которые были туркестанскими “членами семьи” общества “Русский скаут”, возникшего в России в 1909 году в Царском Селе.

Оказавшись среди “Юных разведчиков” Ташкента, поначалу питомцами скаутов, но затем став первыми пионерами Туркестана, герои повести окунаются в водоворот неповторимых событий.

«Белый верблюд не обидит» является дополненным, углубленным вариантом повести, которая ранее, в 1984 г., увидела свет под названием «Сбор трубил карнай» с маркой московской «Молодой гвардии». Книга иллюстрирована фотографиями конца 19-го и начала 20-го веков, собранными автором. Блок фото помещён в конце книги. В 2021-м году исполняется 100 лет уже ставшему легендарным отряду «Юные разведчики».

СОДЕРЖАНИЕ

Белый верблюд не обидит
«Противник силою до одного домуллы...»
Кто украл дорогу?
«Позабыт-позаброшен...»
В плену у Чингиз-хана
Пескари с зубами щуки
«Фильму иллюстрирует оркестр»
На Пьян-базаре
«Роковая дыня»
«Давай к нам, к разведчикам!»
Про Васю Решетняка
Молодцу и семидесяти ремесел мало
Голубь в гнезде беркута
Снежное письмо
Товарищ Буревестник
Бой на нейтральной полосе
Эзоп... на Анхоре
«Нужен свежий человек!»
Волк на псарне
Операция «Генеральная репетиция»
Узун-кулак «Москва-Ташкент»
Дата взрыва...
Пора думать об урожае
Как Царь-горох саксаул возил
Алексеев против Алексева
Пионерский уголек
Впадает ли Куркульдюк в Темзу?
Сбор трубил карнай
«Чрезвычайный Бахтияр»
«Мы путь земле укажем новый»
«Бахтияр, надень крылья!»
«Первыми сразимся с обнаглевшей буржуазией»
Прицельная стрельба по... мягкому знаку
«Одиночными петухами — огонь!»
Тюбетейка не виновата
Почему жмут туфли?

«Дорогу молоку!»
Карнай не тревожат по пустякам
Время будить карнай
Как жених сэкономил барана
Знамя на карагаче
Имени дедушки Ильича
«Близнецы — это плохо!»
Девятьсот секунд с Калининым
Загадка паранджи
Снова Белый верблюд (Вместо эпилога)
Это было... было... (фото-голоса Истории)

* * *

БЕЛЫЙ ВЕРБЛЮД НЕ ОБИДИТ

Отца не было уже пятые сутки...

Утопая едва не по колено в вязкой дорожной муке, я вновь тоскливо брел по кишлачному проселку к высокому двугорбому холму, с которого раскрывалась долина, и подолгу всматривался с его крутобокой услужливой спины в пустынную глубину. Отца не было.

Я опустил ведро с водой на вершину холма. А может, прав Бахтияр? Может, попробовать? Может, и вправду, поможет Белый верблюд?..

Где-то там, в хитроумных извилинах голубевших вдали гор, красноармейцы преследовали сейчас басмаческую шайку. Незваные гости, нагрянув ночью, превратили хлопкопункт в гигантский костер, опаливший кишлак малиновым жаром.

Я хорошо помнил эту жуткую ночь... Чей-то истошный вопль, моливший о помощи... В кособокое окошко глиняной кибитки страшно ломились багровые клинки пламени, злобно фехтуя с жирной темнотой, отступавшей, отступавшей... Отец крепко спал, укрывшись шинелью. Я растормошил его:

— Батя! Там горит что-то... Глянь!..

Чертыхаясь, отец схватил винтовку, неразлучно дремавшую рядом с его изголовьем — будто собирался сейчас осадить огонь свинцовыми оплеухами выстрелов. Спешно застегнул ремень.

— Черт! Воронье проклятое! Хлопок пожгли! Ну, Жорка, я помчал!

Как же я не догадался об этом сам... Вылетел вслед за отцом. Пламя жаркой лавой хлынуло и глаза, заставив зажмуриться. Отовсюду бежали дехкане

с кетменями, вилами, длинными и корявыми сухими ветками и пытались издали дотянуться до живого еще местами хлопка, чтобы спасти хоть что-нибудь.

У карагача, с ветки которого свисала толстая культяшка рельса, нелепо зарывшись лицом в землю, неподвижно лежал красноармеец. Отец подбежал к нему, осторожно перевернул часового на спину, голос дрогнул:

— Каримов!.. Жив?

Тот с трудом приоткрыл глаза, простонал чуть слышно:

— Т-товарищ командир... Оглушили... Сзади... А я... Хорошо, что... по привычке... книгу... На голову, говорю... под шапку... книгу положил... Которую вы мне еще на той... неделе... почитать дали. Пушкина... И вдруг приподнял голову, испуганно стрельнул глазами:

— Товарищ командир... А ничего, что... я... так... Пушкина?.. — Хорошо, Каримов. Спасибо тебе, что жив! Очень хорошо. Спас он тебя — Пушкин!

Красноармеец закрыл глаза.

— Каримов! — кричал отец. — Слышишь, Каримов! Ты потерпи. Сейчас... Перевязку сделаем...

— Хлопок спасайте! — захрипел Каримов, роняя голову. — А я... Вот... Не уберег его...

— Они не могли уйти далеко — догоним! — обернулся отец к красноармейцам. — Седлай коней! Живо!

Их маленький отряд — семь кавалеристов — скоро умчал в сторону гор, сминая гулким обвалом цокающих копыт пугливую мглу.

И вот я вновь стоял на этом холме...

Холм, — я это уже узнал от сына хозяина приютившей нас кибитки Бахтияра, — назывался Ак-тепа*.

---

*Ак-Тепа (узб.) — Белый холм.

А уж у него перенял свое имя и сам кишлак.

И словно стремясь точно соответствовать своему узбекскому имени, был холм не просто белым, а скорее дремуче-седым. Дедушка-холм да и только! Другие холмы, правда, несравненно скромнее его высотой, молодечески кудрявились зелению, а этот угрюмый аксакал словно молчаливо оглядывал свысока полных сил и жизни легкомысленных и пышногривых собратьев и хранил в себе великую тайну.

Бахтияр, непрерывно пугливо оглядываясь, уже успел недавно поведать мне по секрету, что холм этот — вовсе и не холм, а... верблюд. Да-да, верблюд! И даже не обыкновенный горбатый ленивец, а — огромный белый верблюд, превратившийся когда-то по прихоти злющего джинна в высокий холм.

— Эти два бугра, — говорил мне Бахтияр, и губы его подрагивали, — горбы того белого верблюда...

— А где же тогда он сам? — насмешливо спрашивал я. — Где сам верблюд? Что же получается? Оставил он здесь свои горбы, а сам пошел преспокойно верблюжьей колючкой лакомиться?

Бахтияр обижался и сердито выговаривал мне:

— Зря смеешься, Джурабай. Это ведь не обычный верблюд, а волшебный. Он все слышит.

— Сейчас тоже?

— Конечно. Всегда. Волшебный ведь.

— А почему он белый? И за что его твой противный джинн в землю по самые горбы поселил?

— Смеешься, да? — обиженно вскинулся еще раз Бахтияр. — Смейся, смейся! Потом плакать будешь. Белый верблюд только того не трогает, кто в него верит.

— Да кто же тебе рассказал все это?! — вскричал я, теряя всякое терпение.

— Дедушка. Уж он-то все знает! Джинн, говорит дедушка, того не мог простить Белому верблюду, что он зла никому не делал, а только добро. Бродил вот так по свету и помогал всем обиженным. А злых разбойников и жадных баев догонял и ногами топтал. Знаешь, какие у него ноги? Ого!.. — и Бахтияр широко разводил руками, будто мысленно обхватывал могучую ногу верблюда.

— Добрый, значит, он — верблюд этот?

— Очень добрый.

— Ну и хорошо. А ты пугал. Ясно теперь, почему у вас это место Белым Холмом называют.

— А знаешь, что еще дедушка сказал?! — тут Бахтияр и вовсе понизил голос. — Если, говорит, принести рано утром Белому верблюду воды, вылить ее здесь и хорошенько попросить его о чем-нибудь справедливом, — обязательно исполнится.

— Ну а ты уже просил о чем-нибудь?

— Просил... Чтобы домулла* не бил — просил.

---

* *Домулла — учитель старомусульманской школы.*

— И воду приносил верблюду?

Чуть не весь кишлачный хауз перетаскал.

— И что же — перестал бить домулла?

— Чутьочку поменьше прежнего, — сказал Бахтияр, почему-то пряча глаза.

— Значит, помог! — заключил я примирительно... Мировой парень — этот Бахтияр. Вот ведь удача, что батя остановился на постой у Курбановых. Одиннадцать братьев и сестер у Бахтияра — не соскучишься. Но ближе всех мы с ним сошлись. Как-никак одноклассники. С тех пор, как я приехал сюда к батю, мы неразлучны. Можно сказать — друзья. И чего он только не умеет! И свистульки разные мастерски выделывает, и деревья рубит как заправский лесоруб, и глину умеет замешивать, чтобы крышу на зиму обмазывать. Говорит, если надо, даже чигирь сможет сделать — чтобы он воду из резвого арыка сам наверх доставал — поле поить. Оно и понятно: Базар-ака, отец Бахтияра, мастер на семьдесят рук. Семью тем кормит, что по найму работает. Весь кишлак знает его как незаменимого дровосека, строителя, повара, мясника и даже карнайчи! Базар-ака безотказен. И сыновей ремеслам своим обучить не забывает...

На четвертый день, вечером, явно прочитав тревогу в моих глазах, Бахтияр зашептал:

— Ты воду... воду ему утром попить отнеси.

Я поначалу и не понял, к чему он клонит.

— Верблюду белому! — с жаром объяснил Бахтияр. — И попроси...

Вот увидишь!

— Думаешь, поможет? — дрогнул я.

Верил ли я до той минуты легенде? Нет, конечно! Вот еще — козники джиджа против безвредного и добродушного скитальца... Туда не ведро с водой тащить надо, а кетмень с лопатой, чтобы разрыть холм и доказать простаку-Бахтияру, что зря они с дедушкой вместе на бедного джиджа напраслину возводят.

Но сейчас вышучивать Бахтияра мне не хотелось. Отца всё не было, и с каждой минутой я все больше ощущал какую-то безотчетную тревогу и боялся признаться самому себе, какие страшные мысли назойливыми ужами заползли мне в голову. И, быть может, лишь затем, чтобы отогнать их, развеяться, я спросил неуверенно:

— Думаешь, поможет?

Бахтияр, с радостью заметив, что я заколебался, замахал руками:

— Говорю же тебе — добрый он! Белый верблюд никого не обидит, кто с миром придет. Ты воды ему только отнеси... Он поможет.

— А ты пойдешь со мной?

— Никак не могу. Нельзя мне. К верблюду нужно одному идти. Обязательно одному! Он посторонних не любит... И еще... — тут голос Бахтияра, до того живой и стремительный, как горный ручей, почему-то разом сник. — К домулле мне надо завтра. — «Хафтияк» спрашивать будет.

— А что это?

— Да вроде Корана. Учебник. Ты не знаешь. Бахтияр, вздохнув, махнул рукой — дескать, и не спрашивай лучше, — этого тебе ни в жизнь не понять.

...И вот я с ведром воды здесь, на Ак-тепе. Что же надо говорить?

Погоди. Бахтияр сказал, что надо вылить воду сначала.

Я наклонил ведро, и когда вода исчезла, закрыл глаза и вдруг, удивляясь самому себе, истово зашептал:

— Пей, верблюдик! Пей водичку... А попьешь — батю моего разыщи и верни. Он ведь один у меня. Двое мы — я да он. А мама с сестренкой Наденькой — там остались, у Волги. Холера их, проклятая, сожгла... А чего б я тогда, верблюдик, сюда в Туркестан, подался?.. Батю я поехал искать. Хорошо, он до того весточку нам прислал — с адреском своим. Служу, мол, там-то и там, охраняю рабоче-крестьянскую власть от вражеской гидры и контры в лице басмачей... Ты, верблюдик, батю моего верни. А я тебе еще водички принесу. Если хочешь...

Меня душили слезы.

Горизонт был пуст. И верблюды молчали. Впрочем, чуда я и не ждал. А ведро... Так ведь не отсохнут же руки, если какую-то версту нести ведро воды.

Я возвращался. Когда пыльная толстая нитка дороги уже вдевалась в распластанный в долине безмолвный кишлак, где в глазах людей, постоянно ожидавших, как обвала, басмачей, читалась неистребимая тревога; где юрко бегали, пугливо прижимаясь к дувалу, диковинные существа — женщины без лиц — с их голов свешивалась длинная черная сетка, — вот тут какой-то непривычный в тишине пустынного поля звук заставил меня насторожиться.

Скачут! — сообразил я.

Я оглянулся — по дороге близ оставленного мною холма катил пыльный клубок. Конники! Отец! Я ни на миг уже не сомневался — это отец!

Бросив ведро, я во весь дух помчал навстречу. Так и есть — кавалеристы. И впереди — отец.

Вот так верблюдик! Ну какой все-таки молодец! И Бахтияр молодец — научил ведь.

Увидев меня, отец прибавил ходу, подскакал, легко спрыгнул с коня, обнял. Я молча зарылся лицом в пыльную родную гимнастерку, всхлипнул. Он взъерошил мои волосы, встряхнул и сердито сказал:

— Ай да Жорка! Стыд-то какой! Сын командира доблестной Красной Армии — и нюни развесил. Непорядок! Ну-ка, живо принять бравый вид! Это, между прочим, боевой приказ — слышишь, Георгий?

Я улыбнулся. Отец кивнул:

— Совсем другой разговор. А то ведь черт знает что такое — с кислой миной принимать сдачу врагов трудового народа. Гляди, какие мы гостинцы кишлаку ведем, — и отец показал нагайкой в сторону приблизившейся группы. Красноармейцы конвоировали связку басмачей. В пестрых халатах, глубоко зарываясь носками сапог в дорожную пыль, они проходили сейчас мимо, стреляя угрюмыми взглядами.

— Видал, какие недовольные! — кивнул отец.

— Здорово! — только и выдохнул я, восхищенный. — Где же вы их добыли?

— Выследили, наконец, волчье их логово! В пещере они устроились.

— Всех выкурили?

— Семеро там навеки остались — пещеру сторожить, а трое ушли... Ну а этих вот пусть народ судит. За все. И, между прочим, за хлопок.

— Их бы сперва на год к хлопковому полю цепью приковать — чтобы вспахали, засеяли, а потом урожай собрали — вместо того, который пожгли — предложил я.

Отец похвалил меня, посадил на коня, сам устроился сзади. Тронули.

— Мысль хорошая! — согласился отец. — Только где ж такую цепь сыщешь?..

Весь кишлак сбежался встречать отряд. Отовсюду слышались гневные выкрики. На лицах многих была радость — уж больно много бед причинила кишлаку эта злобная банда. Прибытие пленников говорило об избавлении от вечных страхов и недобрых ожиданий.

Я повсюду искал в толпе взглядом Бахтияра. Его не было. Впрочем, как я заметил, не было и других ребят из мактаба*.

**Мактаб (узб.) — школа.*

Ясно — домумла не отпустил.

Начался митинг. Первым выступил отец. Речь его то и дело прерывали одобрительными восклицаниями. Отец говорил, что скоро наступит время, когда уже ни один подлый наймит мирового капитала не сможет вредить трудовой власти. Выступил и красноармеец Каримов. Туго перебинтованная голова его была похожа сейчас на огромный кокон.

— Нет им места на земле, — сказал Каримов. — Кто хлопок сжигает, кто дехкан убивает — не человек. Шакал он. Волк он бешеный. И поступать с ним надо, как с бешеным волком.

Расходились по кибиткам, живо обсуждая новость... Отец устало передал мне поводья.

— Пойду вздремну. А ты напои Резвого, травку дай пощипать. Да не забудь скребницу — вишь, как запылится Резвый. Искупать его надо.

Я радостно схватил поводья.

— Айда, Резвый! Айда со мной, миленький!

Я был готов расцеловать пыльного коня. Ну и Резвый! В каких только переделках не побывал.

Я вел Резвого на поляну, где пробежал шустрый сай с вкусной прозрачной водой. Дорога шла мимо мактаба. Не удержался — глянул поверх глиняного дувала и сразу увидел Бахтияра. Вместе с другими кишлачными ребятами он сидел прямо на земле и, усердно раскачиваясь, вместе со всеми тянул заунывную мелодию. Тут же на возвышении чинно восседал домулла. Белая пышная чалма делала его голову похожей на гнездо аиста. В руках домуллы была длинная корявая палка, которой он время от времени взбадривал нерадивых, легко доставая с места любого из учеников. Я не вытерпел, крикнул:

— Бахтияр, отец вернулся!

Монотонное жужжание разом прекратилось. Все обернулись. Бахтияр вскочил, радостно повторил:

— Вернулся! Вот видишь — я же говорил, что он поможет — Белый верблюду!

— Они басмачей в плен взяли. Пять штук! Чего не пришел? Митинг был!

Домулла резво, не по-стариковски, спрыгнул со своего насеста и стал подбираться к дувалу, тыча в меня своей дальнобойной палкой. Хорошо, увернулся вовремя.

Ну его к лешему — этого домуллу. Контра да и только. Народ победу празднует, а ему и не скажи. А может, ему это и не праздник?.. Точно контра! И чего Бахтияр к нему ходит? Разве такой путному научит? Ясно — отец его заставляет. Хочется вечному батраку Базару-ака, чтобы был его сын большим ученым человеком, а не ходил по жизни с пилой и кетменем. Наверное, потому и имя такое сыну дал: Бахтияр. «Счастливым» — значит... Вот и пристроил беднягу Бахтияра к этому злобному домулле. Платить ему, правда, за науку нечем. Но ничего — договорились, что Бахтияр будет работать на винограднике домуллы. А работы там хватает. Колья вбить, лозы подвязать, виноград собрать, воробьев отвадить...

Не успел я сделать и несколько шагов, как вдруг калитка с грохотом отворилась и из нее вылетел прямо к моим ногам Бахтияр. Домулла стоял на пороге, бряцая бесконечной своей палкой и неистощимо извергая проклятия.

Я помог Бахтияру подняться. Щеку его украшала глубокая царапина, сочившаяся кровью. Бахтияр стер кровь ладонью.

— Из-за меня, да? — виновато спросил я. — Чего он так раскалился — чисто самовар без воды. Гляди, какой красный. На него сейчас холодной воды плеснуть — лопнет ведь.

— Пойдем отсюда скорее, Джурабай, — сказал Бахтияр. — Там поговорим.

— Это где же?

— Да на винограднике его. Где же еще...

— Туда, значит, спровадил? В наказание, что ли?

— В наказание.

— А за что?.. Чем ты провинился?

— Да... так... — Бахтияр отвел глаза.

— Не-ет, так не годится, — обиделся я. — Ты скажи честно. Домуллу своего покрываешь.

— Хочешь честно — скажу. Он говорит, что отступник я и что Аллах покарает меня за то, что... Что дружу с тобой...

— Вот это да! Чем же я ему не по нраву?

— Иноверец, говорит. За это, говорит, мне по мосту Сират ни за что не пройти. Свалюсь и сгорю в жарком пламени.

— Мост Сират? Что за такой? Где он?

— Да на том свете. Про него в Коране написано. Тонкий он, как волос. И если грешен человек — не пройти ему по этому мосту к вечному блаженству.

— Вот в чем дело! — расхохотался я. — В рай, значит, грозит тебя не пустить. Ну, а сам он, сам-то как по мосту пойдет?

— А у него палка есть длинная — видел какая? Он ею будет в дно пропасти упираться. Так и проскочит... Слушай! — спохватился Бахтияр. — Может, вместе пойдем на виноградник? Там и конь попасется — отличная есть лужайка. Пойдем, ты мне расскажешь, как у тебя с Белым верблюдом все вышло. Напоил ты его, значит?!

...И я рассказал ему, как первым встретил возвратившихся из похода красноармейцев...

Так, беседуя, мы пришли к винограднику домуллы. Огромная плантация — огромная по сравнению с куцыми земельными лоскутами бедняков — была

обнесена изгородью. В центре виноградника на высоких столбах был укреплен помост, открытый всем ветрам. Твой летний дворец?

— кивнул я.

— Он самый. Нравится?

Я оставил Резвого у ручья и мы полезли на помост.

Ну и красота! Изумрудное море виноградников плескалось под нами, колеблемое легким ветерком. Виноградник был похож сейчас на... Бахтияра! Да-да, Бахтияра — таким я увидел его у домуллы, заглядывая через дувал: он тогда вот так же, как виноградник, почти беззвучно, раскачивался и что-то бубнил про себя.

— А что вы читали там? — спросил я. — У домуллы.

— «Хафтияк». Помнишь, я говорил тебе... Очень сложная книга. В ней коротко Коран пересказан.

— Ясно, — кивнул я. — Учебник, одним словом. — И попросил: — А ты прочти мне что-нибудь.

— Вот еще! — сконфузился Бахтияр. — Стану я тебе Коран читать.

— И много знаешь?

— Да не очень.

— А все же! — не отступал я.

— Одну строку знаю. Первую.

Ну, если читать не хочешь — так хоть переведи.

— Ну что ты! — запротестовал Бахтияр. — Откуда же мне перевод знать?..

— Вот это здорово! — удивился я. — Как же вы учите без перевода-то?

— Учим! Наизусть надо знать — так домулла говорит.

— А как же перевод? — назойливо напирал я. Бахтияр пожал плечами:

— А зачем перевод?

— М-да! — вздохнул я. — Эдак из тебя, похоже, не скоро великий ученый выйдет. Разве что попугай — чтобы повторять за домуллой. Знаешь, птица есть такая.

— Какой еще — попугай! — обиделся Бахтияр. — Сам ты чем лучше?

— Ну не скажи! — хвастливо воскликнул я. — Я в школе учился. В настоящей. Целых три класса закончил, ясно?

Бахтияр опустил голову, а мне стало вдруг нестерпимо стыдно. Вот ведь пристал к человеку чисто пиявка — подавай мне, хоть тресни, перевод домулловской зауми — да и все. Разве ж виноват Бахтияр, что нет пока в кишлаке другой школы и что домулла, обложивший себя книгами с кружевами

мудреных текстов, — самый грамотный в здешних местах человек. Может, и Бахтияру хотелось бы в настоящую школу — чтобы читать и писать. А я...

— Бахтияр, ты прости меня! — сказал я. — Ты тут совсем ни при чем.

Бахтияр повеселел. А тут еще и лисица совсем неподалеку промелькнула — будто огненный язык жадно лизнул изумруд виноградного куста — и тут же скрылся.

— Видел, какая красная! — восторженно зашептал Бахтияр.

— Красная! — с готовностью кивнул я. — Как лицо твоего домуллы, когда он хотел меня своей дубинкой огреть. Погоди, да что это ты все — домулла да домулла! Имя-то у него есть?

— Как же, конечно, есть. Только трудное очень. С одного раза ни за что не запомнишь.

— А я и не собираюсь запоминать. Как имя-то все же?

Бахтияр молитвенно закатил глаза и, словно читая засверкавший в его мозгу огненными буквами текст, выпалил:

— Хайдаралиходжа ибн Саидхан ибн Саидамин Мирвалиходжа Актепаи!

Я изумленно попятился. Хорошо, Бахтияр вовремя схватил за руку — непременно свалился бы с помоста.

— Это что ты сейчас сказал? — потрясенно спросил я.

— Имя. Ты же сам просил.

— Это все — его имя?

— Не мое же! — Бахтияр, похоже, начинал терять терпение, тяготясь моей бестолковостью.

— Вот это имя! — восхитился я. — Да этим именем, если хочешь знать, он может запросто вместо кушака подпоясываться! Вот какое длинное да пышное — его же полметра писать надо.

— Никак не меньше, — улыбаясь, соглашался Бахтияр. — Можно подпоясаться.

А я расхохотался:

— Да что там подпоясаться — можно что-нибудь и поинтереснее придумать.

И припомнив, как сетовал еще сегодня отец, что нет па свете такой длинной цепи, чтобы пойманных басмачей к хлопковому полю работать приковать, заорал:

— Вот! Лучше из него, из имени, крепкий аркан пошить и басмачей связать!

Бахтияр помолчал, а потом зло сказал:

Как бы этот твой аркан не развязался. Сам...

Я подумал и согласился:

— Ладно уж, не будем шить аркана. Вернем это пышное имя целехоньким, без дыр и заплат его хозяину — твоему домулле Хайдару... Хайдару...

— Ладно уж! — махнул рукой Бахтияр. — Все равно не скажешь.

И тут глаза его заблестели.

— А знаешь, как мы его между собой называем?..

— Кто это — мы?

— Да ученики его.

— Как же?

— Аждар — вот как. Дракон, значит, в переводе.

— Ну, вот, а говоришь, что переводить не можешь! — хохотнул я. — Отлично перевел. Дракон — это хорошо. Это точно! Отлично переводишь, — хвалил я друга. — Ты ведь и меня перевел. Ловко я у тебя из Георгия, из Жорки, понимаешь, Джурабаем заделался.

— А разве неправильно? — заволновался Бахтияр.

— Насчет Джуры — ладно, не спорю. А вот зачем Ты мне бая какого-то к хвосту привязал — вот этого, честно говоря, не понимаю. Какой я тебе бай?

Бахтияр испуганно хлопал глазами, силясь понять — шучу ли я или всерьез обвиняю его сейчас в злостном протаскивании в светлое царство рабочих и крестьян байско-феодалных пережитков, злостно чуждых лучезарной мировой революции... Видя, что он напуган не на шутку, я расхохотался:

— Ладно, будь по-твоему. Джурабай так Джурабай. Я ведь пошутил.

— Пригнись! — шепнул вдруг Бахтияр. — Домулла сюда идет. Если увидит — прибьет. Ой, что сейчас бу-удет! — запричитал он.

Я лег на помост, наблюдая краем глаза за театром военных действий. Пути к отступлению не было. Стоило мне ступить ногой на лестницу, как цепкий взгляд domuллы тотчас заарканил бы меня.

— Чего он идет сюда? — зашептал я, не поднимая головы. — Сейчас узнаю. Наверное, проверяет — выполнил ли его распоряжение.

— А что он тебе велел делать-то, кстати говоря?

— Да торчать на этом помосте и воробьев отгонять.

— Ясно! Чтобы воробьи от тебя, как от живого пугала, драпали. Придумано неплохо.

Ах, Бахтияр! Ну почему ты только мне велел схорониться, а вот Резвому, мирно пощипывающему сейчас травку близ виноградника, вовремя шепнуть о том же не догадался.

Домулла сразу же заприметил безвинного коня и обрушил на него сотню проклятий, злобно отгоняя Резвого подальше от своего виноградника, будто боялся, что обжора конь слопает весь урожай, а потом, оставшись голодным, чего доброго, — попросит у него, у домуллы, еще и плов. Я видел, как вздрагивал Резвый каждый раз, когда комок сухой глины, метко запущенный домуллой, гулко ударял в живот коня. Красноармейского коня! Меня разбирала ярость. Вот ведь контрик — чистое слово! Резвый, считай, пять суток командира на себе нес. Можно сказать, банду помогал изничтожить, а этот бубняга коня, как врага революции, от ничейной травы да воды гонит. Я не выдержал и закричал:

— Не троньте коня! Он хороший. Он — батин! Домулла, занесший было руку для очередного броска, изумленно уставился на меня. Вот уж кого не чаял он увидеть здесь! Уж это точно!

Я шустро сбежал по лесенке и бросился ловить Резвого. Конь беспокойно метался по поляне.

Бахтияр остался наверху в ожидании новой жуткой кары. Наверно, ему казалось сейчас, что домулла мудреным своим бормотанием сделает так, что прямо от вознесенного над виноградником помоста внезапно проляжет роковой и непроходимый мост Сират, и что, верша правосудие, домулла велит обреченному бедняге Бахтияру прогуляться по любезно сотворенной им переправе, чтобы, упав, непременно угодить в пасть ангела смерти Азраила.

Поймав наконец Резвого, я закричал домулле, пытавшемуся заставить Бахтияра спуститься вниз:

— Только троньте его — я все бате расскажу. И как вы ребят на митинг не пускали — расскажу.

Заложив руки за спину, низко согнувшись, домулла быстро семенил обратно, изредка оборачиваясь и грозно потрясая кулачком в сторону помоста.

Спустился и Бахтияр.

— Теперь он с меня, как со свадебного барана, шкуру снимет и на дувал сушить повесит, — мрачно уронил он.

— Ничего, я ее ночью выкраду и снова тебе верну, — попытался пошутить я, но сразу же понял, что Бахтияру сейчас не до шуток.

— Дела-а! — протянул я. — Да, твоего домуллу, похоже, не задобришь, даже если сто ведер воды Белому верблюду отнесешь. И за что, спрашивается, Аллах ему такое пышное имя дал? В сто букв! Неужели все муллы — как наш Аждар? Может, в других кишлаках добрее?

Бахтияр обреченно махнул рукой. Я разозлился:

— Это ты брось! С батей моим поговорить надо. Он еще не таких шустряков усмирял, если хочешь знать.

— Да если его усмирить — кто тогда учить ребят будет? Народ не позволит...

— Учить... учить... — ворчал я. — Тебя-то он чему выучил? Ладно, пошли скорее, чего ноги еле тащишь? Домуллы бояться — в кишлак не ходить...

Мы уже подходили к дому, как вдруг Бахтияр схватил меня за руку.

— Гляди, домулла пришел — с отцом моим разговаривает.

— Ясно! — процедил я. — Жалуется небось. Заметив нас, Базар-ака прикрикнул на сына, поманил пальцем, подзывая к себе. Бахтияр пугливо подошел, и тут Базар-ака цепко ухватил его за ухо и с силой поволок во двор. Домулла, ухмыляясь, отступал, прижимая руку к сердцу и всем своим видом давая понять, что он приветствует наказание ослушника.

Со двора доносился сейчас громкий плач Бахтияра — похоже, Базар-ака, которому домулла наговорил про нас невесть что, нещадно лупил сына. Это было уже слишком. Бедняга Бахтияр! Целый день ему одни неприятности...

Я вбежал во двор. Так и есть. Базар-ака стегал Бахтияра прутом гузапай*.

---

*Гузапая — Высохший хлопковый куст. Используется в качестве топлива.

Их окружали братья и сестры Бахтияра, молча взиравшие на экзекуцию.

— За что же вы так? — не выдержал я. Базар-ака на миг придержал занесенную для удара руку.

— Иди в свою кибитку! Не твое дело, не вмешивайся. Этот негодник самого домуллу обидел!

И тут из приземистой комнатухи, которую Базар-ака выделил нам с отцом на постой, выглянул заспанный отец. Он натягивал гимнастерку и с недоумением переводил взгляд с лица на лицо, силясь понять, что происходит.

— Ну, братцы, с вами тут не соскучишься, — заворчал он. — То пожар, то драка. За что, если не секрет, парня лупцуете, хозяин?

Я бросился к отцу, крича:

— За домуллу, батя! Он его не учит, а только на виноградник свой посылает. Я сам видел... И еще жалуется... И в Резвого он камнями пулял...

Ни за что!

Отец резко осадил меня — словно Резвого — на полном скаку:

— Да погоди ты! Ничего не пойму — кто, где, почему... А ну-ка, иди сюда, Бахтияр, да толком расскажи сам, какую такую классовую борьбу затеял ты с этим твоим домуллой. Я, между прочим, и сам к нему давно присматриваюсь.

Бахтияр прорыдал:

— Дядя Ваня... Я... Он...

Поняв, что от Бахтияровых невнятных объяснений сейчас мало проку, я выпалил:

— Батя, домумла их на митинг не пускал. Злой он — вот и все дела!.. Бахтияр ничего плохого не сделал. Он учиться хочет, а домумла его на винограднике против воробьев держит.

Отец вздохнул:

— Учиться, значит, хочет? Это хорошо. Только ведь, какая от домумлы наука. Он и сам-то от силы слов сто из Корана заучил, а думает, что мудрее его и человека нет на свете.

— Не надо так говорить! Не надо! — запротестовал вдруг Базар-ака.
— Он, и вправду, ученый человек.

— Это кто же? — ухмыльнулся отец.

— Домумла Хайдаралиходжа — да сохранит его Аллах. Он детей наших учит.

Отец замолчал, почесал затылок.

— Верно говорится — на безрыбье и рак рыба. Погодите, будет вот и у вас настоящая школа и настоящий учитель — поглядим, что потом скажете. И тут отца осенило.

— Послушайте, джигиты, есть идея! А хотите всем отрядом учить вас будем? А что, пока нет настоящего учителя, — и мы сойдем! Сыщем грамотея среди моих храбрых кавалеристов и отдадим ему боевой приказ — пусть кишлячных ребят уму-разуму учит! Согласны?

Он обернулся ко мне:

— Да и тебе, Жорка, пора бы кой-чего в памяти освежить. Забыл уже небось как карандаш держать — руками или ногами.

Базар-ака улыбнулся.

— Ну зачем вы так, Иван-ака! Ваш Джурабай и читать умеет. Вот бы Бахтияру так...

— Сумеет не хуже, — пообещал отец. — Срок только дайте — он еще его и обскачет. Подумаешь, грамотея сыскали — читать умеет. В час по чайной ложке... — И подводя итог разговору, отец сказал: — Итак, решено: в воскресенье, Бахтияр, созывай утречком ребят к кишлячному совету — там учиться будем. Договорились, что ли?..

Отец оправил ремень и вышел на улицу. Я увлек Бахтияра:

— Пойдем поговорим, кого позовем.

— Как это кого?! — округлил глаза Бахтияр. — Да всех из школы домуллы. Думаешь, им лучше, чем мне? Он радостно потирал руки: — Представляю, как разозлится Аждар, когда мы его учеников переманим.

«ПРОТИВНИК СИЛОЮ ДО ОДНОГО ДОМУЛЛЫ...»

Воскресным утром на площади перед кишлачным Советом стояли вместе с Бахтияром дюжины две босоногих ребят. Лица их светились торжественным ожиданием. Среди них я узнал и тех, кто ходил бормотать к домулле.

Подошел, улыбаясь, отец, а с ним — забинтованный красноармеец Каримов. Ребята заволновались, вытянулись.

— Ага, уже собрались! — улыбнулся отец. — А я вам учителя привел. Вот — красноармеец Анвар Каримов. Комсомолец, между прочим. Анвар вас с алфавитом познакомит. Он их, оказывается, целых два знает — русский и арабский. Видали, какой ученый человек. Находка!

Каримов сконфуженно молчал.

— Так что сегодня он проведет первый урок. Учебников, правда, пока нет. Но зато есть две газеты и книга великого поэта Пушкина — слышали про такого? Между прочим, он за дехкан был. И даже нашего Каримова от верной смерти спас.

Отец обернулся к Анвару. Так было дело, Каримов?

— Так точно, товарищ командир! — подтвердил тот.

— А теперь... — отец вдруг посуровел и вытянулся в струнку. Подобрались и все, кто был рядом. — Слушай боевой приказ!.. Противник силою до одного домуллы пытается задержать наступление новой эры в кишлаке Ак-тепа и стремится закрепиться на захваченных позициях. На стороне противника безнаказанно орудует поголовная неграмотность личного состава бедняков кишлака. Ориентир один — отдельно стоящий домик кишлачного Совета. Приказываю: нашими превосходящими силами немедленно занять указанный ориентир с целью овладения первой буквой алфавита. Выполняйте!

Все мы, ясное дело, слушали этот диковинный приказ, пораскрывав рты, сиюсь понять — шутит ли командир или, и впрямь, всерьез отдает боевой приказ на дерзкий штурм алфавита.

Я скосил глаза на Каримова и увидел, что он слушает приказ так, будто ему велено одному сразиться врукопашную с тем мерзким джинном, который Белого верблюда со света сжил.

Каримов и отец первыми взошли на крыльцо Совета, а за ними гуськом потянулись и мы. Каримов толкнул дверь, вошел в комнату и вдруг оглушительно чихнул. Будьте здоровы, Анвар-ака! — поспешил выпалить я.

Каримов в ответ чихнул еще раз, а с ним — и отец! В этот раз доброго здоровья пожелали хором уже все ребята. Мы вошли в комнату Совета и, удивительное дело, вслед за Каримовым начали неудержимо чихать, недоумевая, что за странный недуг поразил нас всех разом — будто в наши носы влетели полчища чихательных микробов. Неудержимо чихая, мучаясь от нестерпимого щекотания в носу, я первым выскочил на улицу, а следом и остальные. Но и выбравшись на воздух, мы долго не могли отбиться от неожиданной эпидемии. Тут... тут... — порывался сказать что-то Каримов и, чихнув, довершил:

— Что-то тут... апчхи!.. не так. Надо... апчхи!.. проверить.

Не отставал и отец.

— Я же... апчхи! говорил... что... апчхи! тут пахнет... апчхи!..

противником. Я же говорил...

Начихавшись досыта, Каримов зажал нос пальцами и вновь скрылся в комнате, где с нами только что произошли удивительные вещи. Надо ли говорить, что его возвращения из заколдованной комнаты мы ждали с величайшим нетерпением. Впрочем, он и не заставил себя ждать — вышел едва ли не через полминуты, осторожно неся что-то па вытянутой ладони.

« Вот, товарищ командир, поглядите сами — перец. Красный перец! — доложил он. — Я его с полу собрал — весь усеян. А это, — Каримов показал на темно-зеленые горошины, — насвай*.

---

*Насвай — особо приготовленный вид табака, закладываемого под язык.

— Его там тоже насыпано вдоволь. Тут не то что чихать — помереть можно!

— Дела-а! — протянул отец. — Между прочим, надо бы и разобраться, кто это здесь ночью такую мину заложил.

И тут мое внимание привлек странный предмет, лежавший слева от крыльца у самой стены. Это была небольшая пустотелая тыква.

— Что это здесь? — спросил я, поднимая тыковку. Каримов вдруг выхватил ее прямо из моих рук.

— Дай-ка сюда. Это ведь наскавак! — и объяснил специально для меня: — Ну, вроде табакерки, в ней насвай хранят.

Оглядел. Перевернул. Из табакерки выкатилось несколько зеленых горошин.

Вперед протиснулся Бахтияр. Взмолился:

— Анвар-ака, можно я посмотрю ее?!

— Держи, не жалко.

Бахтияр схватил наскавак и, ткнув пальцем в какую-то непонятную вязь на крутом ее боку, горячо выдохнул:

— Домулла! Его наскавак...

— А не ошибаешься? — Анвар пристально глянул на Бахтияра.

— Она самая! — уверенно подтвердил Бахтияр. Я ее хорошо запомнил, не раз засыпал в нее насвай — домулла велел.

— Яс-сно! — процедил Анвар. — Значит, мину решил подложить под новую школу. Погоди, — спохватился он. — А как узнал домулла о нашем уговоре собраться здесь? Колдун он, что ли?

— Да никакой не колдун! — сокрушенно вздохнул Бахтияр. — Как не узнать — когда я уже семь его учеников к вам сманил. Вот же они все — Анвар, Мансур, Алишер...

— Всех сманил?

— Нет... Некоторые отказались.

— Струсил, что ли? Домуллы испугались?

— Еще не известно — кого больше... — Бахтияр замолчал, задумался.

Потом спохватился: — Постой, а уж не их ли домулла сюда ночью прислал?

— А как же его табакерка? — возразил Анвар. — Может, сам?

— Разве из такой маленькой табакерки весь пол насваем засыплешь? — горячо доказывал Бахтияр. — Точно это были они. Предатели! А домулла с ними был. Точно! Мало ему было, что они насыпали — так вот он напоследок и из табакерки не пожалел. А ее, пустую, здесь же и обронил в спешке. Боялся ведь, что заметят.

— Значит, ты уверен, что все это организовал домулла? — спросил я. — Неужели он способен на такое? Он ведь у вас все-таки учитель, а не лазутчик...

— А ты у Рихсивоя лучше спроси, на что способен домулла! — с этими словами Бахтияр тронул за рукав черноглазого застенчивого мальчишку, заметно прихрамывавшего на обе ноги.

— Рихсивой, покажи Джурабаю пятки. Садись сюда, на крылечко...

Рихсивой засмутился, но послушал Бахтияра. Осторожно, будто снимая бинты с неунявшейся раны, снял он с ног резиновые кауши и поднял ноги так, чтобы я увидел пятки, иссеченные черными вспухшими полосами.

— Что это? — испугался я.

— Прутом он его по пяткам колотил за то, что запнулся при чтении «Хафтияка».

— А как он пятки его достал? — не унимался я.

— Достал! У него палачи есть — они как раз среди тех, что сегодня не пришли... Домулла приказал, и они держали Рихсивоя, чтобы бить удобно было... А напоследок еще и сказал, что в следующий раз разрежет пятки и посыплет солью. Думаешь, не посыплет? Еще как посыплет!

Я поежился...

Отец, до того молчавший, вздохнул:

— Складно говоришь, Бахтияр. Да только, между прочим, все это доказать надо.

— А очень просто! — воскликнул Бахтияр. — Я знаю, где у домуллы насвай лежит. Гора целая. Надо прийти и посмотреть. Если нет — значит он, кому же еще?

Отец развел руками:

— Сдаюсь! Похоже, крышка домулле. Эх, знал бы он — вовек не связывался бы с тобой, Бахтияр.

— Так давайте побежим скорее к нему! — загорелся Бахтияр, окрыленный похвалой.

— Тебе бы все бежать! — улыбнулся отец. — А как же боевой приказ?

Бахтияр с удивлением посмотрел на отца. В его глазах читалось недоумение: какой еще боевой приказ?..

— Боевой приказ надо любой ценой выполнять, — повторил отец. — Приказано ведь вам — овладеть первой буквой алфавита. Или уже забыл?

— Так... ведь... там... умереть можно... — пролепетал Бахтияр.

— Верно! — согласился отец. — Я сам последний раз так чихнул — думал, нос отломится и в окно вылетит. Ну так что же, сдадимся, позволим противнику праздновать победу? — Отец глянул на Каримова. — Как думаете, красноармеец Каримов? Ваше решение?..

— Никак нет, товарищ командир! — ответил Анвар. — Противнику не сдадимся — примем бой на новой позиции.

— Верно, верно! — одобрил отец и, шагнув к двери здания, погладил ее гладкооструганную поверхность.

— Пожалуйста — чем не доска? На ней углем писать можно — потом сотрете. А что скамеек нет — ничего, на первый раз, между прочим, можно и постоять... Как думаете, товарищ Бахтияр? — и, но дожидаясь ответа, кивнул Анвару: — Действуйте!..

Спустя пару часов мы, взволнованные, расходились по домам, живо обмениваясь впечатлениями от урока. После урока мы, зажимая носы, по очереди подмели пол и открыли окна и дверь... Тьму перца и насвая смели. Удивлялись: как же крепко, должно быть, возненавидел нас жадина домулла, если не поскупился на доброе ведро дорогих в наших краях перца и насвая! Сильно, видать, мы ему насолили, если он в отместку решил нам... наперчить. И только Бахтияр сокрушался:

— Надо же так? Ведь перец с насваем нам подсыпали... Выходит, домулла будет потирать руки и радоваться? А кто его накажет?

Сказал ведь отец — это еще доказать надо.

— Давай пойдем и докажем.

— Так он тебя и пустит! — вздохнул я. — А мы скажем, что нам твой отец приказал, — размечтался Бахтияр.

— Все равно не пустит. Скажет — приказ покажите... Послушай, — заметил я. — А ты, похоже, осмелел не на шутку. Вчера от одного его имени готов был в воздухе раствориться, а сегодня...

— Не пойду я к нему больше учиться — вот что! — зло перебил меня Бахтияр. — Неужели непонятно?..

— А как же воробьи? — усмехнулся я.

— Сам пускай гоняет. Вот им пусть насвай и подсыпает.

— Отличная идея! — подхватил я. — Пусть себе чирикают на здоровье!

— Так пойдем, что ли? — вновь заныл Бахтияр.

— Отчего не попробовать, — согласился я, честно говоря, мало веря в успех затеи.

Скоро мы уже колотили в запертую калитку домуллы. Он отозвался скоро.

— Это мы, домулла Хайдаралиходжа, — крикнул что есть мочи Бахтияр. — Откройте, дело у нас есть к вам.

— Это ты, Бахтияр! — сладеньким голоском пропел домулла. — Сейчас, сын мой, подожди немножко. Сейчас... Сейчас...

И заглянул в щель в калитке и увидел, что домулла отвязывает пса.

— Гляди, кого на нас натравить хочет! — затормошил я Бахтияра. Он прильнул к щели и тотчас же испуганно отпрянул, схватив меня за руку.

— Бежим скорее! — заволновался он. — Душмана отвязывает.

— Злой, да?

— Пострашнее самого Аждара!

— Ясно, драпать надо...

Мы пустились наутек, отбежав на солидное расстояние — поближе к деревьям, чтобы, в случае чего, спастись на ветке, и остановились. Тягуче

скрипнула калитка и из нее вышел домулла, с трудом сдерживая рвущегося с цепи Душмана. Увидя, что мы далеко, домулла показал на нас Душману и развязал ошейник. Душман с истошным лаем, ничего хорошего не сулившим, ринулся к нам, и мы, недолго думая, спокойно полезли на дерево. Душман топтался у карагача, царапал могучий ствол и злобно рычал на нас. Да только куда ему — на дерево залезть! Наоравшись досыта, Душман нехотя убежал, то и дело оглядываясь.

Мы спустились с дерева и пошли домой, где я сразу же рассказал отцу о новом происшествии.

— Значит, все-таки его работа, — сказал отец. — Ничего, доберемся и до домуллы. Ясное дело — злится, что авторитет его расшатываем, учеников переманиваем. Но это — позже, позже... Есть дело и поважнее. Вот, депешу получил — срочно препроводить пойманных басмачей в Ташкент. Не век же им у нас в сарае сидеть — судить их будут по всем рабоче-крестьянским законам. И вот какая, между прочим, Жорка, идея у меня появилась: с собой тебя возьму.

— В Ташкент? — обрадовался я.

— Учиться будешь. Хватит тебе дурака валять, пора наконец и делом заняться. Гляди, как кишлячные ребятишки к знаниям льнут. А твоя арба, брат, не хуже ихней забуксовала. Что с того, что ты их на алфавит обогнал. Дальше тебе идти надо. В школу пойдешь! — твердо заключил отец.

— погоди, батя! — насторожился я. — А как же ты — тоже в Ташкенте жить будешь?

— С чего ты взял? Солдат я, солдат революции — и жить обязан там, где революция прикажет. А тебе, между прочим, звание солдата еще завоевать нужно. Жить будешь у товарища моего боевого и тезки — Ивана Андреевича Басова. Мы с ним кровушкой нашей побратались.

— Воевали вместе?

— В сентябре семнадцатого. Тогда генерал Коровиченко карателей господина Керенского на Ташкент повел — рабочих усмирять, революцию душиить. Да только вышла у генерала такая штука, что не помогли ему ни казачьи полки, ни бронепоезд. Ничего не получилось из этой подлой затеи Временного правительства — революционные рабочие, железнодорожники из Красновосточных мастерских юною революцию грудью заслонили.

Революция выстояла, а вот сам генерал головушку свою обронил...

— Как же я в Ташкенте один буду?

— Вот ведь сорока! — рассердился отец. — Заладил свое — один, один... Я же тебе объясняю: у Ивана Андреевича жить будешь. Он ведь мне теперь вроде брата, а тебе, получается, дядька родной.

— А он тоже военный?

— Был военный. Был... Когда революцию делали. Тогда все были военными. А так — железнодорожник он. В мастерских. Паровозы они лечат, трудно нынче стране без паровозов. Так что поживешь у него. В школу пойдешь, а там, глядишь, и к делу какому приглядываться начнешь. Не век же тебе здесь, в кишлаке, сидеть, — А как же ты, батя?

— Некрасиво рассуждаешь, Жорка. Может, мне тебя заместо булавки к гимнастерке прикажешь пристегнуть и повсюду за собой таскать? Будем еще вместе. Вот всех бандитов переловим, что власти Советской вредят, будем тогда с тобой, Жорка, общий очаг заводить. А пока нет никакой такой возможности. Сам же видел, как они хлопок пожгли. А дай им волю — всю страну пожаром охватят. Так что пакуй, братец, вещички — завтра утречком по холодку и выступим...

В проеме, завешенном, мешком, который служил нам дверью, показался Бахтияр. Я обрадовался другу, поспешил поделиться новостью:

— Слышишь, Бахтияр, а меня батя в Ташкент берет. Учиться буду.

— Когда уезжаешь? — спросил Бахтияр, и глаза его потемнели.

— Завтра, — ответил я, сетуя в душе на свою бестактность. Надо же, Бахтияр останется здесь — с Аждаром и Душманом воевать, а я преспокойненько заявляю, дескать, нет мне до твоих, Бахтиярка, хлопот никакого дела, разные у нас с тобой пути-дороженьки. Будто Бахтияр меньше моего учиться хочет. Вот если бы мы могли поехать вместе...

— Иван-ака, а можно, я тоже поеду с вами? Отец долго молчал, прежде чем ответить.

— А батяка твой тебя отпустит? Бахтияр пожал плечами. А я загорелся:

— А что, давай уговорим его вместе. Батя, никак нельзя нам Бахтияра здесь одного оставлять, его домумла склюет.

— Это верно! — вздохнул отец. — До зернышка он склевать человека может. Если, конечно, позволить.

— Ты представь только... — горячился я. — Ведь вовек не простит домумла Бахтияру того, что учеников его он с толку сбил, сманил из его молельни. Худо ему будет здесь одному.

— Я-то что... — развел руками отец. — Если надо — пристрою и Бахтияра в Ташкенте. Советская власть — всем детям мать родная, в обиду не даст. А вот как отец его — Базар-ака. Отпустит?

— Побежали к нему! — затормошил я Бахтияра. — В два счета уговорим.

Я ошибся, думая, что уговорить отца Бахтияра не составит труда, Базар-ака наотрез отказался отпустить Бахтияра.

— Работать надо! — жестко сказал он. — Помогать надо. Кушать всем надо и работать всем надо. А учиться и здесь можно. Чем не учитель наш почтенный Хайдаралиходжа ибн Саидхан ибн Саидамин Мирвалиходжа Актепай! Он священные книги знает, и сам он человек святой. Он ведь хадж совершил, Мекку посетил, святой Каабе поклонился. Вот ты, Джурабай, сначала сходи в Мекку хоть разок, потом будешь с людьми спорить.

— Зачем мне в Мекку? — удивился я. — Я в Ташкент хочу. И Бахтияр ваш хочет. Там почище вашего домуллы мудрецы есть. Они его живо за пояс заткнут.

Базар-ака молчал.

— Да вы поймите, Базар-ака! — пытался убедить я хозяина дома. — Бахтияр учиться будет, ученым станет, весь кишлак прославит. Сами потом порадуетесь, что отпустили его учиться. Да и не один он, мы вместе поедем.

Базар-ака хранил молчание, давая понять, что дальнейшие переговоры бесполезны.

— Ну не век же Бахтияру вашему крыши глиной мазать, будто это и не крыша вовсе, а кулич пасхальный! Не век же ему дрова пилить да всему кишлаку по другим мелким делам угождать.

— Какие же это мелкие дела? — вспылил Базар-ака, и я понял, что сгоряча сказал глупость. — Думаешь, крышу на зиму обмазать — это мелкое дело? Ошибаешься, дорогой. Крыша есть — тепло в кибитке есть, вода не льется на голову. Это большое дело. Думаешь, в Ташкенте люди крыши не мажут? Еще как мажут! Никак нельзя человеку без крыши...

Долго еще кипятился так Базар-ака, рассуждая о важности крыши, пилки дров и приготовления плова для веселого праздника — тоя. В глазах Бахтияра стояли слезы.

КТО УКРАЛ ДОРОГУ?

Утром пленников вывели на улицу. Их окружали кавалеристы. Остальным бойцам отец приказал остаться в кишлаке. Конь по кличке Буян предназначен для меня. Близок был миг прощания.

— Приедешь когда-нибудь к нам сюда? — с сомнением в голосе спросил Бахтияр.

— Конечно, приеду! — бодро восклицал я, чтобы хоть как-то утешить друга.

Бахтияр вдруг предложил:

— А хочешь — я с тобой поеду?

— Так... батя ведь твой... — забормотал я. — Сбежишь, что ли?..

Бахтияр замахал руками.

— Да не в Ташкент. Просто провожу немножко — до Минг-Урюка, там мой дядя живет, братья. Отец давно говорил, что навестить бы их надо... А потом я сам вернусь.

— Идет! — обрадовался я. — Буян не то что двоих — целый эскадрон запросто поднять сможет!..

Скоро мы выступили. Впереди лениво поднимал копыта Резвый, двое кавалеристов двигались по бокам, а один замыкал всю группу. Последними горделиво восседали на Буяне мы с Бахтияром. Пленники уныло змеились по проселку, как гюрза, у которой железными клещами вырвали ядовитое жало.

В Минг-Урюк мы добрались в полдень. Солнце висело над головой, как огненный ковш, который, постепенно наклоняясь, беспощадно лил и лил на голову раскаленные струи. Остановились у чайханы, расположившейся в тенистой рощице у широкого арыка. Кавалеристы отдыхали, с наслаждением опустошая несметное количество горячего, как солнце, кок-чая. Солнце чая было сильнее солнца в небе — чай побеждал жару.

Чайханщик подошел к отцу, спросил осторожно:

— Товарищ начальник, а этим, — он кивком показал на басмачей, — тоже чай надо дать, да? Так ваш солдат Каримов передал.

— Верно сказал, — кивнул отец.

Чайханщик заволновался, негодуя покачал головой:

— Никак не можно, товарищ командир. Народ мне потом плохие слова скажет. Скажет: наверное, ты, Бахрам, мозги у ишака одолжил, если согласился в своей чайхане басмачам пиалы с кок-чаем подносить. Так скажет народ, и ходить ко мне перестанет.

Отец рассмеялся.

— Твоя правда, чайханщик!.. Но чайку им, между прочим, все равно дать придется. А народу, если с упреком пристанет, ты так объясни... Скажи, что велел красный командир напоить врагов целебным чаем перед тяжелой дорогой, чтобы живыми да здоровыми их в Ташкент доставить. А спросят, зачем забота такая, зачем басмачам здоровье сберегать, — тоже объясни. Скажи так: чтобы перед справедливым расстрелом коленки не дрожали, дожили чтобы до праведного рабоче-крестьянского суда за черные свои бандитские заслуги! Так что никак нельзя обойти их чаем, Бахрам-ака! — заключил отец. — Потому как сохранить их, стало быть, надо для правосудия.

Чайханщик принес чай и с опаской поставил перед басмачами. Пугливо сказал:

— Только вы им всем сразу руки не развязывайте. По одному пусть пьют... Отец поднялся с тахты, поблагодарил чайханщика и подозвал Каримова.

— За старшего останешься, — сказал отец. — Смотри, чтобы был полный революционный порядок. А я на станцию слетаю — тут недалеко. По телеграфу потолковать нужно кое с кем. Вернусь через два часа.

Отец ловко вскочил на Резвого, пришпорил коня, полетел карьером и скоро скрылся за облаком лохматой пыли. С непонятной тревогой глядел я ему вслед. Подошел Каримов.

— Советую поспать. Силы набирайся — всю ночь ехать будем. Гляди, какая роскошная тахта!

Мы с Бахтияром улеглись на тахту. Духота скоро сморила и мы уснули...

Я проснулся от резких, как винтовочные выстрелы, голосов, приоткрыл глаза. Проснулся и Бахтияр. Незакомый мне дехканин, ожесточенно жестикулируя, громко и тревожно толковал о чем-то Каримову по-узбекски. Слушая, Каримов нервно оправлял гимнастерку и нервно сжимал ложе винтовки. Пленные басмачи оживленно переглядывались.

Я перевел взгляд на Бахтияра. Он был бледен и напуган.

— Что случилось, Бахтияр? — спросил я. — Переведи, пожалуйста.

— Он говорит... Сейчас, говорит, басмачи на станцию напали. Захватили, говорит, телеграф, а телеграфиста, припугнув оружием, заставили угрозы всякие на соседнюю станцию передать. А потом с собой его увели.

Я мигом слетел с тахты. Как же так — ведь отец сказал, что поскачет на станцию... Бросился к Каримову, потянул его за руку, закричал:

— Анвар-ака, скорее!.. Отец там!

— погоди! — Анвар отвел руку. — Дай поговорить с человеком, может, знает, что с ним, — и спросил дехканина: — А красного командира там не было? Не слышали?

— Говорят, какой-то аскер* перестрелку с ними затеял. А кто такой — не скажу. Не знаю. Каримов побежал к коню, крича:

— Всем — караулить басмачей!.. Я на станцию.

— И я с вами! — задохнулся я в крике.

Каримов протестующе помахал нагайкой и ускакал.

---

*Аскер — солдат

Лишь мгновение мною владело замешательство. Лишь мгновение... Я бросился к Буяну, дрожащими руками отвязал от тополя.

— И я! — крикнул вдруг Бахтияр. — Меня не забудь!

Дорога привела к железнодорожному полотну, разделившему в этой пустыне две бескрайности, и поскакала параллельно ей.

— Смотри! — воскликнул вдруг Бахтияр, и я удивился: железная дорога почему-то оборвалась, хотя насыпь убегала вдаль. Повсюду были глубокие рытвины, следы. Мы проехали еще метров двести. И — чудо: дорога вновь появилась, как появляется в чахлой пустыне живительный родник.

— Чудеса! — восхитился Бахтияр. — Кто украл дорогу?

— Зря, между прочим, веселишься, — хмуро сказал я, отметив про себя, что впервые произнес привычную, липучую отцовскую присказку — «между прочим».

— Думаешь, это сделали басмачи? — догадался Бахтияр.

— Кому же еще. Дай им волю — не то что поезда, вся жизнь в бархан носом зароется и замрет.

— Как Белый верблюд... — задумчиво сказал Бахтияр. — А басмачи — это и есть злые джинны.

Он встрепнулся, будто пробудился от волшебных чар.

— Скорее надо на станцию. Паровоз ведь пойдет, люди погибнут.

Меня осенило:

— Послушай, а если паровоз с другой стороны пойдет, пока мы до станции домчим?

Бахтияр понял с полуслова, свалился с коня в песок.

— Скачи один, — поторопил он меня. — А я здесь останусь. Не быть бы беде.

— А не побоишься один? Неровен час — еще и вернутся басмачи...

— Не вернутся. Они рельсы уволокли, в песок зарыли, а сами уже давно в норы свои попрятались. Скачи.

Я пришпорил Буяна, полетел к станции.

Я сразу же увидел забинтованную голову Каримова. Он стоял в центре большой толпы, окружившей станцию. Спрыгнув с коня, я отчаянно заработал локтями, просверливая себе дорогу. Очутившись рядом с Каримовым, я увидел отца.

Он лежал на разостланной шинели, а рядом — еще двое, совсем незнакомых...

В первое мгновение я ничего не понял.

“Что?.. Что с ним? — вопрошал я Каримова глазами, полными ужаса. — Ранен? Сильно?”

Каримов молча привлек меня к себе, обнял. К нам протиснулся седой узбек. Спросил Каримова:

— Что за джигит?

— Сын его. Аксакал вздохнул:

— Хороший был, видать, человек. Смелый лев. Один стаи шакалов не побоялся.

Меня душили слезы. Аксакал гладил меня по голове и повторял только одно слово:

— Сынок... сынок... сынок... сынок...

Там... дорогу убрали... — всхлипнул я. — Рельсов нет... Бахтияр сторожить остался... А я... сюда...

— Где дорогу украли? — встрепенулся Каримов. — Я наперерез поскакал, не по дороге, ничего не заметил.

— Там! — неопределенно махнул я рукой.

От толпы спешно отделилось десятка два человек.

— И это их рук дело, — сказал Каримов. — Как саранча налетели. Иван Иванович, отец твой, к станции подъехал, когда шакалы эти уже уходить собрались. Услышав выстрелы, он сразу сообразил, что произошло, и принял бой. Трех уложил... Да только вот себя командир наш не уберег. — Губы Каримова исказила судорога: — А он... им... чай он им приказал дать... Пожалел их. А они...

Каримов отвернулся, прижал к глазам рукав гимнастерки.

Аксакал вздохнул и вновь положил корявую горячую руку на мою голову:

— Не забудет его народ, сынок. Не забудет. Легенды о нем народ слагать будет. Гордись отцом. Он, как могучий богатырь Фархад, врагов сметал и дорогу в скалах долбил — чтобы народу путь открыть. Нельзя у народа украсть дорогу. Нельзя!

Я уткнулся лицом в цветастый халат старика, уже не сдерживая рыданий... Один... Совсем один... На всем... белом свете один... А старик робко поглаживал меня и все повторял как-то виновато:

— Сынок... сынок... сынок... сынок...

Отца похоронили в центре станционного поселка, в небольшой рощице. На деревянном обелиске, увенчанном красной фанерной звездой, Анвар Каримов вывел: «Иван Иванов — кизил аскер. 10/ X—1921».

Рядом со мной стоял Бахтияр.

— Теперь я тебя ни за что не брошу! — твердо сказал он. — Вместе поедом в Ташкент. Теперь нам никак нельзя расставаться.

— А как же отец? Подумает, что пропал... Что украли мы тебя и увезли — так ведь?

— Не подумает, — успокоил меня Бахтияр. — Я братишке из МингУрюка уже обо всем рассказал. Он и передаст, чтобы не волновались. Жив, мол, и когда-нибудь вернусь.

Я стиснул руки Бахтияра. Верный мой друг был рядом, был со мной. И значит я уже не один... Между прочим...

«ПОЗАБЫТ-ПОЗАБРОШЕН...»

В Ташкент мы катили на открытой платформе, которую толкал впереди себя паровоз, упираясь в нее, как свирепый бодливый бык. За собой паровоз тянул вагоны. Кони на платформе прятали головы от тугого встречного ветра, а когда паровоз, словно запыхавшись, сбрасывал бег, они заметно веселели и с любопытством поглядывали на рельсы, которые состав неумоимо наматывал на колеса. В эти минуты он казался огромным железным драконом, пугавшим степь четырьмя лошадиными головами.

Машинист, поглядывавший на нас из окошка паровозика, постоянно улыбался. Когда подъезжали к Ташкенту, он крикнул что есть сил, преодолевая хлесткий кляп встречного ветра:

— Подъезжаем! С ветерком доставили! Как там ваши пленники — не простудились, не кашляют? Нет?.. Ну хорошо, а то могу сюда пригласить — у топочки паровозной согреться...

Каримов молчал, обиженно отворачивался. Думал о своем.

На вокзале мы растеряли друг друга в безбрежном людском месиве. Люди с мешками и котомками запрудили вокзал и площадь перед ним — насколько хватало глаз. Можно было подумать, что они собрались сюда со всего света на великий митинг, прознав, что услышат великое слово. Только не было для них сейчас оратора, желаннее редкого паровозного гудка. Это — для желающих ехать. А тем, кто приехал в Ташкент из мест, где целые деревни подчистую съедал людоед-голод, спешить было некуда. Целые семьи располагались прямо на площади — в сухих арыках, под деревьями, служившими площади зеленой оправой.

— Гляди, какое страшилище! — показал я Бахтияру на плакат, вознесенный на стену вокзала. Бахтияр изумленно зацокал и поежился:

— Об-бо-о! Кто это?

— Вошь.

— Что за зверь? Такой огромный...

— Это на плакате огромный. А так — и не разглядишь — плюнуть не на что. А страшный. Волка страшнее. Хуже войны людей косит. Потому как тиф. Болезнь такая!..

Мы пробирались сквозь детский плач, сквозь разухабистый напев гармошки — удалой гармонист растягивал меха, будто хотел разорвать гармошку пополам. Откуда-то доносился задорный перестук ложек, озорные частушки взметали над площадью фонтаны хохота. Густой бас выводил:

Спекулянт, спекулянт
Спекулирует,
А Советская власть
Реквизирует...

Навстречу басу лихо выступал звонкий девичий голос:

Не ходите, девки, замуж
За богатых мужиков.
Скоро выселим с деревни
И попов, и кулаков...

Бас не тушевался, упрямо шел в атаку:

Не ходите, девки, в лес,
Комары кусаются.
Не ходите, девки, замуж —
Мужики ругаются.

Я видел, с какой жадностью оглядывает Бахтияр толпу, впитывая в себя небывалые впечатления. Столько народу он, пожалуй, никогда и не видел.

— Нравятся частушки? — спросил я. — Отличная вещь, — жарче бани, острее колючки. Мамка моя у нас в деревне очень их любила. А знала сколько — бесчисленное количество! Никто ее перепеть не мог — ни мужики, ни бабы.

Я умолк. Но тут Бахтияр потянул меня за руку.

— Пойдем вон туда. Какая-то интересная музыка — никогда такой не слышал.

Мы шли на перестук ложек.

В группе баб и мужиков, лениво расположившихся на своих мешках в сухом арыке, мы увидели чумазого мальчонку в лохмотьях. Зажав между

пальцев деревянные ложки, он отбивал задорную трель. Когда смолк, бородатый мужик, протягивая мальцу сухарь, сказал:

— Ты бы спел нам лучше, скукотища ведь туточки валяться.

Сиротскую расейскую давай!

Мальчонка кивнул. Вздохнув, он запрокинул голову — так что напряглись и стали заметными синие жилки на шее, и затянул заунывно:

Позабыт-позаброшен
С молодых, ранних лет,
Я остался сиротою
Счастья, доли мне нет.

Бабы сразу же заголосили, пообнимали своих малюток, будто спешили спасти от лютого дракона. Мужики вздыхали. Певец между тем продолжал:

Ах, умру я, умру я,
Похоронят меня,
И никто не узнает,
Где могилка моя.

И никто не узнает,
И никто не придет.
Только ранней весною
Соловей пропоет.

Бабы уже выли в полный голос. Мужики засуетились, полезли в мешки — за данью разбередившему душу певцу. Заспешили — кто с сухарем, кто с крошкой сахарной.

— Здорово поет! — похвалил Бахтияр. — У нас в кишлаке так никто не умеет.

— Лучше пожалей, что мы так не умеем, — сказал я. — Как бы и нам скоро не пришлось вот так же еду кланчить. Мы сейчас его не лучше. Во всяком случае я... — и отвернулся, чтобы Бахтияр не увидел, как я моргаю, силясь не заплакать. Эх, батя, батя!..

— Ну, что ты говоришь, Джурабай!.. — Бахтияр забежал, заглянул мне в глаза с укоризной. — Не пропадем — мы ведь вместе! А я все что хочешь умею делать. Ты не бойся!

— Крыши, что ли, мазать будем? — усмехнулся я.

— Да хотя бы и крыши! Не пропадем. Да и Каримов тебя никому в обиду не даст.

— Каримов?! — вздрогнул я и увидел, что и Бахтияр разом изменился в лице. Действительно, где Каримов? Где конвоиры?.. Предупреждал ведь Анвар-ака, чтобы не глазели по сторонам, а шли следом. Неужели потерялись?..

— Где же они? — затормошил я Бахтияра.

Мы с трудом протискивались в толпе, перешагивали через спящих.

— Голова у него забинтована! — подсказывал я Бахтияру. — По голове его надо искать.

Забинтованных голов в толпе оказалось немало...

Потеряв всякую надежду, мы остановились передохнуть у раскидистого куста, под которым расположилась большая семья — целая куча детишек. Трое из них дремали, а черноволосая девчонка — наша ровесница — колюче поглядывала на нас, явно опасаясь, как бы мы чего-либо не утащили.

— Чего уставилась? — грубо спросил я.

— Сами чего здесь делаете? — отбилась она. — Здесь мы живем!

— Ах, живете?! Может, вы уже и вокзал купили? Значит, под кустиком изволите проживать?

Пожилой мужчина, видимо, отец всего семейства, предупредительно покашлял, затем приподнял шляпу и с улыбкой выпалил единым духом:

— Молодые люди! Чтобы сдохли наши враги, вы-таки неправы! Это говорю вам я — Соломон Григорьевич. А слово лучшего портного Оренбурга что-нибудь да значит. Правда, сейчас мое ателье, как видите, имеет быть нигде, но, чтоб я так жил, — некрасиво обижать девочку. Если вы просто голодные, — так все, что я могу сейчас для вас сделать, это... шумно вздохнуть или зашить вам требовательный желудок суровыми нитками.

Выбирайте.

Услышав такую диковинную речь, я потянул Бахтияра руку:

— Пойдем скорее, а то и вправду зашьет...

Но человек глядел нам вслед огромными грустными, добрыми глазами.

Скоро мы поняли, что Каримова искать бесполезно. Можно было, пожалуй, целый год ходить по муравейнику вокзала.

— Ну и растяпы! — сокрушался я. — Заблудились как младенцы беспамятные.

Положение наше было отчаянным. Без куса лепешки, без гроша в кармане мы стояли сейчас посреди гигантской толпы голодных, бездомных, больных людей и размышляли, что нам следует предпринять...

В ПЛЕНУ У ЧИНГИЗ-ХАНА

Наконец меня осенило:

— Ну и чудачки же мы с тобой, Бахтияр. Пошли к начальнику вокзала — он нам живо растолкует, где искать Каримова.

— А почему ты решил, что он его знает?

— Пусть не знает. Зато подскажет, где тут у них, в Ташкенте, басмачей допрашивают. Там и Каримов — ясно?

Однако осуществить мой блестящий, как мне представлялось, план оказалось не так-то просто. Дверь начальника вокзала остервенело брала с боем несметная толпа народа, напиравшая на нее, как средневековая рать на ворота давно осажденной, но упрямо не сдающейся крепости.

— М-да!.. — сокрушенно протянул я, увидев, какой непроходимой людской пробкой закупорена дверь к казавшемуся близким избавлению от всех печалей.

Потеряв всякую надежду найти Каримова, мы отыскиали на привокзальной площади крохотный пяточок и уселись отдыхать.

Хотелось есть. Долго прохлаждаться нам, впрочем, не довелось. Потому что вскоре на нас остановил взгляд долговязый парень в огромной кепке, лихо натянутой на лоб по самые глаза. Чтобы видеть нас, ему приходилось опрокидывать голову назад — только тогда широкий навес козырька приподнимался и открывал глазам мизерный простор для обзора. Если бы он надвинул кепку еще чуть-чуть, он смог бы видеть что-нибудь впереди себя, лишь ложась на спину...

Насвистывая уже знакомую нам мелодию песенки «Позабыт-позаброшен», он наконец приблизился и, наклонившись, таинственно спросил:

— Жрачкой интересуетесь?

— В каком смысле? — растерялся я.

— Повторяю! — терпеливо, но с нескрываемой ухмылкой сказал Кепка. — Имеется в наличии еда в лице жратвы. Причем, от пуза. Могу накормить.

— Чего это ты нас кормить собрался? — насторожился я. — Трактирщик, что ли?

Кепка развел руками:

— Дело ваше. Подышайте себе на удовольствие. А то ведь я вижу — пацаны жрать хотят. Не так, что ли?

— Может, и так. А тебе-то что?

— Вот я и говорю! — повеселел парень. — Отчего, думаю, не выручить ребят, если у меня и сальца лишнего имеется шматок, и хлебца, и винца сыщется. Хорошо! Ну так что же, братва, прикажете подавать?..

— Погоди, продаешь, что ли? — испугался я. — Так у нас ведь денег нет.

— Ну, вот еще — денег нет. Нет так нет. Даром покормлю, выручу земляков.

— Я хлеб хочу, — сказал Бахтияр. — а сало пусть Джурабай ест. Вино ты сам пей, нам не надо.

Парень скосил: на меня глаза, спросил недоверчиво:

— Это ты, что ли, Джурабай? Мусульманин? Э, тогда сало не пойдет!

— Георгий я. Это он так меня по-своему кличет. С Волги я. Мы с ним в кишлаке подружились.

— Ваше дело, — весело сказал он. — Разделите шамовку как хотите. А салом хоть рельсы натирайте. Только... Только просьбица у меня к вам будет крохотная. Я — вам, вы — мне. И сразу же — полный расчет. Уговорились? — Что надо? — спросил я с готовностью. — Вот он, — я кивнул на Бахтияра, — если хочешь, может тебе крышу обмазать. А я помогу.

— Какую еще крышу? — захлопал глазами парень.

— Э-э! — с укоризной протянул Бахтияр. — Что у тебя — кибитки, что ли, нет? Кибитка есть — крыша есть! Крыша есть — мазать надо! Понятно? Я тебе крышу мажу — ты нам кушать даешь. Договорились?! — Бахтияр вдруг бросился к парню, цепко схватил руками его правую руку и затряс что есть силы — будто на скотном базаре покупал барана и собирался сбивать цену у несговорчивого продавца, даже если пришлось бы выдернуть у него руку. Парень захохотал.

— Ого, а вы, оказывается, еще и шутники! Ценю! Ценю!.. Не, братва, крышу мазать не надо. Одну вещь надо перетащить. С места на место. Хотите — покажу.

— Давай перетащу! — вызвался Бахтияр. — Тяжелая, да?

— Не-е! Гуся легче. Чемоданчики маленькие. Я насторожился.

— Отчего же сам не несешь, коли маленькие?

— Да оттого, что маленькие! — в глазах парня сверкнули сердитые искорки. — Я большие понесу — понял? А на эти просто рук не хватает. — Он, похоже, терял терпение. — Если не хотите — я других попрошу. Вон тут сколько всякого народа.

— Где твои чемоданчики? — уступил я.

Другой разговор! — обрадовался парень. — Пошли покажу.

Он вновь привел нас к уже знакомой нам толпе, осаждавшей крепость начальника вокзала.

— Во-он, видите! — показал он издалека. Где?.. Что?.. — Бахтияр мотал головой.

— Да на барьерчике вон там. Видите, мужик носом клюет — жирный боров, чисто буржуй недобитый?.. А дамочка — вся прозрачная такая, одуванчик одним словом — головку ему на плечо уложила и спать изволит?

— Вижу! — кивнул я. — Ну и что с того? Кого нести-то надо — борова или одуванчик?

— Сказал же — чемоданчики. Рядышком они стоят. Во-он справа чуток. Видите? Аккуратные такие. Я их во-он где оставил пока.

— Вижу, вижу. А нести куда?

— А сюда. Я там, за дверью ждать буду.

— А отчего не здесь?

— Говорю же — за дверью. Там у меня... еще есть... чемоданчики. Караулить их буду. Неровен час — стырят. Шпаны здесь, братцы, страсть сколько. Пока этих дождусь — без тех останусь. Весь багаж посею. Ну что? Давайте пошустрее. Я опаздываю.

— А звать... звать-то тебя как? — не унимался я, не в силах подавить в себе непонятное беспокойство.

— Звать? — переспросил он. — Чингиз-хан я. Чин-гиз-хан.

— Что за имя? Это ведь полководец такой был.

— Вот-вот... В честь его и назвали... Он заметно нервничал. Торопил:

— Ну, я пошел, что ли? Пропадут ведь чемоданчики мои. С голоду из-за вас помру.

Мы с Бахтияром переглянулись и двинулись к чемоданам, а наш новый знакомый скрылся за дверью, ведшей на площадь, — стеречь какие-то другие свои вещи.

Мы подошли к чемоданам, на которые указал нам Чингиз-хан и, подхватив, поволокли к выходу. Чемоданы, против обещания Чингиз-хана, были довольно тяжелыми, я перегибался влево, будто со стороны чемодана в меня упирался и силился повалить страшный ураган. Борясь с ураганом, я медленными шажками продвигался вперед, с каждым мгновением все более ощущая, как лицо мое искажает гримаса боли. Тяжелый чемодан кусал, упирался, тянул к земле. Вот чертов Чингиз-хан! — с ненавистью думал я.

И тут я услышал позади нас истерический женский крик:

— Вора держи!.. Вора!.. Вора держи!

Я опустил чемодан, радуясь возможности отдохнуть, а заодно и поглядеть, что произошло. Поставил чемодан и тяжело семенивший впереди меня Бахтияр. Я поискал глазами кричавшую, и вдруг увидел, что кричит тот самый одуванчик, мирно посапывавший только что на просторном, как тахта, плече борова. Она резво бежали в нашу сторону, тыча пальцем прямо на нас с Бахтияром.

— Вора! Вора держи!.. — крутила она свою визгливую шарманку.

Я растерянно оглянулся, ища взглядом теперь уже кого-нибудь убежавшего и отказываясь понимать, что происходит. И тут будто сотня стальных клещей цепко схватила меня. Я был в плену у гневно гудящей толпы. С трудом повернув голову, я увидел, что и Бахтияр сейчас не в лучшем положении. Одуванчик между тем подбежала ко мне и залепила мастерскую затрещину. Такие затрещины давать — три года учиться нужно!

И откуда сила-то взялась. Вот тебе и Одуванчик!

Затрещину я снес легко, с ужасом думая о той, которую непременно дошлет, вослед первой, набегающий Боров. Я со страхом глядел в его багровые воспаленные глаза — горящие, будто фары летящего в ночи паровоза. Ждать вот так неотвратимо накатывающегося на нас с Бахтияром Борова было сейчас ничуть не легче, чем, улегшись на шпалах между рельс, отважиться перележать наползающий со свистом и шипом грохочущий поезд. Я зажмурился, ожидая неотвратимое. Но внезапно затормозив около нас, Боров визгливо закричал:

— Как вам... не стыдно, господа?! Как вам... не совестно присваивать чужую частную... собственность!.. — Он нервно схватил чемоданы.

Свирепый паровоз явно забуксовал.

В толпе раздалась смешки. Кто-то посоветовал

— Ты бы им, дядя, лучше в рыла съездил по разику, и без этих ваших буржуйских штучек. С ворами разговор короткий. По зубам хрястни, душу их вон! Бугай, а канителит! Противно слышать!..

— Какие мы вам воры! — закричал я, тщетно силясь вырваться из тисков. — Мы парню одному помогаем.

— Воровать помогаете? — зло спросил Боров и, стянув запотевшее пенсне, принялся нервно протирать стекло.

— Да не воровать — говорю же! Он нас с Бахтияром попросил помочь. Тяжело ему одному. Его это чемоданы. Его!

— Ты слышишь, Алиса? — возмутился Боров, обращаясь к Одуванчику. — Это, видишь ли, еще и не наши чемоданы. — Он обернулся ко мне: — Как, говоришь, звать этого... Ну, которому вы... помогаете?

— Чингиз-хан.

Боров чуть приоткрыл рот, на мгновение умолкнув. Потом спросил с издевкой:

— А может, он — Гай Юлий Цезарь? Или Сарданапал? А может, сам Александр Македонский? Или, может, все тираны сразу?

— Я же говорю вам — Чингиз-хан! Он вон там... на площади... за дверью...

— И Золотая Орда тоже там? — ухмыльнулся Боров. — Ну и воры! Говорил я тебе, Алисонька: ухо здесь надо держать остро. Видала — целая орава полководцев чемоданы умыкает.

Едва не плача, я закричал:

— Да не воры мы, не воры! Говорю же вам... Вы проверьте... Там... за дверью... Чингиз-хан там... Нас он ждет...

— А давай я сбегаяю! — вызвался мужичок из толпы. — Может, и этого Чингиза ихнего словим?

С добровольцем понеслось к дверям дюжины две пароду. Скоро они радостно возвратились.

— Так и есть — никого! — ликуя, сообщил мужичок. И добавил, льстиво обращаясь к Борову и неумело раскручивая мысль свою — будто камушек, привязанный к веревке, перед тем, как отправить его в полет: — Слышь, барин, я до тебя интересную предложению имею... Коли ты через свою интеллигенцию да ученость... Коли они тебя никак не пускают, чтобы по зубам... вот этим... шпанам... Коли, говорю, руки свои белые боишься ты об зубы ихние поцарапать... Так изволь, барин, денежку мне положить, или харч какой — вот я за тебя эту святую-то работу и исполню. Лихо исполню — уж за это ты не бойсь. Мы академии эти в тюряге на Сахалине проходили. Еще при царе-батюшке. Хошь — рубаху скину да покажу, что на спинушке моей кнутами намалевано?.. Дай, барин, на харч, не поскупись, а уж я этих пострелят в такой чемодан упакую, в котором на погост отвозят...

Боров испуганно затряс рукой:

— Нет-нет!.. Прошу вас, милостивый государь, без этого. Насилие безнравственно!.. Оставьте их — они, я просто уверен, уже осознали, как низок их поступок. Так ведь, Алиса?

Мужичок одарил нас лютым взглядом и, чертыхаясь, утонул в окружающей толпе. Крикнул издали:

— Даром захотели, буржуйское отродье? Черта с два! Пуцай ваша мадама их даром лупцует. Сами их тумачами потчуйте, окаянные! Татарский пролив вас затопи!..

— Полагаю, их надо препроводить к милиционеру?! — сказал Боров. — Поручим властям решить участь малолетних преступников.

Не давая опомниться, нас куда-то потащили.

Будто в долгом и цепком кошмарном сне, из которого тщетно силишься выпасть, неслись мы вперед, вытянув цепко запряженные руки. И словно не толпа насильно несла нас сейчас, а, наоборот, мы с Бахтияром правили разгоряченной толпой, и она неистово влекла нас за собой, ревя и хрипя и не чуя верной дороги. Снося зуботычины и щипки, мы неслись, словно брошенные в стремительный и порожистый горный поток — с высокими берегами, до которых не дотянуться, с остросеребристыми камнями и колючим дном — пока недобрая людская река вдруг не осадила и не отпрянула, последним своим злобным усилием швырнув нас с Бахтияром на яркий берег.

Кружилась голова, ужасно хотелось лечь на пол и закрыть глаза.

Откуда-то издали прилетел голос:

— ...Что за птицы?..

— ...Воруют, товарищ начальник. Чемоданы утащили!.. — подсказала толпа. — В кутузку бы их надо, никакого житья не стало от шпаны.

В довольно просторной комнатухе, с печкой-буржуйкой посреди, сидел за столом милиционер. Я заметил, что левый рукав загнут и приколот булавкой к плечу.

— Картина ясная! — сказал милиционер. — Беспризорники. Прошу подойти и отвечать по форме — откуда прибыли? Только честно.

— Из Ак-тепе мы! — с готовностью тотчас же отозвался Бахтияр, сохранив, похоже, лучше меня ясность мысли и действий в этом жутком обвале туманов и обвинений.

— Так и запишем! — спокойно кивнул милиционер. — Вопрос номер два: ваши фамилии, и по какой такой надобности прибыли в Ташкент?

— Басмачей мы сюда пленных вели. А они потерялись! А тут — Чингизхан!..

— Басмачи потерялись?.. — Милиционер с усмешкой поглядел на нас. — Здесь на вокзале и потерялись?

Боясь, что Бахтияр все напортит, я сказал:

— Это мы потерялись. А они, наверное, в город ушли. Неужели непонятно?

— Отчего же! — одорукий милиционер усмехнулся, вонзил ручку в чернильницу и оставил ее там. — Все понятно. Значит, так — популярно излагаю вашу версию... Итак, крупную партию отборных басмачей вы везли сюда, чтобы передать некоему гражданину Чингизхану. Но весь товар бесследно исчез. Предполагая, что басмачи спрятались в чемоданы и заперли

себя снаружи, вы и решили рассекретить беглецов, а потому и попытались уволочь их вместе с упаковкой... Верно излагаю?..

Поняв, что он просто издевается над нами, я замолчал. Спорить было бесполезно. Факт оставался фактом: мы унесли чужие — теперь это уже не было для меня секретом — чемоданы, обманувшись в парне, который назвал себя Чингиз-ханом, и теперь уже ничего нельзя было доказать. Вор! Сын командира Красной Армии, красного аскера, героя схватки на станции — вор. Какое жуткое слово! Какой позор!..

Меня потянул за рукав Бахтияр.

— Ты чего? — удивился он. — Плачешь, что ли?

— Заплачешь тут! — я отвернулся. — Ворами обзывают.

— Ну и пусть обзывают! — горячился Бахтияр, успокаивая меня. — А мы докажем, докажем, что... это... не мы.

— Ясно, братцы! — подхватил милиционер. — Я не я, и кража не моя!

Ловко у вас получается.

— Да вы знаете, кто у него отец?! — задохнулся в крике Бахтияр, указывая на меня.

— Чингиз-хан, что ли? — подсказал милиционер.

— Зря смеетесь. Командир он... был... Смелый очень. Он у нас в кишлаке хотел новую школу открыть... А басмачи рельсы украли и в песок зарыли... А его самого убили. Ясно теперь?

— погоди стрекотать! — остановил Бахтияра милиционер. — Так мы до нового года разбираться будем. Лучше скажите — одни вы здесь или родители имеются?

— Адрес у Джурабая есть. Ему отец дал, когда мы и Ташкент собирались.

— Никто мне не давал никакого адреса! — зло шикнул я на Бахтияра и больно толкнул его локтем. Молчи, мол...

— Да ты что! — удивился Бахтияр. — Забыл, как отец про друга своего рассказывал? Он ведь хотел, чтобы ты у него жил. Постой, да как звать его — ты ведь знаешь. Скажи, Джурабай, пусть проверят. Сразу поверят, что мы не обманываем.

— Никого я не знаю! — холодно сказал я и свирепо глянул на Бахтияра. Увидев мой дикий и, конечно же, необъяснимый для него взгляд, Бахтияр удивленно округлил глаза и пожал плечами.

— Твое дело! — обиженно сказал он. — Я к вашему знакомому и не напрашивался, не бойся.

Я промолчал. Ну не мог же я сейчас вот, при всех, назвать имя героя-железнодорожника Ивана Андреевича Басова, про которого рассказывал нам

отец. Ведь найдут-то его в два счета — его, поди, весь город знает. А может, знает и сам милиционер — вон он тоже воевал — руку где-то оставил. А каково будет узнать Ивану Андреевичу, что сын его боевого друга, красного аскера, разживался на вокзале чужим барахлишком?.. Нет, этого позора я не смог бы снести. Да и Бахтияру, простодушно выбалтывавшему все, что знал, я не мог сейчас объяснить свое отчаяние и нежелание назвать спасительное имя.

В комнату вошел парень в распахнутой кожаной куртке. Он вел за руку упирающегося худого оборвыша. Вместе с ними вошли две девчонки, сопровождая уже знакомого нам юного певца, ловко выжимавшего из толпы на вокзале слезы заунывной своей песней.

— Что, Юра, еще двоих выудили? — устало спросил милиционер. — Больно мелкие, погляжу, рыбки, — годков по девять, не более. Чем блеснули?

Парень отпустил мальчонку.

— Стратегией блеснули. Красивой работой! Пока этот песню жалостливую пел, бдительность усыплял, — малец мешки потрошил.

— Дуэт, значит? — добродушно кивнул милиционер. — Тоже ясно. Отвезете в монастырь, и этих двоих, — он показал на нас с Бахтияром, — тоже туда. По этому же вопросу попались. Только не пели. Правда, был у них один солист, Чингиз-ханом звать... Так тот ушел прямо со сцены — не стал ждать аплодисментов. А вот их — в плен взял... Так что, Чесноков, сажайте всю ораву на свою телегу — и живо в монастырь!

Я подумал, что ослышался. Куда это они собираются нас везти? В какой еще монастырь? Чушь какая-то. Чего это мы с Бахтияром в монастыре не видели...

— Дяденька... — тихо спросил я. — Куда, говорите, поедем?

— В монастырь — ясно же сказал.

— Да как же это? — опешил я. — Мы с Бахтияром не монахи какие... Он с домуллою воевал... «Хафтияк» не стал учить. Никак нельзя ему в монастырь... — испуганно лепетал я.

— Иди-иди! — легонько подтолкнул меня парень. — Там все поймешь.

Он обернулся к девчонкам, не сводившим с нас суровых взглядов:

— Шура... Зоя... Смотрите, чтобы не драпанули. Похоже, шустрые ребята...

Девчонка, которую парень назвал Шурой, сердито тряхнула косичками:

— Ну и что с того, что шустрые? От юных разведчиков улизнуть не так-то просто! Пусть только попробуют!

Мы с Бахтияром переглянулись.

Монастырь... Юные разведчики... Что все это значит?

ПЕСКАРИ С ЗУБАМИ ЩУКИ

В глубоком деревянном корыте телеги легко уместились все мы. Парень в кожаной куртке, которого назвали Юрием Чесноковым, сел к лошади поближе и взял вожжи. Девчонки разместились по бортам корыта, поставив ноги на дно, где были сейчас мы четверо. Я глянул на певца, мотнул головой:

— Что, друг, допелись, значит? А мы с Бахтияром тебя слышали на площади. Шаляпин ты — никак не меньше! Аж плакать охота.

— Какой еще Шаляпин! — огрызнулся мальчишка.

— Шаляпин! — настаивал я. — Только... Только Шаляпин, пока на сцене пел, наверное, никого из своих дружков не посылал чистить в гардеробе карманы публике. А так — ничуть не хуже. Честное слово. Так ведь, Бахтияр?

Бахтияр хмуро посмотрел на меня.

— Поет хорошо, — сказал он. — Кто такой твой Шаляпин-бай я, правда, не знаю. Но у нас в кишлаке есть один — вот кто здорово поет, если на той пригласить. А у этого тоже получается. На той звать можно. Только не на веселый... Спой!

И словно ободренный похвалой, мальчишка запрокинул голову и прорыдал:

Позабыт-позаброшен
С молодых, ранних лет...

Девчонки с любопытством уставились на него.

— Зойка, глянь, а ведь и точно, Шаляпин!.. Я, правда, сама его не слыхала, — заторопилась оправдаться она. — Постой, а ты, что ли, слыхал? — обратилась она ко мне.

— Слыхал, как же! — подтвердил я. — От отца слыхал про него... Он Шаляпина в Питере еще до революции слыхал...

Девчонки прыснули. А Зоя сказала:

— Я тоже вон слыхала, что ты с Чингиз-ханом знаком. У тебя, похоже, все знаменитости в приятелях ходят.

Телега уныло катила по гулкой булыжной дороге, дробя колесами наши уши. Наконец я не выдержал, спросил с тревогой:

— А честно, куда вы нас везете? Что за монастырь?

Парень, правивший лошадью, — мы уже знали, что его звать Юрием Чесноковым — обернулся, сказал с укоризной:

— Девочки, может, хватит пугать наших пассажиров. Глядите — душа у них в пятки ушла.

— Ну да, в пятки... — перебил его я. — Скажешь тоже. А про монастырь — не заливай. Ты ведь комсомолец, так? А комсомольцы в монастыри да церкви не ходят.

— Ишь ты! — восхитился Чесноков. — Идеино подкован на все копыта, а еще беспризорник! Хвалю!

— Беспризорник? — удивился я. — Это кто же, по-вашему, беспризорники? Мы, что ли, с Бахтияром?

— Ну, ты!

— Это почему же?

— Да потому что — без призора, слово-то понятное и без объяснения.

Кто за тобой смотрит? Никто! Значит — без призора.

Молчавший до того Бахтияр возмутился:

— Неправда! Я за ним смотрю, а значит, он не беспризорник.

— Ловко! — улыбнулся Чесноков. — Ты смотришь за ним, а он — за тобой... С вами, братва, не соскучишься. Ладно, на месте разберемся.

И добавил:

— А монастырь из головы выкиньте. Это мы так по старинке его называем. Верно, был там раньше монастырь по куйлюкскому тракту. А теперь там интернат беспризорников. Вот где, братцы, новую жизнь начнете.

— Это какую же новую — не свою, что ли? Нам и старая нравится, не жалуемся, — возразил я. — Ты девчонок этих в свой хваленый интернат сдай — пусть новую жизнь на себя надевают, если у них старая совсем поизносилась.

— А они и живут новой жизнью! — ответил Чесноков. — Они ведь — юные разведчики.

— Вот еще — разведчики! Разведчики на войне бывают. А они с кем воюют — с нами, что ли?

— Неужели непонятно? С беспризорностью, к примеру. Это им комсомол поручил. Вас в стране семь миллионов — бездомных, голодных, обиженных. Сам Ленин о вас думает днем и ночью и хочет, чтобы был у вас и дом, и стол, и отец, и мать...

— Это как же так? — вздохнул я. — А если... если... если отец... и мать...

— Понимаю, — кивнул Чесноков. — Война проклятущая многих покосила, а голод с болячками — и того больше. Теперь ваш отец Ленин, а мать — Советская власть.

Я кивнул на Зою с Шурой, которые внимательно прислушивались к разговору:

— А это, стало быть, наши сестренки?

— Можно и так, — согласился Чесноков, делая вид, что не слышит в моих словах плохо разбавленной иронии. — Но еще, повторяю, они — юные разведчики. Девчонки, — обратился он к ним. — Расскажите им об отряде сами.

— Слушайте тогда! — с готовностью вызвалась Зоя. — Только не перебивайте и не насмехайтесь — не то рассказывать не буду. Понятно?

Я смолчал, и Зоя начала:

— Это все с Юры Чеснокова началось — вот с него самого...

Тут сам Чесноков возмущенно потянул вожжи, лошадь осадил, а Юра укоризненно глянул на Зою:

— Ну что ты мелешь, Стрельцова! При чем тут я? Ты правду рассказывай, если уж взялась. Как было все... С Жени Барановой начни — с ее вот сестры старшей, — Чесноков показал на Шуру. — А то — Чесноков!..

Чесноков!.. Знал бы — лучше сам бы рассказал.

Зоя озорно тряхнула головой:

— Между прочим, Юра, я предупреждала, что ничего не стану рассказывать, если меня будут перебивать.

Чесноков удивился:

— А что же... Это и меня касается? Молчу... Молчу...

Зоя продолжала:

— Юра к нам из горкома комсомола пришел прямо на занятия.

— В школу, что ли? — не выдержал я.

— Говорю же — не перебивай... Не в школу, а в Клуб наш железнодорожный — имени Карла Маркса. Там у нас спортивный кружок, его Женя Баранова ведет — сестра Шуркина. Знаете, какая она гимнастка — фантастика! На руках до Москвы, если надо, дойдет.

— А до Луны? — съязвил я.

— И до Луны! — отбила вялую атаку Зоя. — Сделай дорогу до Луны, а Женя дойдет... Сам на ногах, если хочешь, рядышком потопашь и последишь, чтобы все честно было... Ну так вот, — продолжала она. — Женя у нас на все руки мастер. Гимнастка она, а еще — в университете нашем ташкентском учится на медицинском факультете. Мы университет скоро проезжать будем — покажем. Его в прошлом году открыли, сам Ленин декрет подписал — об этом все знают.

— А как же разведчики? — напомнил я.

— А так, что пришел к нам однажды Юра Чесноков и говорит: есть, говорит, у горкома комсомола интересная идея — организовать отряд юных разведчиков. Чтобы мальчишки и девчонки революции помогали, страну

строили и в коммунизм шагали в семимильных сапогах-скороходах, а не плелись в хвосте у жизни, как верблюд в пустыне.

— Ты верблюда не обижай! — заерзал Бахтияр. — Они хорошие бывают. Мы одного такого знаем. — Бахтияр со значением поглядел на меня. — Ты чего это за верблюда обиделся? — удивилась Зоя. — Я ведь так — к слову.

— Все равно! — не уступал Бахтияр.

— Ну так вот... — вздохнула Зоя, с готовностью забывая внезапную перепалку. — Мы все в отряд и записались, все тридцать. И Женя Баранова тоже — она у нас за главного. Вместе с Юрой. Он — начальник отряда, а Женя — его заместитель.

— А где же она сейчас? Остальные где?

— Да кто где. На базарах, например. Беспризорных, как рыбу, ловим, и в интернат отвозим. Им же там лучше, чем на улице.

— Как рыбу? — усмехнулся я. — Вы бы тогда лучше Чингиз-хана словили. Вот это, я понимаю, рыбка. Кит!.. А мы что — так, мелюзга, пескари.

— А кит... тоже... с пескаря начинается. В смысле размера... — авторитетно возразила Зоя, а Шура, до того молчавшая, добавила:

— Вот-вот, в аквариуме жить будете. Чтобы вас кит где-нибудь на вокзале не слопал!

Я спросил:

— И что же: нас в монастырский аквариум, а сами — домой?

Девочки ответили не сразу. Первой нашлась Шура.

— А там у вас тоже дом будет. Вот увидите — вам понравится.

Шура добавила:

— Все равно вы в Ташкенте никого не знаете. Кроме нас. И еще — Чингиз-хана... Чем на вокзале песни за сухари петь и чемоданы... чемоданы... — Шура запнулась на мгновение: — Чем, говорю, носильщиками там работать — лучше в интернат.

Роковые слова! Бахтияр, вновь вспомнив о том, что в Ташкенте у меня есть добрый отцовский знакомый, возразил:

— Есть у нас в Ташкенте... Вот у него, у Джурабая, есть! Иванов его фамилия. Не железнодорожника того, а Джурабая... Вы говорите, что у вас есть железнодорожный клуб, а знакомый его отца — как раз железнодорожник. Может, знаете его даже?.. — Это кто же? — обернулся Чесноков.

— Никто! — грубо отрезал я. — Бахтияр это все придумал. Никого у меня нет — никого! Никого! — сам того но желая, я сорвался на крик. Бахтияр, уже во второй раз потрясенный моим загадочным поведением, отвернулся и стал

глазеть по сторонам. Разговор в телеге, до того — живой, интересный, разом прекратился. Скис от моего крика, как молоко.

Между тем, огибая бесконечный сквер, мы ехали сейчас мимо двух огромных зданий-близнецов, сложенных из красного кирпича. Они казались бесконечными.

— Видал, какие кибитки! — сказал я, пытаюсь привлечь к себе внимание обиженно надувшего губы Бахтияра. — У таких крышу и за год глиной не обмажешь,

— Глиной? — переспросила Шура. — Кто же мажет глиной железные крыши?

— Это у них в кишлаке мажут, — объяснил я. — А что здесь?

— Скауты... — уныло уронила она. — Собираются здесь и мозгами раскидывают, как бы нам насолить.

— Скауты?... — я впервые слышал это слово. — Кто это?

— Да буржуйские сыночки. У них начальник — генерал Баден-Поуэлл.

— В Ташкенте живет?

— Вот еще — в Ташкенте! В Англии — где же еще!

— А как же он у них тогда начальник?

— Он свои ядовитые семена уже много лет как по всей земле рассыпал, — не выдержал Юра Чесноков. — Дурман из них и вырос, все задушить рад, что рядом растет. Теперь всю землю пропалывать надо.

— Да кто ему позволил на нашей-то земле свой дурман сеять?

— Царь — кто же еще. Плохой он был агроном на родной земле — вот и позволил... А здесь у них площадка есть — там собираются. Тут еще до революции гимназия была. Вот эта женская, а та, рядышком, — мужская. Здесь они и выросли — в пятнадцатом еще году. Во время революции белым помогали, а девчонки — их гёрльскаутами кличут — даже винтовками вооружались. Перед генералом Коровиченко выслуживались. А уж через него — и перед самим господином Керенским. Небось по ночам своему главному головорезу Баден-Поуэллу романтические письма в стихах посылали в Лондон — мол, рады, ваше буржуйско-скаутское сиятельство, доложить, что ташкентское ваше воинство не бросает тень на белую лилию и высоко несет знамя святого Георгия!..

Поднял, наконец, голову и Бахтияр. И, приглашая его к разговору, я сказал:

— Слышь, Бахтияр! Помнишь, батя мой рассказывал, как они в Ташкенте генералу этому Коровиченко рога обломали?

Бахтияр молча кивнул. А я спросил Чеснокова:

— А что за лилия? Цветок, что ли? И — святой Георгий?..

— Значок они такой на груди носят — белую лилию. А Георгий — это их святой, с копьём. Покровитель их буржуйских интересов.

— Добрый джинн значит! — веско сказал Бахтияр. А вот он, — Бахтияр показал на меня, — тоже Георгий. Это в кишлаке у нас его Джурабаем назвали.

— Ничего не понимаю! — развел я руками. — Вы говорите, что скауты за белых были, за Керенского. Как же их Советская власть терпит? Такое здание шикарное...

— Здание это не их теперь. Они на площадке спортивной собираются.

— Вот еще — таким буржуям площадки раздавать... Да я бы на вашем месте...

— Погоди горячиться! — остановил меня Чесноков. — Что же мы, по-твоему, совсем, что ли, простаки? Тех скаутов, что на революцию зубы точили, здесь уже нет. А состоят нынче в скаутах детки тех, что кубышку свою сумели сберечь — благородные всякие. Куда им — с сынками рабочих дружбу водить, вот и продолжают игру свою, по-прежнему скаутами себя называют. Только вырвано у тогдашних, главных, скаутов злобное жало, а эти — так, мелюзга.

— Пескари, одним словом! — кивнул я и подмигнул Зое.

— Пескари — да не очень! — возразил Чесноков. — Иной раз из пасти этих пескарей щучьи зубы выглядывают. То окружают впятером одного нашего разведчика — и давай тузить, то ребят с рабочих окраин подговаривают к нам не ходить, а однажды на ступеньки нашего штаба ведро клея налили.

— В точь — домулла! — воскликнул я. — Скажи, Бахтияр! — и, не дожидаясь его кивка, объяснил: — Был у нас в кишлаке один такой — перец и насвай сыпал тайно на пол, чтобы учиться они не могли.

— Вот-вот! — подхватил Чесноков. — Все они одним миром мазаны. Сюда его надо живьем выписать и скаутам в день святого Георгия подарить — мировой выйдет для них военный консультант. Баден-Поуэлл от зависти загнетса — куда ему смекнуть — смертоносным насваем Всемирную армию свою вооружить... Кишка тонка!

Слушая пламенно-шутливую речь Чеснокова, я недоумевал. Странные они — юные разведчики. Да и комсомолец Юрий Чесноков занятно рассуждает. Если эти самые скауты — буржуйские детки, да еще и с щучьими зубами — так не проще ли отпилить им эти зубы, чтобы хороших рабочих ребят не кусали? Почему терпят их, да еще и жалуются, что не стало от приставучих рыцарей святого Георгия никакого житья, а одни неприятности?

— А может, с ними хорошенько поговорить надо? — невольно вырвалось у меня.

— Говорили уже! — вздохнул Чееноков. — С самого начала говорили. Когда поверили им — что исправятся, что другими станут. И скаутмастерам их поверили — это так начальники у них зовутся. Клятву они ведь дали — ни словом, ни делом не вредить трудовому народу.

— А вам, юным разведчикам?

— Значит — и нам, надо понимать. Но ничего, братцы! Комсомол вопрос ставит так, бороться надо, но по-умному. А пока — вот, первая ласточка уже имеется — наш железнодорожный отряд. Пока мы первые во всей Средней Азии. Но это — только пока. Вот и вы, наверное, с нами будете. Или ошибаюсь?

— Это кто же будет с вами — мы, беспризорники? — с усмешкой спросил я.

Чесноков покачал головой.

— Ну, братцы, с вами, и точно, не соскучишься! Хоть все снова начинай. Знаешь что, святой Георгий-Джурабай, едешь в монастырь — так едь! А нам с девчонками еще раз на вокзал придется сегодня сгонять, — и он больно стеганул кобылу, она вздрогнула, будто до того живо прислушивалась к рассказу о пескарях с зубами щуки, и побежала веселее.

Честно говоря, меня мало радовала перспектива угодить в этот их хваленый интернат. Надо было как-то улизнуть. А уж знаменитого железнодорожника Ивана Андреевича, друга отца, как-нибудь, думаю, отыщем. Тогда он и знать не будет, как мы на вокзале в позорную историю с чемоданами угодили.

Я отчаянно замигал Бахтияру, делая при этом такие движения головой, чтобы дать ему понять — я приглашаю его выпрыгнуть из корыта. Бахтияр — вот умница — сразу все сообразил и мигнул в ответ. И когда телега поравнялась с пересекавшей ее широкой улицей, я пружинисто оттолкнулся ногами и выпрыгнул из телеги. Следом резко выскочил Бахтияр, явно утомленный долгой дорогой и малопонятным разговором.

— Сюда!.. За мной, Бахтияр! — закричал я, и улица полетела мне навстречу, шарахаясь деревьями, прохожими, арыками, киосками, заходясь от стрелявших в спину отчаянных криков:

— Дер-жи-и-и-и-и!..

Я бежал, не чуя под собой ног, слыша позади лишь топот бегущего следом Бахтияра. И не было на свете такой птицы, чтобы догнать нас и передать приказ вернуться. Мы мчались, не разбирая дороги и, наверное, начиная сомневаться — в Ташкенте ли мы еще или уже выбежали из города и давно попали в какой-нибудь другой. Сердце бешено колотилось, незнакомая боль иголками покалывала ноги, грудь, — будто сотни пескарей с зубами щуки — хищной и

незримой стаей набросились со всех сторон, стремясь заставить меня замедлить бег и позволить их копыеносному святому, моему небесному тезке, догнать меня на своем коне — в точь отцовском Резвом! — чтобы наколоть, как букашку, на длинное острое копьё и подарить скаутам для гербария.

Уже обжигаясь спиной о раскаленное острие приблизившегося копья, я в ужасе оглянулся.

Пескарей и всадников не было.

Был Бахтияр.

Мы остановились, страшно заглатывая ртом воздух за десятерых. На здании, у которого мы сейчас прервали свой бег, красовалась надпись: «Хива». Весь фасад был облеплен афишами. Но ни одну из них я не мог сейчас прочитать. Пот, ручьями стекавший со лба, заливал глаза, и я неистово тер лицо. «кинематограф», — догадался я. Видимо, сеанс только начался — около здания почти никого не было.

Мы обошли кинематограф. А когда зашли сбоку, с глухой и вовсе безлюдной стороны, мое внимание привлекла низенькая дверца в стене кинематографа, наверное, чуть больше лаза в собачью конуру. Мне показалось, что дверца не заперта. Я подошел, потянул дверцу за скобу, и она открыла ход в темную глубину.

— Полезли, что ли? — предложил я Бахтияру. Спрятаться бы надо нам сейчас — на всякий случай. — И, не дожидаясь ответа, просунул голову в проем.

— А что там? — спросил Бахтияр. Полезли скорее — разберемся...

«ФИЛЬМУ ИЛЛЮСТРИРУЕТ ОРКЕСТР»

Так угодили мы с Бахтияром, сами того не подозревая, под сцену кинотеатра. Нет, это были не боярские хоромы, да и позволяло нам это спасительное прибежище лишь сидеть и лежать. Но зато здесь мы могли сейчас чувствовать себя в безопасности. Вряд ли преследователям — добеги они сюда — пришло бы в голову искать нас под сценой.

Нас окружал сыроватый сумрак, к лицу липла нахальная паутина. Робкий свет, с трудом проникавший сквозь щели в дверце, которую мы, конечно же, прикрыли за собой, все-таки позволил нам вскоре разглядеть наше роскошное убежище. Оно нам очень понравилось. Во-первых, с крыши не капало, а главное — можно было немедленно завалиться спать — тем более, что здесь, под сценой, валялось огромное количество тряпья.

Мы соорудили из него роскошные — прямо-таки байские — постели и с наслаждением растянулись на них.

Честно говоря, после тревог бесконечного дня, после утомительного побега из телеги юных разведчиков, влачившей нас в некий бывший монастырь, мы чувствовали себя здесь на седьмом небе. И ничего, что это наше «небо» не позволяло даже встать на ноги.

Зато можно было лежать и слушать, как льется откуда-то сверху божественная музыка, ежесекундно меняя темп. Бурные каскады фортепианных аккордов сметал протестующий рев трубы, а потом пронзительно тонкий голосок скрипки долго и нежно нашептывал публике что-то ласковое. Но вдруг на ее томительную усыпляющую ласку отвечал звонкой пощечиной злой аккорд фортепиано, и тогда уже все инструменты вступали в жуткую свару и каждый пытался доказать другому что-то свое.

Мы зачарованно прислушивались к этой занятой перебранке инструментов, упорно выяснявших отношения. Я-то знал, что такое фильма — уже несколько раз смотрел на экране занятых человечков, вечно чем-то напуганных и суетно бегающих по экрану. А вот Бахтияру, который, конечно, никогда и слыхом не слыхивал про кино, было просто невозможно понять, что же происходит там — над потолком сцены, откуда бесконечно валится на нас хаос звуков, будто кто беспорядочно сметает их сюда, в подполье.

— Что это там у них? — зачарованно спросил наконец Бахтияр, тыча палец в потолок.

— Фильма! — со знанием дела объяснил я. — Великое изобретение! Человек, представляешь, может сидеть в зале и смотреть, как он же сам в это время по экрану бегают. А тут еще и музыка играет — чтоб зрителям не скучно было.

— Так и джинн не умеет! — возразил Бахтияр. — Человеку никак нельзя одновременно в двух местах.

— Ладно, спорить не будем, скоро сам увидишь. Давай спать — умираю, спать охота, — сдался я, побеждаемый дремотой.

Я проснулся от того, что услышал, как где-то совсем поблизости гулко катят колеса. Утренняя прохлада зябко жалась ко мне, стремясь отнять тепло и согреться самой... «Уж не за нами ли — вчерашние наши конвоиры?», — почему-то подумалось мне. Я тотчас же отбросил эту мысль, кляня себя за трусость. Теперь, наверное, еще долго мы с Бахтияром будем шараться от любой телеги или арбы. Будто в них только юные разведчики раскатывают по Ташкенту.

Бахтияр спал. Осторожно, чтобы не разбудить его, я пробрался к дверце и прислушался. Тихо. Я приоткрыл дверцу так, чтобы видеть улицу. Ни души — да и могло ли быть иначе — ведь дверца выходила на глухую корявую улочку. Парадный, афишный фасад здания был обращен к людной улице. Я выбрался наружу, заглянул за угол и сразу же увидел разбудившую меня арбу. Ее гигантские колеса, словно огромные мельничные крылья, лениво молотили дорогу. Я подошел к афишам и прочитал:

Шедевр кинематографии!

Новая приключенческая фильма в восьми частях!

Лучшая фильма сезона!

Мировой боевик!

«РОКОВОЕ ПРИЗНАНИЕ»

Фильму иллюстрирует оркестр».

Впрочем, и этой афиши, прямо-таки хватавшей зрителя за грудки и тащившей его, даже упирающегося, прямехонько в зал, администрации кинотеатра, похоже, показалось мало. Поэтому был придуман еще один потрясающий трюк. На другой афише, приколоченной подле первой, художником был нарисован огромный листок календаря. Сверху, как и положено на календаре, — дата. Под ней шел перечень важнейших событий, приключившихся в этот день в разные века в истории мировой цивилизации.

Здесь значилось:

689 г. до н. э. Разрушение Вавилона ассирийцами.

326 г. до н. э. Поход Македонского в Индию.

1860 г. Сильное землетрясение в Шемахе. Завершалась эта занятная синхроническая таблица выдающихся дат просто восхитительно:

1921 г. н. э. Первый день демонстрации фильма «РОКОВОЕ ПРИЗНАНИЕ» в кинотеатре «Хива» в Ташкенте.

Словом, всем, дожившим до 1921 года нашей эры, следовало, по мнению изобретателей ловкой афиши, гордиться тем, что довелось им стать современниками Нового!.. Лучшего!.. Мирового Шедевра «Роковое признание»!

Честно говоря, лично меня беспокоило сейчас не чувство гордости, а чувство голода. Ужасно хотелось есть.

Когда мы вчера ехали в телеге юных разведчиков, будущее еще никак не рисовалось нам. Зато сейчас оно представилось предельно зримо, грозя, для начала, мучительным голодом. Что и говорить, нам с Бахтияром оставалось

надеяться только на чудо. Без денег, да и без вещей, которые можно обменять на еду, мы были сейчас одни-одинешеньки в огромном незнакомом городе.

Надо было будить Бахтияра и вместе думать, как нам жить дальше...

Едва продрал глаза, Бахтияр сонно уставился на меня и спросил:

— Скажи, Джурабай, а почему ты про друга отца никому не захотел сказать?

Объяснить Бахтияру, что тревожило меня тогда, было делом одной минуты. Бахтияр вздохнул:

— Пожалуй, ты был прав. А знаешь, я ведь здорово обиделся на тебя. Чего это, думаю... Я тебе как надо подсказываю, а ты на меня как на пса домуллы пялишься. Теперь все ясно. А то ведь чуть в этот... в маныстыр не попали.

— В монастырь! — поправил я. — Там русские своему аллаху молятся, чтобы он грехи их простил. А ловко мы от них удрали! Исторический побег!

И тут мне пришла в голову блестящая идея. Я вспомнил только что прочитанную афишу и, отыскав на полу уголек, потянул Бахтияра за руку:

— Айда скорее! Одну ошибку надо исправить срочно. Пока город глаза не продрал.

Бахтияр, недоумевая, поспешил за мной. Я привел его к афише и показал:

— Гляди, какие вчера события были в мире, кроме нашего побега из ихней телеги.

— Прочти! — попросил Бахтияр, — Я ведь пока не умею.

Я прочел.

— Ясно теперь тебе, какая музыка сверху на нас капала? Это, оказывается, была иллюстрация... А афишу эту мы сейчас малость усилим, — с этими словами я взял уголек и в самом низу написал жирно: «Знаменитый побег Бахтияра и Джурабая из плена Чингиз-хана и юных развед...» Дописать я не успел. Потому что, подкравшись сзади, кто-то больно схватил меня за ухо и оторвал от афиши. Взыв от жуткой боли, я увидел прямо перед собой краснорожего бородатого мужика с заплывшими глазами. Держа мое ухо сильными злыми пальцами правой руки, а левой прихватив за кисть Бахтияра, он густо дыхнул мне в лицо противным водочным перегаром:

— Эт-та еще что за?! Не п-позволю рабоче-крестьянскую ахвишу марать. Не положено! Кто т-такие будете, растуды вашу двоюродную душу!

Тщетно силился я вырваться из цепкого капкана. А между тем, бормоча проклятия, мужик волочил нас к двери кинотеатра, приговаривая: Щас... Щас... Щас...

Он протолкнул нас в узенькую комнатенку, где были свалены в кучу чайник, ведро, швабра, тряпки, кастрюли, сапоги. Только здесь вызволил я из

плена свое несчастное ухо. Сторожка, куда мы попали, была ничуть не лучше нашего убежища под сценой — разве что повыше.

— Зачем ахвишу портил? — спросил мужик. Просто удивительно: за минувшие сутки мы в третий раз попали в плен...

Сторож был пьян — и когда только успел? А главное, наливавшись, не завалился обратно — спать, а двинулся на обход своих владений — афиш, тротуара и площадки близ кинотеатра.

— Что м-молчишь? — снова спросил он, икая. — Испужалси, небось? А ты ахвишу не паскудь, тоже мне пачкун выискался — ахвиши марать. Много вас тут таких шастает — пачкунов.

— Я не марать... — выдавил я. — Поправить хотел ее... Лучше сделать хотел.

Сторож равнодушно махнул рукой:

— Ладны, садись! Чаю хотите? Или, мож, лучше чего? — он хитро подмигнул и выразительно щелкнул себе под челюсть.

— Не-е, что вы! — понял я жест. — Чаю — это хорошо!.. А звать вас как?

— По кличке али по имени? Ежели по кличке — Первушин, а по имени — Фео-фи-лакт. Короче — Фе-ня. А чтобы в полном комплекте — Фео-филакт Ел-пи-ди-форыч... Тьфу ты, мать честная! Собственное имя произносить разучился. Видали, какое богатое имечко! Его из памяти каждый раз надо, как строптивного быка, на привязи выволакивать.

Я хотел было возразить, что у домоллы — еще строптивее. Но сторож все равно не знал домоллы. Я сказал:

— Странная у вас кличка.

— Отчего ж странная? Очень даже почетная. Это меня так директор наш перекрестил — в честь заводчика знаменитого, что весь Ташкент этой вот святой водой заливал, — сторож постучал ногтем по изрядно уже початой бутылке, стоявшей на столике. — Первушин — его святая фамилия, и завод на свое имя он записал — Первушинский. Люди, которые в газетах читают, говорят, хорошая у завода ценная ницатива появилась — ведрами вино отпущать употребляющему населению. Только надо со своим ведром на завод приходиться. Красота! Вот он какой — Первушин! Неуж не слыхали? Водочный король! И винный тоже.

Он глянул мельком на Бахтияра, вздохнул:

— Ну, этот ладно — ему Аллах не разрешает. А ты-то чего прикидываешься? По холодку она, скажу тебе, просто замечательно в человека вползает. Холодно ей утречком, вот и лезет она в мужика — согреться. И тебя

заодно же греет, зараза! Святое дело! Мож, откусишь хоть глоточек — ты не бойсь — мол, дядька Феня жадный. Я ж долю беспризорную понимаю.

Я покачал головой. Сторож скривился:

— Твое дело, верблюжья ты колючка! Такой харч в арыках не плещется — его уважать надоть. — Показал на чайник. — Бери, лей в кружку свой чай, коли так. И хлебушка возьми. Дружка, дружка своего не забудь — тоже небось брюхо к спине прилипло? — радушно подсказывал он.

После свирепой атаки на мое ухо внезапное хлебосольство его казалось мне необъяснимым и коварным. Но реальная близость чая была сейчас сильнее любых подозрений.

Мы с наслаждением обжигались чаем, передавая друг другу медную кружку. Я даже перестал дуться на сторожа за ухо. Ведь если здраво рассудить, он же кругом прав. Его дело — хозяйство караулить, а уж коли попался вредитель вроде меня — тут и тащи его поживее на расплату. Я вон афишу его измарал, а он нас с Бахтияром за это сейчас чайком отпаивает. А что ухо малость потревожил — так не оторвал ведь. Остальное не в счет.

Согревшись, мы с Бахтияром повеселели. Дядя Феня подмигнул:

— Ну что, орлы, мож, теперь за дело и приметесь?

— А что надо делать? — оживился Бахтияр, и я уж приготовился услышать его предложение — обмазать крышу кинематографа.

— Подмести бы надо вокруг. Директор придет — носовым платочком тротуар проверять будет — чисто это палуба крейсера. Порядок любит, серчает больно, коли что не так.

— Каждый день подметаєте?

— По три раза! Народу сюда — уймища страшная ходит. А посла колокольчика — будто, заместо дождя, с неба мусор боженька побросал. И все — сюды, к «Хиве». Я уж думал, грешным делом, письмишко самому уважаемому товарищу Михал Иванычу Калинину отписать — дескать, прекратить надоть эту безобразию, чтобы три раза метлой гонять. Это же, получается, через несознательный народ мне и отдуваться. А что, вытащу листок вот из этой тетрадки и напишу!

— Три раза — это много! — посочувствовал я. — Это же целый день с метлой ходить.

— Цельный! — вздохнул сторож, вновь, как бы нехотя, потянулся к бутылке и, морщась, прикоснулся к горлышку. Крякнув, сказал:

— Я ведь чо кумекаю, мужики! Подсобите малость! Руки-ноги у вас резвые, зеленые еще. Вам метлой мусор смести — что муху с лица смахнуть. А я

вот за то на постой к себе возьму. Хатенка у меня хорошая, сухая. Жить можно. Да и вам не век же по улицам шляться без толку, к делу надо присматриваться.

И хотя мне было чуточку жаль дядю Феню, привязанного к метле, перспектива ходить всю жизнь с метлой меня не обрадовала. Уж лучше — крыши мазать. О них мне Бахтияр уже все уши прожужжал. Мол, и работа жутко интересная, и платят за нее хорошо, да еще и покормят от пуза. Только где их возьмешь — крыши эти, они ведь на дороге не валяются.

— Есть у нас постой, — уклончиво ответил я. — Не на улице живем.

— Не на улице, — подтвердил Бахтияр и простодушно добавил: — Здесь у вас и живем.

— Это где еще здесь? — заволновался сторож, пяля глаза на удивившего его Бахтияра.

— А где музыка играет — там и живем. Тоже хорошо. Только низко очень.

Дядя Феня зло покосился на меня:

— Ясно теперь, чего ты ахвишу с самого ранья охмурял. Дверцу, стало быть, ломали, под сцену залегли. Чего ж молчал, рыба? Щука ты безъязыкая?

— А вы и не спрашивали, — резонно возразил я. — И никакой дверцы вашей мы не ломали — она незаперта была.

— Во народ!.. Во народ!.. — всерьез разволновался дядя Феня, размазывая взаправдашние пьяные слезы. — День не покарауль — ахвиши на портянки порежут, а крышу и вовсе заместо тубетейки напялят и уволокут...

Я хотел было добавить, что вовсе не в языке главная сила шуки, но видя, как убивается безутешный дядя Феня, не стал демонстрировать свои в общем-то куцые знания в сфере речного и озерного «населения». Да и рыб-то, кроме плотвичек, ершей да щук, я, если по-честному, до того и в глаза не видывал. Вот ведь расстроился человек...

— Не п-положено... там... проживать... Не положено! — пьяно твердил сторож свое. — Директор не велит.

Я с укоризной глянул на Бахтияра. Он понял... теперь мы наверняка потеряли свое спасительное жилище. Законопатит сторож вход — и все дела.

И тогда Бахтияр поднялся и решительно взялся за метлу.

— Хватай вторую, — сказал он. — Подумаешь — площадь подмести. У домуллы куда побольше мести приходилось — и ничего. А виноградник вспомни — подвязать, обрезать, закопать, откопать, охранять, собирать — вот где была работа. А здесь — пустык. Давай поможем. — И добавил уже другим, не таким добрым голосом: — Сам подумай — куда пойдём, если он нас прогонит? Где жить будем, пока своей кибитки нет?

Я молча поднялся. Бахтияр был прав. Надо помочь дяде Фене.

НА ПЬЯН-БАЗАРЕ

Так прошла неделя. Дядя Феня был доволен: все его метельно-ведерное хозяйство поступило в наше с Бахтияром безраздельное владение. Площадь и тротуар трижды в день мы усердно скоблили, сметая мусор, а потом поливали из арыка, приколачивая к земле поднявшую голову пыль. Много времени работа эта не отнимала. Зато теперь можно было не опасаться, что однажды нас встретит заколоченная дверца или кирпичная кладка вместо нее.

Все остальное время мы слонялись по городу, а больше крутились на Пьян-базаре — неподалеку от кинотеатра. Дядя Феня научил:

— Там, на базаре, шамовку себе запросто добудете. Мужики вы крепкие, работающие. Вам в грабари-землекопы можно запросто податься, а не только метелкой махать. Ступайте на Пьян-базар, коли голова есть — с голоду не скукожитесь.

— Пьян-базар? — переспросил я. — А что это?

— Пьян-базара не знаете? — покосился дядя Феня. — Ну, мужики, стало быть, вы еще, считайте, и в Ташкенте не были. Тут ведь два знаменитых места только и есть: дворец Романова Николая Константиныча — царева брательника, кажись... Ну и Пьян-базар. Наша «Хива» аккурат меж ними. Кстати, Романов этот кинотеатр и построил - на свои денежки. Деловой он мужик, хоть и князь. На Пьян-базар ступайте, — повторил он.

— Воровать, что ли? — осторожно спросил я и добавил с непонятной ему издевкой:

— А может, чемоданы кому-нибудь подносить?

Бахтияр понимающе усмехнулся. Знамо дело, мы уже побывали в лапах «Чингиз-хана». Сторож поглядел на меня как на полоумного.

— Воровать? Тю! Ну и сказанул. Через это любой себе жратву добудет. Нехитрая наука. Тут только человечество свое поглубже схоронить надо — и тащи. Не, мужики, воровать — что в чужой печке шуровать да чужую золу выгребать. А на Пьян-базаре и заработать можно трудовую копейку.

— Заработать? — оживился Бахтияр.

— Еще как! Была бы только, как говорится, голова в башке!.. Узбеки с садов-огородов своих чего не везут. Мешки с арбы поскидывайте, а уж узбек — он народ добрый, живо вам дыньку отвалит за труды. И ему вспомоществование, и вам польза. Много там чего сработать можно. Глядишь, и мне закусточку под это дело добудете. Огурчик там какой, а то и помидорчик.

— И дыню! — подхватил я.

— Не-е! — поморщился сторож. — Тут ты, видать, зеленый. Первач дыню не уважает. Не выходит у них, вишь ли, мирного сожительства. Дело это испытанное. Ты, браток, в этой науке пока не кумекаешь.

Мы переглянулись. А что — дядя Феня говорил дело...

Пьян-базар встретил нас толчеей, густой непролазной пылью, смехом, липучими воплями зазывал, колыхающимися баррикадами арб — с такими громадными колесами, что верха колеса я мог коснуться, лишь встав на носки.

Дядя Феня не шутил. Не успели мы подойти к арбе, грузенной дынями, как нас подозвал седобородый морщинистый узбек и, показывая на свой лучистый товар, сказал:

— Таскай-маскай делай, а?

Бахтияр сказал ему что-то по-узбекски. Старик согласно кивнул. Бахтияр просиял и засуетился. Он сразу же обрел деловитость. Похоже, близость лакомой добычи вызвала у него азарт.

— Становись вон туда, к дувалу, и лови. Только смотри, не роняй. Убьет!

Я отошел шага на три, а Бахтияр, подхватив дыньку, запустил ее мне, и я, поймав снаряд на лету, уложил его на землю. Следом полетел второй... пятый... сороковой.

Горка дынь росла. Старик поглядывал, как ловко управляемся мы с его товаром, улыбался и поглаживал бороду.

Наконец арба была пуста. Руки ныли, ладони, служившие мишенью для дынь, которыми, нещадно пулял в меня Бахтияр, болели — будто по ним проехала грузеная арба. Старик выбрал две красивые дыни покрупнее и протянул нам.

Вот так удача — мечтали об одной дыне, а тут сразу две. Да какие! На голодное брюхо их и Белый верблюд не поднимет...

Мы с трудом отыскивали свободный клочок земли. Пока искали — за нами неотступно тянулись какие-то босоногие ребятишки, мал мала меньше. У каждого в руке был нож, в другой — ведро. Когда мы наконец нашли местечко, чтобы полакомиться дыней, все они, разом галдя, как сорочата, бросились к нам, отталкивая друг друга и протягивая нам свои ножи.

— Чего это они? — удивился я. Бахтияр заулыбался.

— Не знаешь? Это родители из дома сюда их прислали — корки добывать.

— Корки?.. Какие еще корки?

— Для баранов, например. Или кур. Они корки любят. Это им — как для тебя плов. А на базаре закон такой: кто нож дал, тот и корки забирает.

Мальчишки между тем продолжали наседать, тыча в нас рукоятки ножей и галдя.

— У кого возьмем? — закричал я озадаченно. Вместо ответа Бахтияр опустил руку к поясу и из изогнутой кобуры эффектно выхватил нож.

— А у нас и свой есть.

— Ну и что с того? — озадачил я Бахтияра. — Ты уж тогда еще раз в кобуру сбегай — может, там у тебя и ведро отыщется — корки в него бросать.

Бахтияр подумал и решительно упрятал нож обратно. А я взял точно такой же у одного из мальчишек. И тотчас же все остальные, не сказав ни слова, молниеносно попрятали свои ножи в ведра и наперегонки помчались на исходные позиции — к горе арбузов и дынь. А счастливчик, которого я облагодетельствовал тем, что взял у него нож, услужливо поставил перед нами пустое ведро и уставился на нас с таким откровенным нетерпением, что я мигом устыдился нашей с Бахтияром преступной медлительности — в ту самую минуту, когда орава отчаянно блеющих голодных баранов и несметная стая кур, шатающихся от отсутствия спасительных дынных корок, с надеждой в глазах сгрудились у калитки, стойко ожидая, когда этот вот щуплый властитель их жизней и желудков принесет с базара целебное ведро аппетитных корок...

— Много баранов? — спросил я, торопливо швыряя в ведро первую готовую корку.

Владелец ножа, ведра, отары и стаи показал палец.

— Один?.. А кур? Мотнул головой.

— Что, нет кур, а только один баран? Негусто. А я уж думал...

Дыня была восхитительна. После тревог двух минувших дней мы плескались в дыне, как чайки в небе. Животы наши разбухли, ноги налила сладкая тяжесть. Мы с Бахтияром будто по океанскому якорю живьем проглотили — лечь бы сейчас вот здесь прямо на теплую землю, закрыть глаза и пуститься в дрейф. Хорошо!.. Молодец, дядя Феня! — мысленно похвалил я сторожа и тотчас же понял, что и Бахтияр думает примерно о том же. Потому что он сказал:

— А вторую дыню — сторожу отнесем. Я покачал головой.

— Не выйдет. В арык он ее выбросит. Ты же слышал, что он нам про дыню говорил. Нет у него с ней дружбы. Надо бы ему другой гостинец придумать.

— А можно ее на что-нибудь обменять, — предложил Бахтияр. — Кучу огурцов дадут.

— Совсем другое дело, — согласился я. — Обменяем. — И, не доедая, торжественно опустил в жадно разинутую пасть ведра заключительную корку,

на которой щерились несъеденные клыки дынной мякоти. Это была восхитительная корка — мечта барана!

Мальчишка схватил ведро, грубо отнял у меня свой нож и пустился наутек. Похоже, на сегодня его баран был нами вырван из лап голодной смерти. Видать, если бы не наши корки — топтать его барану по мосту Сират...

Мы уже собирались было идти менять оставшуюся дыню, как вдруг к нам подкатила тележка-человек. Человек отталкивался руками от земли, толкая перед собой тележку на совсем невидимых колесиках. Страшный пенек человека. Разве что у дерева крону отпиливают, а от этого, некогда, должно быть, крепкого карагача, только крона и осталась. Сквозь заросшее черными волосами лицо прямо в упор били голодные глаза. Он молча смотрел на нашу дыню.

— Есть хочет, — догадался я. Ах, если бы он подкатил чуть раньше, когда, уже давно наевшись, мы продолжали жевать лишь по жадной инерции. Не отрезать же ему ломтик от новенькой дыни. Кто ее потом возьмет в обмен? Я был в замешательстве. В сторожке нас ждал дядя Феня, мечтающий похрустеть огурчиком, здесь — молча гипнотизировал дыню метровый человек.

Бахтияр поднял дыню и протянул ее человеку. Я облегченно вздохнул. Правильно, Бахтияр! Умница. В душе я ругал себя самыми страшными словами. Вот ведь обжора несчастный — дыню калеке пожалел, голову ломал над задачей, решить которую было по зубам разве что хитроумному джинну: как и ломоть из дыни вынуть, и дыню в целости сохранить.

Только Бахтияр меня и джинна обскакал: в два счета решил задачу — да так, что ответ, как ни крути, со всем сходился...

Калека осторожно принял дыню, положил ее в мешок, умещавшийся на тележке спереди, благодарно улыбнулся и сказал что-то Бахтияру по-узбекски, прижимая к сердцу правую руку.

— Что говорит, переведи! — толкнул я локтем Бахтияра.

— Говорит, что за эту дыню аллах подарит нам тысячу других.

— Спроси, что с ним случилось. Басмачи, что ли, покалечили?

Вскоре Бахтияр переводил:

— Мардикером он был, — говорит. — В 1916 году... Тогда царь приказал сослать туркестанских дехкан на тыловые работы — много ему для войны с германом людей требовалось... Он, царь, своих солдат на войне, как гузапаю в тандыре*, сжигал...

---

* *Тандыр* (узб.) — печь для приготовления лепешек или самсы.

На Курином базаре в Ташкенте женщины целую забастовку устроили, и детишек с собой прихватили бастовать. Не хотели они, чтобы их мужья на войну ходили... И тогда многие дехкане отказались на войну работать. А за это царь их на каторгу послал. И его вот тоже...

— Погоди, а Герман это кто?

Немцев он так называет. У нас в кишлаке многие помнят, как это было. Мардикеров жадный царь везде собирал — ни один кишлак не пропустил, все обошел. У нас многие не вернулись — так дедушка рассказывал. А если вернулись, то многие вот такими же...

Запели, заныли колесики. Мардикер откатил, увозя дыню.

— Молодец, Бахтияр! — сказал я. — Молодец!.. А дыню мы еще добудем — вон там сколько арб. Чуть отдохнем — и добудем дыню для дяди Фени.

— Для обмена! — поправил Бахтияр.

Искать новую работу нам не пришлось. Потому что нас нашел тот самый старик, которому мы арбу разгружали. Увидев нас, он просиял и сделал знак следовать за ним.

— Похоже, опять на свой таскай-маскай зовет. Пойдем, что ли? — покосился я на Бахтияра, и он вскочил:

— Идти надо.

Старик возбужденно объяснял мне:

— Таскай-маскай еще одна есть! Друг арбам приезжал, старый очень — совсем бобо.* Хаммал надо. Моя говорит: есть два хаммал. Бросай-бросай красиво делал, ни одна дыням не ломал. Потом базар ходил! Твоя искал!

**Бобо (узб.) — дедушка.*

— Послушай, Бахтияр! — не выдержал я. — Про каких хаммалов он толкует?

— Грузчиков ищет. Хаммал — это грузчик.

Все повторялось сначала. Разве что сейчас, после основательной трапезы, труднее было бросать и ловить дыни — они больно били по животу. Пришлось просто перетаскать их. Но ничего, управились не хуже. И второй старик был доволен. Предлагая нам вместо платы выбрать по дыне, он, ожесточенно жестикулируя, стал говорить что-то Бахтияру. Бахтияр выслушал, пожал плечами и подошел ко мне.

— К себе зовет, — сказал Бахтияр. — Просит пожить у него недельку — много работы на бахче, а одному трудно. Обещает хорошо заплатить. И кормить будет.

— Ну и поезжай, подожду.

— Зачем, давай вместе поедем — он обоих зовет. Я задумался. А что — хорошее предложение. Отчего недельку на бахче не поработать. Недельку?.. Погоди, а не заколотит ли за недельку вход под сцену дядя Феня, за то, что мы метлу бросили? У нас ведь с ним уговор.

Я все объяснил Бахтияру, и мы решили, что он поедет со стариком, а я буду пока один управляться с метлой, отрабатывая наше право на ночлег в подземелье.

— Трудно тебе будет одному на базаре, — сказал Бахтияр.

— Поезжай! — твердо сказал я. — Как-нибудь продержусь, а через твою на бахче работу, глядишь, через недельку еще и разбогатеем.

— Ну да! — рассмеялся Бахтияр. — Своя арба купим, с вокзала в монастыр ребят возить будем.

— Зачем арбу? — повеселел я. — Давай лучше сразу паровоз! Уголь купим, огонь разведем и в кишлак твой поедем. А там — домулла. Увидит паровоз и завопит: «Вай-до-од!* Шайтан** пришел, всех, кто у до-муллы Хайдаралиходжи учиться не хочет — пожрет!»

---

*Вайдод (узб.) — караул!

**Шайтан (узб.) — черт.

— Сначала туда рельсы построить надо, — сказал Бахтияр. — Потом можно и поехать.

— А домулла нам на рельсы насвай насыпет! — подмигнул я.

Бахтияр не сдавался:

— Ему же хуже и будет! Паровоз чихнет — домулла на свой виноградник улетит, и прямо на помост. Вот пусть там воробьев и пугает до прихода Азраила. Все равно сам слезть не сможет...

Итак, решено — расстаемся на неделю.

«РОКОВАЯ ДЫНЯ»

Ровно через месяц, как мы расстались с Бахтияром, я заболел. Но самое страшное было то, что Бахтияр не вернулся. Обещал быть через неделю — и не вернулся...

Все это время я добросовестно работал метлой, обмахивая ею, будто опахалом, важных ханов — тротуар и площадь. Дядя Феня был доволен — ведь я не отвлекал его от первача, которому он самозабвенно посвящал теперь всего себя.

Я с горечью думал о том, что Бахтияр просто бросил меня, потому что там, у старика с бахчой, ему было хорошо. Решил, должно быть, что лучше перезимовать в кишлаке.

Зачерпывая из арыка, теперь я сначала разгонял ведром желтый палас листьев, устилавших воду. Палас уплывал, но деревья быстро сыпали новые заплатки на прореху. Палас становился заметно толще... На ночь приходилось нагребать на себя уже все тряпье, которое было под сценой. Весь месяц пропадаю на Пьян-базаре, надеюсь встретить кого-нибудь из стариков — тогда бы я смог узнать, что с Бахтияром и где он. Оба старика исчезли бесследно.

Быть может, теперь они возили свой товар на другие базары?..

Однажды мне приснилась та самая афиша, которую я месяц назад правил угольком. На афише я прочел: «РОКОВАЯ ДЫНЯ». Почему дыня? — с удивлением подумал я. — Фильма называется совсем по-другому: «Роковое признание». Так ведь!

Я подобрал уголек и, зачеркнув «дыню», стал вписывать правильное название фильма — ведь директор «Хивы» во всем любит порядок и обязательно поругал бы за недосмотр сторожа дядю Феню.

Но едва приступил я к осуществлению благородного своего замысла, как вдруг почувствовал — легла мне на плечи чья-то тяжелая рука.

Обернулся — Чингиз-хан!

— Привет! — говорит. — Пойдем со мной скорее на Пьян-базар — работенка хорошая имеется.

— Сам иди! — огрызнулся я. — Знаю твою работенку, после которой в монастырь везут. Воровать, что ли?

— Вот еще! — обиделся Чингиз-хан. — Я больше такими делами не занимаюсь. Поменял профессию. Теперь я — честный хаммал.

— И я хаммал! — радостно воскликнул я. — Дыни, что ли, надо перетащить? Это я запросто!

Чингиз-хан загадочно улыбнулся:

— Там узнаешь.

Мы побежали на Пьян-базар. Чингиз-хан подвел меня к ужасно знакомой телеге. Это было то самое корыто, в котором нас с Бахтияром везли юные разведчики на Куйлюк — в интернат. Да и сейчас телега была полна чумазных немых ребят — почему-то крепко связанных. Был в телеге и Бахтияр. Но самое главное: в телегу был впряжен грустный Белый верблюд.

«Ожил, значит, верблюдик!» — обрадовался я.

— А где арбакеш? — спросил я. — Что надо делать? Чингиз-хан показал мне пальцем на старика, Я пригляделся и не поверил своим глазам: это был домулла из кишлака Ак-тепа!

— Он, что ли? — испуганно спросил я. Домулла приблизился, отрывисто приказал:

— Разгружайте товар.

— Какой товар?.. Где товар?.. — недоумевал я.

— Вот он! — домулла сверкнул глазами. — Полная телега. Всех на своем винограднике поймал. Виноград клевали.

— А зачем вы их сюда привезли? — спросил я.

— Хаммал должен разгружать, а не задавать лишние вопросы, — зло ответил домулла. — Продавать их буду. Хочешь — дружка своего купи, Бахтияра.

— А... почему? — выдавил я.

— О, это дорогой товар. Ты подойди поближе, пощупай руки и ноги, в зубы загляни — это же отличный батрак. Давай за него двадцать баранов — и забирай.

Я опустил голову.

— Нет у меня баранов.

Домулла потерял ко мне интерес. Что за худосочный покупатель — в кармане даже двадцать заваливающих баранов не звенят.

— Тогда разгружай и проваливай! — и домулла сердито огрел плеткой Белого верблюда.

— Становись у дувала, — велел мне Чингиз-хан, и я подошел туда, где еще месяц назад мы с Бахтияром складывали дыни. На этот раз я был помощником Чингиз-хана. Ухмыляясь, он схватил связанного Бахтияра и, держа за ноги, раскрутил как дротик и запустил им в меня. Я поймал Бахтияра и осторожно опустил на землю. Следом полетели другие мальчишки. Я складывал их у дувала штабелями.

— Не так клади! — разозлился домулла. — Ты их как шпалы клади — рядком.

— Зачем, как шпалы? — спросил я. Домулла захихикал:

∞ А я рельсы куплю и на эти вот шпалы положу. Потом на Темир-араве* домой поедем и из Белого верблюда шашлык сделаем. Поедешь со мной?

---

*Темир-арав (узб.) — железная арба. Паровоз.

— Не режьте Белого верблюда! — закричал я. — Он хороший! И, пожалуйста, Бахтияра на шпалы не переводите!..

Домулла картинно воздел руки:

— Зачем раньше не сказал? Вон паровоз идет уже! — и показал на дувал, где висел плакат: в точь как на вокзале — пугающе огромная вошь. Она свирепо глядела на меня и фыркала, будто исподволь разводила пары. Лапки, как паровозные кулисы, пошевеливались. Казалось, вот сейчас вошь даст гудок и съедет с плаката по шпалам связанных мальчишек. Я поежился.

Ну и ну!..

Домулла спохватился:

— Постой, я ведь с тобой еще не рассчитался за работу. Погоди, сейчас...

Он резво побежал к телеге и взял ведро. Я узнал его. Так и есть: в это ведро мы тогда смели в кишлаке весь перец и насвай, который домулла на пол насыпал. Интересно, как оно обратно к домулле вернулось? И что он собирается делать?.. Домулла, между тем, поставил ведро у моих ног и, окунув правую руку по локоть в ведро, спрессовал пятерней огромный комок величиною с мяч.

— Открывай рот! — приказал он. — Да пошире!

— А зачем? — испугался я.

∞ Пир окончен, пора завершить дело ошатышем*. Гляди, какой роскошный. Как на самого почетного гостя. Давай, не тяни с этим делом!

---

*Ошатыш (узб.) — обычай, следуя которому хозяин дома самолично, в знак уважения, отправляет в рот почетного гостя, участника пиришества, весь оставшийся на общем блюде плов.

Сзади меня цепко обхватил Чингиз-хан, а домулла, размахнувшись, метко забил в меня раскаленный комок. Стало трудно дышать. Словно уголь, брошенный в холодную пустую паровозную топку, комок затеплился, загорелся и скоро стал нестерпимо жечь. — Воды! — взмолился я. — Воды!..

Я открыл глаза и долго не мог понять, где нахожусь. Сверху просачивалась бравурная музыка.

«Фильму иллюстрирует оркестр!» — сообразил я.

Сгинул сон, унося с собой домуллу с Чингиз-ханом и перцем.

Но нестерпимый жар остался, будто меня и вправду заставили проглотить раскаленный комок и теперь он катался во мне и безжалостно сжигал изнутри.

«Воды! — беззвучно сказал я самому себе. — Пить!..» Но кто мог услышать здесь мои мольбы? Собравшись с силами, я подполз к лазу, и, выбравшись наружу, пошел вдоль стенки к сторожу дяде Фене.

Он храпел, развалившись, не снимая сапог. На полу валялась медная кружка. Я поднял ее — от кружки нестерпимо несло спиртным. Сполоснул из чайника и жадно осушил две кружки воды подряд. Можно было возвращаться обратно.

Я присел на табурет — малость отдохнуть. Пустая бутылка, уложившая дядю Феню, стояла на тетрадке, в которой сторож по распоряжению директора делал карандашом отметки о приходе и уходе всех работавших в кинотеатре. Это также входило в его обязанности.

Я вспомнил, как дядя Феня собирался написать жалобу на свою метлу аж самому Калинину. И, с трудом понимая, что собираюсь делать, убрал в сторону бутылку, вырвал двойной листок из тетради и, склонившись над ним, стал писать:

«Дорогой товарищ Калинин!

Пишет тебе хаммал Пьян-базара Жорка Иванов по прозвищу Джурабай. Так меня Бахтияр кличет, только сейчас его нет — старик увез на бахчу. Сам я буду сын командира доблестной Красной Армии. Его басмачи подстрелили, а он на станции в Минг-Урюке троих уложил, а которые в Ак-тепа хлопок пожгли — в плен взял. Но это было там, в кишлаке. А теперь я в Ташкенте.

А живу я хорошо. Город хороший, и Пьян-базар хороший, и дядя Феня хороший, только пьет он шибко много. Я ему подметать помогаю и за то имею от него постой.

А сейчас я заболел, а чем — не знаю. Жарко очень, и сон дурной привиделся — про домуллу и Чингиз-хана. А еще вошь была — как паровоз огромная! Ты таких, наверное, не видел. Вот у нас в Ак-тепа Бахтияркин дедушка здорово сны отгадывал. А ты, случайно, не знаешь — к чему это, если про домуллу? Если знаешь, — напиши. Но это во сне. А главное — не это. Знай, дорогой товарищ Калинин, что надоело мне грузчиком быть. Ты плохого не подумай, я не работы боюсь. Только какой такой будет из меня толк для Советской власти, если я всю жизнь дыни буду таскать с арбы, хотя и не задарма?

Потому как хочу я быть, товарищ Калинин, строителем новой жизни, а не как дядя Феня. Вот он сейчас здесь храпит, а я слушаю и думаю, как мне учиться. Мне и батя говорил — учиться надо, чтобы всем мировым буржуям стальную пролетарскую фигу показать и кол осиновый покрепче забить в

смердную могилу мирового капитала. Так батя говорил. И еще говорил, что ты, Калинин, — закадычный друг трудового народа. А коли я беспросветный хаммал — так мне, выходит, и показать буржуям нечего! Обидно получается.

Сам рассуди.

А если будешь у нас в Ташкенте, рад буду встретить. Гостем будешь дорогим. Конечно, дынь у тебя нет, не привезешь. Но ничего — я тебе чемодан или мешок — смотря с чем приедешь — таскать помогу. Ты не бойся, я денег не возьму. За так носить буду. А найдешь ты меня в «Хиве» — это кинематограф такой. Только не в самом, а под сценой. Смотри, билета не покупай — дорогой он ведь. Ко мне и с улицы попасть можно, а это, считай, задарма. Удобно очень.

На том кончаю и желаю тебе богатырского здоровья, а сам вот заболел. Ну, ладно. Пойду лягу...»

Я сложил листок треугольником и написал адрес: «Товарищу Калинин у Москву». А ниже — обратный адрес — «Кинематограф «Хива» в Ташкенте».

Я вышел из сторожки и, с трудом передвигая ноги, двинулся к себе.

Поймал удивленный и одновременно испуганный взгляд уборщицы Юлдуз-апы.

— Твоя болеет, да? — спросила она. — Совсем нехороший. Яман*.

— Ничего не яман, — пискнул я. — Очень яхши**. Только... вот...

письмо не знаю, как отправить Калинин у.

**Яман (узб.) — плохо.*

***Яхши (узб.) — хорошо.*

— Москва? — удивилась Юлдуз-апа. — Сам Калинин?!

— Юлдуз-апа! — взмолился я. — Отправите письмо, ладно? Опустите в ящик?

— Давай, давай! — кивнула уборщица. Я протянул ей свой треугольник и побрел дальше. Юлдуз-апа окликнула меня:

— Джурабай, моя корова есть. Вечером молоко принесет.

— Письмо... Не забудьте... — с трудом ответил я.

Я лежал, словно в кипятке — проваливаясь в тягучий сон, из которого ко мне тянули руки домуллы и Чингиз-хан, откуда на меня медлительной черепахой напозала вошь с плаката. Я панически убегал от них в явь, но они снова догоняли и плескали в лицо кипятком из кружки дяди Фени.

Я проснулся от того, что кто-то тянул меня за руку. В сумраке я с трудом узнал дядю Феню. Он стоял на четвереньках — грузный, как пес Душман кишлачного домуллы...

— Слышь, ты вылазь! — говорил он. — Директор тебя зовет.

— Директор?! — удивился и одновременно испугался я. — А зачем?

— Сам виноват. Зачем письмо писал Калинин?

— А разве нельзя?

— Можно-то оно можно. Но ты ведь обратный адрес приложил. У

Юлдузки письмо твое директор и увидал. Возмутился: «Кто это, — говорит, — без меня тут самоуправствует?!» Взял да и прочел письмецо твое. Вот меня и разбудил. Веди, грит, к твоему писателю. Я из-за него, грит, места лишусь, потом мне только на Пьян-базаре дыни с арбузами и разгружать. А твоему, грит, пацану товарищ Калинин вместо меня «Хиву» отдаст. Это вместо его, стало быть, директором будешь. Не знаю, правда все это али нет — но только он не один ждет.

— Кто там еще?

— Да милицию привел зачем-то. Ползи давай, а то, неровен час, за ногу вытащат.

У выхода из моего тайника стояли директор и милиционер.

— Вот — полюбуйтесь! — гневно сказал директор. — Мало того, что без моего разрешения здесь живет, еще и властям пишет.

Я глянул в лицо милиционера и обомлел. Это был тот самый, с вокзала, — тот, что передал нас с Бахтияром юным разведчикам. Я опустил голову.

Милиционер протянул с укоризной:

— А ты не роняй глаза на пол, не роняй! Узнал я тебя. Что ж ты, брат, так Чеснокова подвел? Удрали, понимаешь, как зайцы от волка. Как же так, Юра? — спрашиваю его. — «Не знаю, — говорит. — Полная для меня их побег загадка. Ехали, говорит, и говорили, говорит, и все было нормально, говорит. А потом — прыг, и поминай как звали...» — Чего удрали-то? — Он вздохнул.

Я молчал.

— Чего, говорю, удрали? — повторил вопрос милиционер и взял меня за руку.

— Ого! Горячий какой — обжечься можно. Директор изменился в лице.

— Не тиф ли у него? Поостеречься бы нам надо — штука летучая, заразная...

— Погодите! — хмуро перебил милиционер. — В лазарет его надо. Подлечить. А ругать, что заранее вам на подпись письмецо свое не принес, еще успеем. Есть телега?

— Как же! — напыжился директор. — Персональная двуколка. Как можно без?!

— Прикажете запрячь!

— Мою двуколку? — нахмурился директор. И добавил: — Нежелательно бы...

— Это почему же?

— Потому как... — директор замялся. — Потому, как у мальчика может вполне стать тиф. Как же я после него сяду? Зараза ведь. Так и помереть ведь можно — через персональную двуколку.

— Ясно! — кивнул милиционер. — Бойтесь, что двуколка ваша заболит, а за ней и вы? Ничего, мы двуколку тоже лечиться определим.

Обработаем по первое число. Несознательный вы, оказывается, человек.

Нынче все беспризорникам помогают. Сам товарищ Дзержинский эту работу возглавил. Или не слышали?.. — И добавил строго: — Прикажете запрягать!.. А с вас еще и спрос особый будет — почему мальчика в норе держали, как мышь.

— А я не знал, ничего не знал! — взвизгнул директор. — Только сегодня... Вот... Письмо вдруг читаю...

— Между прочим — чужое письмо! — уточнил милиционер. — И не вам адресованное! — с этими словами он достал из кармана мой треугольник — уже развернутый — и, показав его мне, добавил: — Ничего, все равно пошлем его товарищу Калинину. Только вот что: советую малость переделать.

Я кивнул. Все верно. Я же писал там товарищу Калинину, что имею местожительство в «Хиве». Как же теперь меня здесь Калинин сыщет, если сейчас меня увезут отсюда?

Но — куда? В монастырь? И что скажет Чесноков? И Шура. И Зоя. И как найдет теперь меня Бахтияр, если вернется?

«ДАВАЙ К НАМ, К РАЗВЕДЧИКАМ!»

Зря боялся хан «Хивы», что мой тиф смертельно заразит его двуколку. У меня оказалось «всего лишь» воспаление легких. А когда жар стал спадать и тягучие кошмары, обступавшие меня стократно повторенными ликами Чингизхана, домоллы, отступили, в палату вошел и приблизился к моей койке старый знакомый... Юрий Чесноков. Я сразу же узнал его и испуганно натянул одеяло по самые глаза.

Чесноков сел на краешек койки, молча пошарил в кармане и вытащил яблоко. Ярко-желтое, огромное, оно светилось — будто внутри его горела яркая свеча.

— Держи! — улыбнулся Чесноков. — Вкусное. Это тебе юные разведчики передать велели, чтоб выздоравливал скорее.

— За что же мне такая милость? — набычился я. — Сбежал ведь.

Обманул.

Чесноков нашарил под одеялом мою руку и крепко сжал ее.

— Не надо об этом, Георгий Иванов! Не надо. Дело прошлое. Я не меньше твоего виноват.

— А ты-то что? — искренне удивился я.

— Черт меня дернул пугать вас монастырем. Вот и испугались, всерьез поверили. Так ведь?

Я вздохнул, отвел глаза. Не так. Совсем не так.

И вдруг я начистоту, неожиданно для самого себя, выложил Юре все, что произошло на вокзале: и об отце, и о друге его Иване Андреевича Басове, к которому хотел отец определить меня на постой, да вот... не довез — по причине схватки с басмачами на станции Минг-Урюк. Чесноков слушал молча, а потом сказал, что я зря смолчал. Был бы уже при деле. Учился бы.

— Это в интернате-то вашем? Для беспризорников?

— Между прочим, зря куксишься. Или думаешь, под сценой лучше?..

Вот что! — Чесноков решительно поднялся... — Такое мое мнение: выздоравливай, и к нам давай.

— К кому это — к вам? — покосился я.

— Ясно к кому — к разведчикам.

— А жить где буду?

— Да хотя бы у меня! Места хватит. Ты не думай, это мы всем отрядом решили. Только выздоравливай скорее.

Уже у выхода из палаты он обернулся:

— Значит, говоришь, Басов Иван Андреевич? Железнодорожник? Ну, пока!..

Наутро ко мне пришли сразу трое: Чесноков, Зоя Стрельцова и незнакомый усатый мужчина. Чесноков смотрел исподлобья и таинственно ухмылялся. Стрельцова сияла. Не сдерживая радости, она щебетала:

— Вот он!.. Вот он, дядь Ваня! А тогда — убежал!..

Мужчина подошел ко мне, кивнул, пробасил:

— Георгий, ты, что ли?..

— Ну... — я растерянно размышлял — кто же это.

— Так вот ты какой, значит, Георгий. Ну, давай, брат, знакомиться.

Он протянул мне широкую жесткую лопату ладони:

— Басов Иван Андреевич.

— Басов?! — я резво приподнялся, оперся на локоть. — Это вы — Басов?!

А батя... батя... Он... — голос мой задрожал.

Иван Андреевич протестующе поднял руку:

— Не надо. Я знаю. Мне Каримов обо всем рассказал. И про то, как пропал ты на вокзале — тоже. И где только не искал я тебя, Георгий! Все приемники объездил. Уж решил, что уехал ты сгоряча куда-нибудь. Ну, молодец, что объявился. У меня жить будешь.

Я растерянно переводил взгляд с лица на лицо. Как же все-таки сумел Чесноков так быстро найти Басова — ведь я только вчера рассказал ему об Иване Андреевиче?.. Все скоро разъяснил радостный щебет Зои Стрельцовой, которая терпеливо ждала момента нырнуть в разговор.

Нырнула, не зажмуриваясь:

— ... Я тогда Юре и говорю... Ну, когда он нам про твой с ним разговор рассказал. Какой, говорю, Басов? Уж не наш ли это сосед — дядя Ваня? Ведь все сходится — и имя-отчество, и фамилия, и что железнодорожник... Ну, Чесноков и велел мне разыскать скорее дядечку Ваню. А чего его искать! Говорю же — сосед он наш, рядышком живем. И работает с папкой моим вместе! И тоже токарем! Как же его не знать? А как дядя Ваня обрадовался, что ты нашелся — так это я и передать тебе не смогу!

Иван Андреевич сказал:

— Значит так договоримся, Георгий, что вместе жить станем. За сына мне будешь. А могу и фамилию тебе свою подарить. Пристегивай к батиней, если хочешь. Будешь Иванов-Басов. Мы тут уже и с лазаретным начальством потолковали — говорят, послезавтра совсем здоров будешь.

— Уже здоров! — воскликнул я.

— Ничего не беспокоит?

— Как не беспокоит! Еще как беспокоит.

— Что такое? — насторожился Иван Андреевич. — Что-нибудь серьезное?

— Куда серьезнее! — вздохнул я. — Бахтияр пропал...

ПРО ВАСЮ РЕШЕТНЯКА

В крохотном дворике на улице Госпитальной, застланном виноградником с уже съезжившимися медными листьями, стоял низенький домишко из двух комнатушек.

— Гляди, Георгий, какие у меня хоромы! — шутливо бахвалился дядя Ваня, знакомя меня с домом.

Впрочем, по сравнению с моим тайным убежищем под сценой, это и впрямь были сказочные хоромы.

Я с любопытством оглядывал свое новое жилище.

Мое внимание привлекла трехлинейная винтовка, висевшая на толстом гвозде, глубоко утопленном в стену. У стены стояла узенькая кровать дяди Вани.

— Стреляет? — кивнул я. — Ваша?

Глаза дяди Вани загорелись. Было видно, что с этой винтовкой связаны дорогие ему воспоминания.

— Стреляет, как ей не стрелять! — гордо ответил он. — Это не винтовка, Георгий, а товарищ мой боевой. В семнадцатом я с ней подружился, вместе Советскую нашу власть защищали. И жизнь она мне спасла. Друг, словом, кровный. Гляди сюда! — с этими словами он бережно снял винтовку, показал приклад. Глубокий шрам — явный след сильного удара — перерезал деревянный приклад. Казалось, углубилась рана еще на миллиметр — и приклад непременно развалится пополам.

— Саблю белогвардейскую приняла на себя, — тихо сказал дядя Ваня, поглаживая незаживающую рану дерева. — Та сабля мне была выписана для полного, значит, расчета — да вот... винтовка, заступница родная, успела за меня в ведомости расписаться.

— На фронте было? — спросил я.

— На нем самом. А знаешь, где он, фронт этот самый, тогда проходил?

Я дернул плечами.

— А за окном вот этим! И не только за этим. На всех улицах Ташкента дрались мы тогда с Коровиченко. Слыхал о таком?

— Угу! — кивнул я. — Батя рассказывал. Вот-вот! — обрадованно подхватил дядя Ваня. — С батей твоим и дрались мы на родной нашей Госпитальной. Красногвардейцы орудие установили и давай бить по белым автоброневикам. Один подбили... второй... А их у Коровиченко, как собак нерезаных. Керенский-то карателей хорошо вооружил. Прямо на платформах погнал в Ташкент и солдат, и броневики. Как с платформ съехали — сразу, значит, и давай свинцом плевать. Злобная, доложу тебе, зверюга, натуральный крокодил. И ползет, и пуля его не берет.

— Погоди! — он хлопнул себя по лбу. — Чего я тебе рассказываю? Лучше Ваську обо всем расспроси.

— А кто это?

— Да сосед мой — Васька Алексеев. Погодки вы будете. Ну, может, и старше на самую малость. За забором живет. Ты подружись с ним, обязательно подружись. Васька ведь гер-рой! Мировой парень!.. Весь в батю своего пошел.

— Тоже тогда воевал, батя его?

— Еще как! Машинист он, паровозы гоняет. И надо же такому случиться — именно к его паровозу и прицепили коровиченковский эшелон. И как ведь тайно все сделали — никто, даже сам машинист, не знал, какой товар везет. Но разве от дороги утаишь что-нибудь. Путьевой обходчик на станции Келес — это совсем близко от Ташкента — заподозрил неладное. Дверюга одного из вагонов была открыта малость, глянул — а там солдаты. Пьяные, ржут. «Далеко ли до Ташкента? — спрашивают. — Надоело ехать, размяться бы надо. Да и винтовочки наши меткие по лбам смутьянским соскучились».

Слово за слово — и узнал обходчик, какие такие гости размяться едут — революционных рабочих, большевиков укрощать — и быстренько к машинисту. Так, мол, и так-то, товарищ. Горе ты везешь в Ташкент, сам того не ведаешь, что эшелон твой кишмя кишит карателями. Тут Алексеев и смекнул — загнал эшелон в тупик, а сам с помощником на дрезине шустро в Ташкент умчал, чтобы предупредить. Большое дело сделал, многим нашим жизнь тем спас. Подготовиться ведь успели! Вот и не получилось у Коровиченко никакого врасплоха. А в военном деле, Георгий, — главное, чтобы врасплох супостата застать.

— А что же Васька, сын его? — напомнил я. — Он-то что?..

— погоди, не торопи как на пожар. Все тебе сразу выложи!.. — дядя Ваня улыбнулся. Было видно, что ему приятно вспоминать бои в семнадцатом.

— Садись давай! — кивнул он на табурет у стола. — Устанешь ногами-то слушать. Садись и хлебушка поешь, вот он, полотенцем прикрыт. А я Ваську позову. Я мигом! — и он вышел из комнаты. Вскоре я услышал, как он кричит — видимо, у заборчика: — Вась, ты где? Давай сюда!

Я оглядел комнату. Только одна койка. Ясно, один живет. Да и Юра Чесноков предупредил меня, чтобы ни о чем таком дядю Ваню не спрашивать — душу не травить. Жену его и дочку единственную тогда же, в семнадцатом, каратели постреляли. Не специально, правда. В окно очередь жажнула, мигом обоих уложила. Если бы знать могли, что так оно выйдет. А то ведь они у окна того окаянного улицу сторожили, за Ивана Андреевича боялись — как он там, на баррикадах...

Дядя Ваня пришел с мальчишкой, который долго глядел на меня, как бы оценивая.

— Ну чего ты, Вась! — подтолкнул его дядя Ваня. — Знакомься, что ли. Я ведь Гришке уже рассказал о тебе малость. А дальше — сам давай.

Ну вот еще... — сердито буркнул Вася. — Чего рассказывать.

— А хотя бы про то, как ты с пацанами броневики остановил. Ему ведь интересно.

Я с удивлением и недоверием поглядел на Васю. Не выдержал:

— Неужто правда? Вася хмуро сказал.

— Видите, все равно не верит, чего ж рассказывать?

— Зря ты так, Гриш! — заметил дядя Ваня. — Не сказки ведь тебе рассказываю, а как дело было. Они тогда здорово нам помогли.

Он повернулся к Васе:

— Помнишь, с чего все началось-то?

— Как не помнить! — колыхнулся тот. — С топоров все и началось, с пил.

— С топоров? — усмехнулся было я. — Это что же — топором да по... крокодилу?

— Какому еще крокодилу? — отстранился Вася, но дядя Ваня, пряча улыбку, поспешил на выручку:

— Нет, ты продолжай... продолжай! Это я броневик крокодилом обозвал.

Вася продолжал:

— С топоров и началось... Как с Константиновской броневики прорвались — тут красногвардейцам совсем худо стало. Броневик, он ведь, гад, сам-то бьет, а его попробуй взять...

— Вот я и говорю — крокодил! — встрял дядя Ваня.

— Побежали тогда красные патрульные по дворам, придумали они такую штуку, чтобы тополя пожирнее на дорогу повалить, да запереть броневики. Тут мы с пацанами и попались им на глаза. Спрашиваем: «Надо чего — говорите!» А те нам: «Тащите побольше топоров да пил. Да ломов. И поскорее!» Ну, мы и побежали по дворам. Много нас, пацанов, было: Костя Лихо, Алишер, Васька Плугатырев, Курбан Алиев, Решетняк Вася... Ну... и... я... Столько всего натаскали, что и не сосчитать.

— Пригодились топоры? — подстегнул я.

— Еще как! Их железки сразу хвост поджали — и драпать! Кой-кто не успел улизнуть и в плен тополиный угодил. Выкурили их потом красногвардейцы. А один их броневик так-таки пробился на Госпитальную. Треснул по пушкарям из пулемета, один красногвардеец из расчета и упал. Остальные держатся, стреляют, а этот лежит и кровью исходит. Нам-то все видно, мы тут же, в тупичке, прятались. Пули воробьями чирикают, орудие басом отвечает...

Вася вдруг умолк. Вздохнул. Изменившимся голосом сказал:

— Решетняк и побежал... К орудию тому. Мы и не сообразили сначала — чего это он прямо под пули. Костя кричит: «Вернись, подстрелят!» А Решетняк — летит, не слышит. К земле пригнулся и бежит. Подбежал к

раненному красногвардейцу, берданку его поднял, хотел было помочь бойцу подняться...

Алексеев внезапно умолк.

— Дальше-то что было? — испуганно заторопил я его.

— А дальше... — вздохнул Вася. — Что дальше... Увидели его с броневика бандиты и дали очередь. Насквозь прошили. Упал Вася. Тогда красногвардейцы давай под колеса броневика этому деревья валить. Не ушел, гад. Попался!

— А Вася?..

— Тут мы все к нему бросились. А он без сознания... И восемь ран. Кровь льется — не остановишь. Рядышком — аптека. Закрыта, правда, — кто в такую заваруху торговать станет. Прикладами хлипкую дверь высадили! Схватили бинты, носилки — и к нему. Перевязали и в госпиталь военный его понесли. Только... — Алексеев опустил голову. — Не спасли нашего Васю Решетняка... Восемь пуль... Не приходя в сознание... — Алексеев потер рукавом глаза.

Дядя Ваня положил на его плечо тяжелую руку.

— Гони слезу! Прочь гони! На могиле героев мы, большевики, не плачем, а клянемся. Мстить клянемся. Мечту павших осуществить клянемся.

И — уже мне:

— Васю Решетняка мы на братском кладбище схоронили — с героями тех боев. Весь город провожал. Батя твой тоже был. Хорошо помню — поставили мы гробик Васин на пушечный зарядный ящик, почести ему оказали военные, артиллерийские. Революционером погиб мальчонка. — Дядь Вань, а сколько ему было тогда?

— А вот его спроси, он лучше знает, — кивнул на Алексеева. — Дружки были как-никак.

— Десять ему было, — сказал Вася.

И тут я увидел, что в дверь просунула голову Зоя Стрельцова. Она тоже слушала рассказ про Решетняка, ни единым звуком не выдавая своего присутствия.

— Зой, ты чего это голову себе прищемила — входи давай в горницу! — пригласил Иван Андреевич, — Не дело это — на пороге гостить. Не по-нашенски.

Зоя только и ждала. Впорхнула, защебетала:

— Устроился, да?! И с Васей уже познакомился? Вот хорошо! Скоро и к нам, юным разведчикам, попадешь. И в школу нашу пойдешь.

Одобрительно кивнул дядя Ваня:

— Как же — конечно, пойдет. Его за тем батя и посылал в Ташкент.

Ты, Зоя, к какой школе приписана?

— Шумилова.

— Вот! И Георгий туда же пойдет. Небось и не знаешь — кто он, Шумилов?

Я молчал. Действительно, не знал.

— Герой он. Белогвардейцы его расстреляли в январе девятнадцатого. Он председателем Ташкентского Совета был. Вот школу именем его и назвали.

— Дядя Ваня! — загорелась Зоя. — А у меня идея!

Слушаю. Гони свою идею! — усмехнулся Иван Алексеевич. — Только пошустрее — мне на смену спешить.

— Я все про Васю Решетняка думаю. Вот ведь как вышло... Десять лет ему было, а ведь геройский поступок совершил. Нельзя, чтобы забыли о нем. Может, имя его присвоим?..

— Кому же?

— Я и говорю — идея есть. К нам сколько малышей прибивается, в отряд к юным разведчикам просят. А Юра Чесноков говорит — не положено, маленькие еще. Да какие же они маленькие! Выходит, если подвиг совершить — так не маленькие, а в отряд — нельзя? Несправедливо.

— Что же ты предлагаешь? — спросил уже Вася Алексеев.

— А то — давайте переименуем малышатский патруль при юных разведчиках в патруль имени героя семнадцатого года Васи Решетняка! По моему, это будет правильно. Мы ведь сейчас, если честно рассудить, в этом деле ничуть скаутов не лучше. Ты погляди как наши патрули называются — ну в точь как у них: «фламинго», «малиновки», «вороны». А малышат и вовсе обозвали обидно — «лягушата». Да с таким именем только и квакать, а не мировую революцию делать!

Щеки Зои покраснелись, — разволновавшись не на шутку, она махала руками:

— Так ведь, Вася? Или скажешь, что не так говорю? Неверно все это! Раз мы пролетарские — значит, и патрули у нас должны называться по-пролетарски. А буржуйта пусть себе остаются хоть рябчиками. Как смотришь, Вася, на отряд малышей имени Решетняка? Прямо говори!

— А как Чесноков? С ним бы надо сперва потолковать.

— И потолкуем! Ты-то сам как?

— А что, придумано хорошо. Память будет. Так ведь, дядя Ваня?

Иван Андреевич сощурился, спросил вкрадчиво:

— Это как же получается? Соберете вы, значит, малышей ораву побольше и — нате вам имя героя! Так, что ли? Это за какие такие заслуги получают они геройское имя? Задарма, что ли?

Зоя испуганно уставилась на Ивана Андреевича. Токарь объяснил:

— Пойми, Зоя! Не должно быть такого, чтобы из пешек да сразу в дамки, мигом — в конце доски. К тому клоню, что за имя Васино драться надо. Завоевать. А не чтоб за так.

Он поднял с сундука кепку, нахлобучил, кивнул:

— Пошел я, братцы мои, в мастерские. Там паровозы больные стонут, а я тут с вами лясы точу. Пока!

Стукнула за ним калитка. Зоя предложила:

— А хочешь, в школу ходим? Поглядишь сам, где учиться будешь.

Хорошая у нас школа.

Вася добавил:

— Помню, как первый раз в школу пришел. Повсюду висят портреты семьи царской. Рядышком Керенский красуется. Плакаты с ятями* висят. Это все здесь от старой школы осталось! Первый урок, ясное дело, ушел у нас на то, чтобы со всей этой рухлядью расправиться. Никак нельзя было заниматься, да чтобы со всей этой мертвечиной рядом. Живо повыволакивали портретики во двор, на свалку. Тут им место. Потом вроде как бы даже дышать в школе легче стало...

---

*Ять — буква старого алфавита.

Вася осекся, заметив, что я его слушаю вполуха.

— Чего задумался? — чуточку обиделся он.

— Бахтияра вспоминаю. Вот она, — показал на Зою, — его знает.

— Это который с тобой в телеге был? — понимающе кивнула Стрельцова.
— Ловко удрали!

— Пропал он... — уронил я. — Тоже учиться хотел. Найти бы его надо. На бахчу его увезли с Пьян-базара, а куда — не знаю.

— Найдем! — твердо сказала Стрельцова. — Обязательно найдем. Не может такого быть, чтобы разведчики — да не нашли. Groш нам тогда цена. Айда в клуб! — заторопилась она.

— В клуб?

— Ну, да. К Чеснокову. В клуб железнодорожников.

МОЛОДЦУ И СЕМИДЕСЯТИ РЕМЕСЕЛ МАЛО

Спортплощадка, примыкавшая к зданию бывшего офицерского клуба казачьего полка, ныне принадлежащему клубу железнодорожников имени Карла Маркса, была для юных разведчиков местом удобным и вольготным. Юрий

Чесноков считал, что главные качества, которые должен воспитать в себе юный разведчик, — сила, ловкость, смелость. Здесь, на спортплощадке, были, на его взгляд, все условия, чтобы закалиться.

Впрочем, беседуя с нами, он дробил эти генеральные качества на составляющие и тогда оказывалось, что нет на свете таких навыков, которыми не должен в совершенстве владеть юный разведчик.

Мы становились в круг, посреди которого лежал огромный платок. Чесноков сдергивал его, под платком лежали разнообразные предметы — пуговицы, гайки, карандаши. Буквально через мгновение Юра вновь закрывал платком эту кучу-малу.

И начиналось...

— Гвоздь! — выкрикивала Зоя.

— Пуговица... камень... ботинок... — сыпала картечью Шура.

— Ложка! — радостно добавлял Алишер Гуламов... Ответы сыпались отовсюду. Чесноков одобрительно кивал. Потом поднимал платок, и, если оказывалось, что какой-то предмет мы сообща не назвали, Чесноков ужасно огорчался и говорил, что пока еще мы плохие разведчики. Хороший разведчик ничего не упустит, все зорко углядит.

— Настоящий разведчик, — поучал он, — никогда не теряет времени даром. Ему вовсе не нужно вот так вот специально вещи добывать и платком накрывать. Идете вы, к примеру, мимо витрины магазина. Не останавливайтесь — гляньте только, мимо-то идучи, а потом и вспоминайте, что было на витрине... А вот еще хорошая тренировка — сосчитайте, сколько вам навстречу шло на улице мужчин, а сколько женщин. Сколько в головных уборах, а сколько без. Никак юному разведчику нельзя не быть наблюдательным.

Чесноков велел мне выйти в круг.

— Слушай, Георгий, задание на силу воли. Смотри мне в глаза и не моргай. Кто первый моргнет — во-он до того куста на руках пройдет.

Согласен?

Я неловко пожал плечами — отчего, дескать, не попробовать — и уставился в глаза Чеснокова. Не прошло и минуты, как я заволновался. Чесноков будто уснул стоя. Взгляд колючий, немигающий. Чувствую — больно глазам, словно мурашки по ним забегали. Вот бы не подумал, что такое это тяжелое дело — в глаза смотреть. Чувствуя, что вот-вот хлынут слезы, я отвернулся. Ребята засмеялись. А Чесноков неожиданно похвалил:

— А ты, оказывается, молодец. Долго держался — для первого раза.

Похвала похвалой, а до куста идти все равно надо, коли проиграл.

Одно смущало — засмеют ребята.

Но вдруг ко мне подошла Женя Баранова — заместитель Чеснокова. Она была в черных шароварах.

— А хочешь — наперегонки пойдём? — задорно предложила она и тотчас встала на руки. Путь к отступлению был отрезан. Девчонка — хоть и старше меня лет на пять — бросала вызов и никак нельзя было не принять его. Не скажу, чтобы раньше мне часто доводилось ходить на руках. Однако метров десять запросто проходил. А тут, я прикинул взглядом расстояние до куста, примерно столько и было.

Я опрокинул себя вниз и тотчас почувствовал, как застучало в голове, свинцовой тяжестью налились руки. Но — вперед!.. Вперед!..

Баранова пришла первой, и — не ступала как я, тяжело крадясь по земле, а прямо-таки семенила. У куста она остановилась и, не становясь на ноги, ждала меня, замешкавшегося в пути. Я пришел и, пошатываясь, с трудом нащупал ногами землю. А Женя вдруг буркнула:

— Я назад пошла! — и легко побежала к месту нашего старта. Что и говорить — победа ее была полной. Я с восхищением глядел на нее. Здорово-то как! Неужели и я когда-нибудь смогу не хуже?

— Руки не болят? — любопытствовала Женя. — В кровь не стер? С непривычки это ведь запросто. Ничего, научись. Ты не огорчайся, у нас пока только Алишер за мной угнаться может. Оно и понятно — у него в семье трое канатоходцев, он и сам выступал.

Ты по канату ходишь? — обернулся я к Гуламову. Алишер повел плечами. Вот, мол, пристал с вопросами.

— А что, нельзя? — ответил он. Я смешался.

— Ну... что ты... Я хотел сказать... Трудно, наверно?..

— Ничего особенного! — хмыкнул Алишер. — Совсем как по земле.

Просто привыкнуть надо.

Но тут вперед выступила Зоя.

— Вот еще — по канату!.. Канаты только в цирке бывают, зачем разведчику ходить по канату? Мы ведь в цирке выступать не собираемся.

Чесноков покачал головой:

— Не скажи, Зоя, не скажи. Алишер у нас, если хочешь знать, разведчик для особых поручений. Его талант еще всем нам пригодится. Вот увидишь... Весной в пеший поход пойдём, в Бостандык, в горы. Путь неблизкий и нянек с вами не будет. Все придется делать самим. Знаешь узбекскую поговорку — «Молодцу и семидесяти ремесел мало»? Не слыхала?.. То-то же. А это ведь в самый раз про нас, юных разведчиков, поговорка. Очень точно сказано!..

Я подумал про себя, что пословица эта будто специально про Бахтияра придумана. Обидно, что его нет со мной в отряде юных разведчиков. Уж он-то живо заткнул бы за пояс задаваку Гуламова. Подумаешь, по канату ходить умеет. Зато Бахтияр и крыши мажет, и в карнай дуть умеет. А в него попробуй дунь. Это ведь все равно, что влезть на крышу, к дымовой трубе губами припасть и попытаться сыграть на ней какую-нибудь мелодию. Не выйдет! Кишка тонка... А Бахтияр — вот у кого семьдесят ремесел. Или что-то около этого. Да за ним ни одна пословица не утонится! Он, если очень постарается, и на дымовой трубе не хуже, чем на карнае или нае, сыграет.

...По дороге домой я не терял времени даром: насчитал сто двенадцать мужчин и сто сорок шесть женщин. На сорока шести мужчинах были тюбетейки, на двенадцати шляпы, на двадцати трех — кепки. Шестьдесят две женщины были в платках, а семнадцать закрыты паранджой...

— Двадцать три! — торжественно подвел я итог, входя во двор, но, увидя вдруг, что дядя Ваня в кепке, тут же исправился: — Двадцать четыре!

Он укладывал на зиму свернутые в рулон, как толстые змеи, виноградные кусты.

— Чего — двадцать четыре? — изумился он.

— Конечно, кепки! Двадцать четыре кепки! Дядя Ваня вскинул брови, пожал плечами. Оторопело добавил:

— Яс-сно!.. Ну, тогда подсобляй виноградник на зимний ночлег укладывать. Берлогу теплую ему сооружать будем.

ГОЛУБЬ В ГНЕЗДЕ БЕРКУТА

Алишер принес потрясающую новость. Он прибежал в клуб возбужденный, лицо его покрывали багровые пятна, глаза лихорадочно блестели.

— Ребята! — крикнул он. — Там... Там... Скауты детей воруют!

Мы переглянулись. Что такое! Каких детей? Чесноков присел на корточки перед Алишером, сказал спокойно, участливо:

— Ты погоди... Успокойся... Толком расскажи, что случилось-то.

Повтори, кто кого ворует?

Алишер выдохнул:

— Я с Широкой бегу... Иду по ней сюда, прохожих считаю... Вдруг вижу — скаутский патруль. Десять скаутов, а с ними не начальник патруля, а сам Черновский!

— Черновский? — вскинул брови Чесноков. — С патрулем всего лишь ходит? Это что-то новое. Скаутский вожак обычно все свое ташкентское воинство водит. Тут что-то не так...

— Вот и я так подумал! — возбужденно подхватил Алишер. — Сразу заметил — странно они ходят. Обычно у них ведь как — посреди улицы вышагивают, посохами своими постукивают, чтобы на них любовались... А эти... Кучкой бредут, во все окна да переулки заглядывают и ребят к себе подзывают.

— Ребят подзывают? — насторожился Чесноков. — Это еще зачем?

— Вот я и говорю, — продолжал Алишер. — Спрятался я тогда за дерево и стал ждать, когда они из переулка уйдут. А ушли — сам тогда поспешил, пока ребята не разошлись. «Кто такие были тут у вас? — спрашиваю: — Чего хотели?»

— И что же ты узнал? — нетерпеливо затормошила его Зоя.

— Я такое скажу, что сейчас упадете! Скауты их к себе зовут. У нас, значит, воруют.

— погоди, а что за переулок? Что за дети? — спросил Чесноков. — Не поинтересовался?

— Как не поинтересовался! — обиженно выпалил Алишер. — Первым делом... В переулке мастеровые живут — жестянщики, портные, а один — чайники ремонтирует. Вот скауты их детей и хотят к себе заманить.

Мы заволновались. Как же так: детей мастеровых — да в скауты?! Виданное ли дело!

— А ведь мы сами в этом виноваты, — уронила Зоя. — Скауты хитрее нас оказались.

— погоди с выводами, — остановил Стрельцову Чесноков. — Тут надо хорошенько подумать — что же это скауты замыслили.

— Неужели и так не ясно? — Зоя развела руками. — Армию свою увеличивают.

— Нет, ты погоди! — возразил Юра. — Тут не так. Тут, похоже, по-литика!

— Политика? — испуганно переспросила Зоя. — Это как же?

— А очень просто. Скауты хорошо разобрались, за что их комсомол недолюбливает. Они ведь к себе лишь буржуйчиков берут, интеллигентиков, воспитанных... «Не соблаговолите ли, будьте добры, много вам благодарен!», — одним словом. А пролетарские, мастеровые дети — это у них побоку, это, видишь ли, не их материал. Шейте, мол, из него сами. Про узбечат и не говорю. Им в скауты и вовсе дорога закрыта.

Чесноков гневно сжал кулаки.

— Политика тут, Стрельцова! Политика... Мы скаутмастеру Черновскому еще на прошлой неделе так сказали: Советской власти, комсомолу со скаутами не по пути. Виданное ли дело — рыцарям святого Георгия по красным городам свободно шагать и гимн свой распевать? Самораспуститься вам нужно... По-хорошему...

— Вот и распустились! — не удержалась Зоя. Я спросил:

— А какой у них гимн?

— Ясно какой, — ответил Чесноков. — Скаутский.

— А ты слова знаешь?

— Вот еще! — вскинулся Юра. — Может, еще и спеть?.. Ты, кстати, видел, как они салютуют?

— Не-а! — честно признался я.

— Три пальца вскидывают. И знаешь, что это у них означает? Это значит — за веру, царя и отечество.

— За царя? — изумился я. — За какого такого царя? Которого скинули?

— Шут его знает — за какого. Мы Черновского тоже спросили — в кого это они по-старому свои три пальца тычут?

— И что же?

— Изворачивается. Говорит, салют у них остался от старых, царских скаутов, а смысл, дескать, изменился. Никакой, мол, веры, и никакого царя в нем не осталось.

— Брешет! — уверенно заключила Зоя. — Чего они тогда против нас, юных разведчиков, злобствуют? Значит, мешаем мы им, значит, врагами нас считают.

— Запомнил тот тупичок? — спросил вдруг Чесноков Алишера.

— Я же говорю — на Широкой.

— Поведешь. Я пойду. И еще... еще... — он пробежал по лицам разведчиков. — Георгий! — остановился на мне. — Пойдешь с нами.

Мы спешили на улицу Широкую, где Алишер повстречался со скаутами. Чесноков рассуждал:

— Ловко придумали! Решили, значит, завлечь к себе ребятню мастеровых... Чтобы потом сказать комсомолу: критика ваша на нас подействовала. Вот — изменились мы в корне, у нас и рабочей детворы полно. Хотите — проверьте сами. Мимикрия чертова! — злился Чесноков. — Умеют приспособливаться, маскироваться. Раствориться хотят, шапку-невидимку на себя надеть вздумали. Мы, мол, не те скауты, мы, мол, красные...

В тупичке, куда привел нас Алишер, мальчишки играли в лянгу.

Девочки щебетали на скамейке, осыпая все вокруг семечной шелухой.

— Здесь было! — сказал Алишер. — Вот этих... украли. И девчонок тоже.

— погоди! — ухмыльнулся Чесноков. — Не паникуй. Это их скаутский дедушка Баден-бобо еще надвое сказал. Девчонок, говоришь, тоже увлекали? Ясно — в гёрльскауты вербовали...

Он подошел к скамейке. Щебет стих.

— Здорово, девчата! — весело поприветствовал их Чесноков. — Не подвинетесь чуток?

Девчонки с готовностью раздались в стороны, освобождая место для гостя.

— Может, и семечками угостите? — подмигнул Юра. — Тут у вас, погляжу, натуральный самарский разговор получается. И на Волгу ехать не надо.

— Самарский разговор? — удивилась одна из девчонок. — А что это?

Я пригляделся к ней и опешил: уж не ее ли отец хотел тогда на вокзале зашить нам с Бахтияром желудки? Уж больно похожа. погоди, как же ее звали? Ну, конечно!..

— Дина? — воскликнул я и девчонка удивленно уставилась на меня.

— Дина... — уронила она. — А ты откуда меня знаешь?

— Помнишь — на вокзале. Батя еще твой... Портной он...

Дина заулыбалась:

— Как же, помню! Он ведь пошутил тогда. А ты что же — всерьез?

— погоди! — перебил я Дину. — Ты здесь, что ли, живешь?

— Широкая двадцать три! — выпалила Дина. — В гости приходи.

Чесноков вместе с подругами Дины с интересом слушал наш разговор.

— Знакомы, значит? — сказал он и, пристально поглядев на Дину, спросил загадочно: — А ты что же — всех в гости зовешь или только друзей?

— Друзей... конечно... — растерялась Дина. — Кого же еще?

Чесноков дернул плечами.

— Не знаю. Алишер вон говорит, что были у вас здесь уже гости сегодня. Скауты.

— Точно, были, — призналась Дина. — Только мы их не звали — они сами пришли. Да вы у девчонок спросите — они подтвердят. Или вон у мальчишек. Она замахала рукой игравшим в лянгю.

— Мальчишки! Идите скорее!

Скоро мы были уже в плотном кольце ребят.

— Кто в скауты записался? — строго спросил Чесноков. — Руки поднимите.

Подняли шестеро. Дина тоже.

— А что же остальные? Ответила за всех Дина.

— Им дома не велят. Говорят, непонятные они какие-то — скауты эти самые. С палками по городу ходят — собак, что ли, гонять? — Ну а ты-то сама чего записалась?

Дина замерла.

— А что... Разве нельзя?... Погоди, кто батя-то у тебя?

— Портной он! — поспешил напомнить я.

— Вот-вот! — подхватил Чесноков; — Мастеровой, значит. А у них, у скаутов, рабочий человек черной костью считается. У них — бла-го-род-ные! Об этом они вам сказали?

— Нет! — испуганно уронила Дина. — Ничего такого не сказали. Сказали только, что у них интересно и что форму они нам красивую дадут и палки длинные. А еще — лилию!

— Лилию? — насторожился Алишер.

— Значок у них такой, — объяснил Чесноков. — Белая лилия. Я уже кое-кому тут объяснял... Скауты его в день святого Георгия вручают. Покровитель он у них, значит. Это как вроде бы бог.

— А когда... Когда у них этот день? — нетерпеливо спросил я, еще не понимая до конца, зачем мне потребовалось знать про главный скаутский праздник, но уже смутно догадываясь, что это знание может и сгодиться.

— Седьмого мая, — ответил Чесноков. — Не скоро. Успеешь даже цветы вырастить и букет им вручить.

— Вот еще! — обиделся я. — Не для того ведь спрашиваю. Может, у меня идея есть интересная.

— Давай идею, чего там! — Кивнул Юрий. Я покачал головой.

— Не здесь... Потом скажу.

Ну не мог же я вот сейчас, при всех, поведать Чеснокову о внезапно возникшем у меня в голове плане тайной операции против скаутов. Кто знает — не выболтает ли скаутам кто-нибудь из одуроченных этим Черновским мой шикарный план. Нет уж, потерпим...

— Вот что, ребята, — сказал Чесноков, обращаясь ко всем. — К себе мы вас зовем, в пролетарские юные разведчики. А хотите — и к скаутам сначала сходите. Пожалуйста, нам не жалко... Поглядите, сравните, где вам лучше. Но только так мы, комсомольцы, думаем: с рыцарями святого Георгия пролетарской детворе не по пути.

Он глядел на Дину, усмехнулся:

— А что посохи вам обещали — так и у нас они не хуже... Мы в железнодорожном клубе собираемся. Приходите.

Я нетерпеливо переминался с ноги на ногу. То, что сейчас Чесноков втолковывал Дине, шло вразрез с моей задумкой. Но вот ведь досада — и сказать об этом вслух я сейчас никак не смел. Можно было разом загубить идею. «Ладно уж, — успокаивал я себя. — Еще успеем договориться. Тут главное — не спешить...»

Мы уже уходили, когда вдруг Дина запустила нам вдогонку вопрос:

— Погодите, а почему... самарский разговор? Ведь вы так и не объяснили. Запомнила ведь его реплику...

Чесноков на мгновение опешил, потом расхохотался и сказал:

— А это совсем просто. Так в Самаре семечки называют. Страсть как их там любят. Сидят вот точно как и вы на скамейке и сутками эти самые семечки лущат без передыху. Улицей, помню, идешь, а она шелухой, как ковром, застелена. Потому и зовут там семечки самарским разговором.

Мы вышли из тупичка.

— Куда теперь, в клуб? — спросил я.

— А не рановато ли? — сощурился Чесноков. — Скауты ведь не только из этого тупика...

Он на мгновение задумался и тотчас же с усмешкой завершил:

— ... Детей воруют! Дальше пойдем бороться. Алишер, веди!..

«СНЕЖНОЕ ПИСЬМО»

Уже на улице я изложил Чеснокову свой план.

— Зашлем к скаутам своих разведчиков! — выпалил я.

— Это зачем еще? — удивился Юра.

— Не догадываешься? Ты вспомни — сам ведь сказал, что у них в мае праздник. Вот наши-то разведчики и испортят им праздник — откажутся их лилию принимать. Это же настоящая революция будет, так ведь?! — я возбужденно размахивал руками, пугая прохожих.

— Так-то оно так, — соглашался Чесноков. — Но ведь всех наших юных разведчиков Черновский как свои пять пальцев знает.

— Три! — со значением уточнил я, намекая на скаутский трехпальный салют. — Три пальца.

— Вот именно! — подхватил Чесноков. — Три... А потому и разоблачит мигом. Так что не выйдет никакой такой революции.

Я торжествовал. Чесноков не догадался, к чему я клоню.

— А если мы вот этих же к ним и пошлем?.. Тупичковых?.. — спросил я, заранее ликуя.

Чесноков остановился.

— Вот как! — дивился он. — Погоди-погоди... — Он понимающе заулыбался. — По-ня-атно! А что — дело говоришь. Только ведь надо надежных ребят подобрать и подговорить. А так — здорово получится.

Скауты, получается, у нас их украдут себе же на беду! Ну, молодец!

Похоже, Чеснокову идея понравилась...

В этот день мы обошли все тупики на Широкой и подивились тому, как тщательно поработали здесь до нас скауты. Больше сорока ребят убедили они прийти к ним — на скаутскую площадку за гимназией.

Возвращались мы в клуб затемно. Холодные белые мухи садились на лицо и таяли. Первый снег... Чесноков нахваливал:

— Ну, Алишер, великое ты сделал дело, что разоблачил план Черновского. Я завтра же в горькоме расскажу, посоветуемся, как нам получше вылазку скаутскую пресечь.

Я испуганно вскинул глаза на Чеснокова. Он понял, успокоил:

— И про план твой расскажу. Не волнуйся, противник ни о чем не узнает... Алишер, до того молчавший, вдруг сказал:

— Еще идея есть. Давайте скаутам снежное письмо* пошлем!

---

*«Снежное письмо» — шуточный узбекский народный обычай. В день первого снега приятели пытаются хитростью вручить друг другу письмо с пожеланиями, которые касаются, как правило, угощения. Если хитрость раскрыта, то автор письма обязан сам выставить угощение, которое он заказал в своем «снежном письме».

— Ну, братцы, с вами точно не соскучишься! — развел руками Чесноков. — Это что же — плов скаутский есть прикажешь? Извини — в горло не полезет, даже если они не почуют подвоха и клюнут на наше письмо. А представьте, если разгадают! Тогда, выходит, по обычаю, самим кормить их придется? Да над нами весь город потешаться будет: дескать, скаутов по случаю первого снежка потчуют.

— Не разгадают! — горячился Алишер. — Я им сам отнесу, вот увидите — не разгадают!

— А как их писать — снежные эти письма? Слышать-то слышал, а вот писать не доводилось. Это какое же нам угощение у них попросить?

Похоже, Юрий Чесноков уступал...

— Подумать надо. А писать их — проще простого. Главное — угощение интересное придумать.

— Ладно, братцы, завтра все вместе и подумаем.

Надо ли говорить, что назавтра мы с Алишером в великом нетерпении ждали начальника отряда. Юрий Чесноков пришел не один. С ним был незнакомый парень — в военной гимнастерке с ремнем, португеей и кобурой. Сухо приказал строиться. Я сразу же заподозрил неладное. Так оно и вышло.

— Юные разведчики! — громко выкрикнул Чесноков, и было видно, что он необычно взволнован. Сегодня я прощаюсь с вами. А вот и новый начальник отряда — Виктор Петрович Конышев. Вика. Партийная кличка — Викабаев. Прошу, словом, любить и жаловать.

Что такое? Вот так новость!.. Строй рассыпался, все обступили Юру и гостя.

Чесноков объяснил:

— Так ЦК комсомола решил. Нужно отряды юных разведчиков по всему Туркестану организовать. Завтра еду в Полторацк — надо, чтобы отряды юных разведчиков были и у туркменских ребят.

— А как же наш план? — в отчаянии воскликнул я.

— А снежное письмо? — заволновался Алишер. Чесноков поднял руку — помолчите, мол, хоть секундочку.

— Мы с Виктором обо всем уже потолковали, — сказал он. — Конышев обо всем знает. И работник он хороший. Комсомол ему доверяет, думаю, и вам по душе придется. Виктору я верю как себе — вы это, братцы, хорошенько усвойте. И — дружите.

Зоя тронула кобурю Конышева. Озорно спросила:

— Это вместо сумки, да? Шамовку на работу носить, да?

Конышев молча расстегнул кобурю и, к нашему удивлению, извлек из нее револьвер.

— Вот это да! — восхищенно отступила Зоя. — А я думала — пустая.

— «Веблей-Скотт» называется, — сказал Конышев. — Номер тридцать семь тысяч триста восемьдесят четыре.

— А зачем он вам? — не унималась Зоя. — Вы что же — всегда с ним?

Конышев улыбнулся.

— Зачем же всегда. Малину с ним собирать хожу.

— Не-е! — решительно отклонила шутку Зоя. — Я ведь серьезно.

— Так ведь и я серьезно! — рассмеялся Конышев. — Юра, — он обернулся к Чеснокову. — Объясни ты им — видишь, не верят.

— И напрасно! — Чесноков сердито покачал головой. — Виктор Коньшев, к вашему сведению, работник аппарата Турккомиссии ВЦИК. Понятно? И оружие ему дано, чтобы контрреволюционную сволочь из малин и притонов выковыривать. Ясно теперь, про какую он малину толковал?

Стрельцова уважительно погладила кобуру. Вздохнула:

— А я и не знала. И много... выковыряли?

— Порядком. Больше бандиты попадают. Контра чистой воды.

Паразиты на здоровом нашем теле. Вчера вон тоже одну малину на Саларе* брали.

---

*Салар — река в Ташкенте.

— Ловкого бандюгу взяли. Два обреза у него было, прямо арсенал ходячий. На допросе имя спросили, а он его таит и взамен — кличкой бахвалится.

— И какая кличка?

— Чудная. Чингиз-ханом себя величает.

— Чингиз-хана поймали?! — невольно восхитился я. — Вот здорово!

Коньшев с удивлением посмотрел на меня:

— А ты его знаешь?

— Я из-за Чингиз-хана Бахтияра потерял — друга моего. Юра знает. Чесноков кивнул:

— Подтверждаю. Было дело. На вокзале. Этот самый Чингиз-хан их, как слепых котят, облапошил — научил чемоданы чужие утащить. У двух буржуев. Будто это его чемоданы. Тут мы с Георгием и познакомились. И Стрельцова о том помнит. И Шура.

— А он... Стрелял? — спросил я.

— Ахнуть не успел. Не впервой малину собираем. Я с нескрываемым уважением и благодарностью смотрел сейчас на Коньшева. Как же — Чингиз-хана словил, обидчика нашего с Бахтияром кровного. Вот бы обрадовался Бахтияр, если бы тоже узнал. Жаль только, что без меня они его ловили. Должник я его — рассчитаться за все сам обязан был. За себя и за Бахтияра.

— А где он сейчас — Чингиз-хан? — спросил я.

— Где положено — там и имеется. Потрошат его, про ягодные места узнают. А язык у него длинным оказался — подлых бандитских обреза куда длиннее. Живо своих стал выдавать — за шкуру испугался.

Тут вмешался и Алишер. Он пробился к Чеснокову и спросил:

— Юра, а как же снежное письмо? Если сегодня не пошлем — поздно будет. Оно ведь только один день в году действительно.

— Один день только? — усмехнулся Чесноков. — Завтра, стало быть, уже протухнет.

— Обязательно, — с готовностью подтвердил Алишер.

— Тогда давай писать. Бумага, карандаш есть?

— У меня есть! — отозвался Конышев.

— Давай сюда, Вика. Снежное письмо скаутам надо слепить — я тебе рассказывал...

— Помню-помню! — кивнул Конышев. — Лепить так лепить. Хоть снежную бабу!

— Тогда давай гони первую строку! — озорно потребовал Чесноков. — Как новый начальник отряда, клади первый стихотворный кирпич! — и он задорно подмигнул Конышеву.

Конышев задумался, нахмурил лоб. Но вскоре лицо его просветлело и он, тыча пальцем в раскрытый блокнот, который с готовностью держал сейчас Чесноков, продиктовал:

С первым снежком
Пусть к бойскаутам мчится само
Это горячее
Снежное наше письмо...

Стрельцова не удержалась, захлопала в ладоши. Алишер пробурчал:

— А почему — «само»? Это неправильно. У письма ног нет, его я отнесу. Может, лучше, про меня что-нибудь зарифмуете? Чтоб знали...

Чесноков с готовностью кивнул, помял пальцами карандаш и вскоре уверенно вписал:

Добрый народный обычай
Известен с древних времен.
Это посланье доставит
Наш Алишер — почтальон.

Алишер довольный, зарделся и отошел от Чеснокова, будто дальнейший текст его уже не интересует — достаточно запустить в скаутов дротик его, Алишера, имени.

Между тем, отовсюду градом посыпались стихи. Чесноков едва успевал выхватывать из свалки голосов дельные строки. Вскоре наше «снежное письмо» скаутам приобрело довольно приличный вид. Бусы стихов скоро тяжело оттягивали едва не половину блокнота Конышева. Наконец, Чесноков поднял вверх карандаш и блокнот, как бы сдаваясь общему неудержимому напору, и закричал, силясь переорать всех:

— Хватит!.. Готово!.. Читаю!

И прочел, что у нас сообще набежало в терпеливый блокнот:

... Коль получили письмо
Среди белого дня —
Значит, исполнить положено,
Древний обычай храня.

Плов не попросим,
К шурпе интерес не велик.
Сами рубайте
Лепешки, самсу и шашлык.
Можете даже барана
Под снегом зажарить сейчас,
Посохи ваши —
Шампуром пусть служат для вас.
Ну, а нажретесь —
Трубите свой скаутский сбор.
Там поведет пусть Черновский
Такой разговор:
Мол, скаутизма кишка
И тонка, и слаба,
Стало быть, вашему делу —
Большая труба.
Значит, одно лишь решенье
Должны вы принять —
Скаутов стаю,
Как стаю волчат, — разогнать.
Рыщет напрасно по улицам
Скаутов рать,
Наших ворует ребят —
Стремится к себе их скликать...

Снежное наше меню
Вам закажем сейчас,
А исполнение его
Пусть зависит от вас.
ПЕРВОЕ БЛЮДО:
ИЗ ЛИЛИИ БЕЛОЙ САЛАТ —
Нам угощение это
Порадует взгляд.
Вы ОТБИВНОЙ
НА ВТОРОЕ порадуите нас,
Как приготовить —
Охотно расскажем сейчас.
Для угощенья
Барана не стоит ловить,
Надо ОХОТУ БЫТЬ СКАУТОМ
Крепко ОТБИТЬ.
ТРЕТЬЕ ж уступим мы вам,
Чтоб и вы подкрепились чуть-чуть —
Можете вы у Первушина*
С горя из бочки хлебнуть.
Тех же, кто это посланье
Сумеет как надо понять —
Можем и в юных разведчиков
Вскоре принять!

---

*Первушин — хозяин винзавода в дореволюционном Ташкенте.

— Как это — в юных разведчиков?! — возмутилась Стрельцова по поводу финальных строк. — Скаутов — да в разведчики? Кто это такую ерунду продиктовал?

— Я продиктовал! — строго сказал Коньшев. — И считаю — правильно продиктовал.

— Ну да, правильно!.. — не отступила Зоя. — Скажет тоже.

— Посуди сама, — объяснил Коньшев. — Много у них ребят заблудших, случайных. Немало таких заманили к себе скауты. Кто-то из них и рад к нам перейти — так ведь боязно им: а вдруг не примем, оттолкнем.

Вот из нашего письма пусть и узнают, что не отвернемся.

Чесноков, посмеиваясь, складывал «снежное письмо». Надписал сверху: «Скаутмастеру Ник. Черновскому. Лично». Протянул Алишеру:

— Держи, почтальон!

Алишер спрятал письмо за пазуху, натянул поглубже шапку.

— Я побежал, да?

— Погоди секундочку, — остановил его Конышев. — На опасное дело идешь, нельзя одному.

— А вы ему, товарищ Викабаев, свой револьвер дайте! — хохотнула Стрельцова.

— Обойдемся, думаю, и без этого, — ответил Конышев. — А вот кому-то надо бы пойти с Алишером.

— Можно мне? — тотчас вызвался я. — Можно мне?!

Конышев внимательно оглядел меня. Чесноков одобрительно кивнул:

— Сгодится, пусть идут вместе.

Мы с Алишером, обнявшись, выбежали со спортплощадки на улицу, нырнули под железнодорожный мост и, догнав трамвай, сели ему на хвост.

— Теперь... главное... вручить... — Алишер задыхался от недавнего быстрого бега. — И... чтобы... не пронюхали.

Площадка за зданием гимназии, где собирались и проводили свои занятия ташкентские скауты, была отгорожена от мира высокой и колючей металлической решеткой. Толстые стальные палки стояли в ряд, как скаутские посохи, сторожа площадку, где сейчас занимались патрули, учась пользоваться посохом.

Мы постояли у решетки, не без интереса наблюдая за тем, что происходило на площадке.

Одни скауты, разбегаясь, отталкивались посохом от края канавы и, пользуясь им как шестом, мигом преодолевали преграду. Другие стремительно сооружали из посохов носилки и резво таскали на них по площадке одного из своих товарищей, изображавшего раненого.

— Ловко у них получается! — процедил сквозь зубы Алишер. — И гляди — разряжены как на парад.

К нам подходил скаутский патруль.

— Пароль?! — грозно выкрикнул один из скаутов. Другой скривился:

— У кого спрашиваешь, не видишь, что ли, шпана это, голь перекатная.

— Это кто по-твоему шпана?! — вскипел я.

— Щас узнаешь! — пообещал начальник патруля и, словно по команде, скауты быстро просунули посохи сквозь решетку и, больно тыча ими, принялись бесцеремонно отталкивать нас.

— Вы что! Вы что?! — я задыхался от обиды и возмущения. — Чего толкаетесь?

— Пошли вон отсюда, пока целы! — усмехнулся начальник патруля. — Нечего подглядывать.

— Подглядывать? — вскипел я. — Это как вы ранеными притворяетесь? Оч-чень нужно! Да мы вашу площадку в гробу видали, в белых тапочках, понял?

— Потихе ты! — скаутский вожак округлил глаза и попытался дотянуться своим посохом, чтобы ударить меня по голове. Я вовремя отскочил.

— Смелый какой! — кивнул Алишер. — За дувал спрятался и палкой тычет. Ты сюда давай выходи, да один, а не всей своей шайкой. Тебя потом ни на одних носилках не унесут. Нечего нести будет... Ну и гады — гостей палками встречают!

— Каких еще гостей? — насторожился скаут.

— Мы ведь вам письмо принесли, — Алишер полез за пазуху. — Вот.

А вы — драться...

— От кого письмо?

— Да от нас же — от юных разведчиков.

— В любви, что ли, признаетесь? Давайте сюда вашу мазню.

— А ты кто такой? — спросил я. — Нам Черновский нужен. Видал?..

— Я показал издалека адрес на письме. — Лично!

— Давай сюда, говорю! Передадим кому положено.

— Черновскому положено, — упрямо твердил я. Ему и передадим. Глядите, тут очень важные сведения. Вам не поздоровится от него, если не позовете.

Начальник патруля что-то отрывисто приказал, двое из сопровождавших его скаутов отсалютовали и тотчас умчались. Вскоре мы увидели, что они возвращаются с высоким худощавым человеком. Он был одет как и все скауты, разве что шарф, которым было плотно укутано горло, отличал его от других. Он приблизился, кашляя, сказал с ухмылкой:

— Скаутмастер Черновский. Чем могу быть полезен, господа хорошие? Что там у вас? — он сделал знак рукой и скауты убрали свои посохи, которыми все еще целились в нас, словно пиками.

— Давайте сюда свою депешу.

Я подошел к заборчику, протянул письмо. Черновский развернул и принялся читать. Отойдя на несколько шагов, я стал внимательно наблюдать за Черновским. Он читал, не произнося ни слова, и только однажды вздрогнул, — наверное, в том месте, где мы заказали салат из лилий. Я увидел, как потянулся он к значку на скаутской гимнастерке — белой лилии, нащупал ее и погладил.

Я толкнул локтем Алишера, шепнул:

— Гляди, похоже, не будет нам сегодня салата. Рукой закрыл, жалко стало...

Скауты, окружившие сейчас Черновского, с любопытством косились на наше послание, явно сожалея, что их повелитель не читает вслух. Черновский же, напротив, и совсем прикрыл письмо ладонями, будто защищал от ветра робкий огонек. Но я догадывался — боится, чтобы ни одной «кощунственной» строки не прочли младшие скауты.

Наконец он прочитал, аккуратно сложил письмо, упрятал в нагрудный карман, который тотчас же застегнул.

— Что дальше? — спокойно спросил он. — Еще есть вопросы?

Мы с Алишером переглянулись. Как это — что дальше?! К такому повороту мы не были готовы.

Я был уверен, что, прочитав наше издевательское «снежное письмо», Черновский либо изорвет его в клочья, либо прикажет патрулю изловить нас. Я прикинул: через зубастый свой забор они, конечно же, не полезут — ведь тогда он их, как букашек, на себя нанижет. Хорошенький выйдет гербарий...

А пока до ворот добегут, мы уже у себя в клубе будем.

— Что дальше, господин почтальон по имени Алишер? — властно повторил Черновский.

Алишер растерянно уронил:

— А дальше... Ответить нужно — вот что дальше...

— И ответим! — рявкнул Черновский. — Ответим, когда найдем нужным. А теперь — вон отсюда! — он выбросил правую руку. И молниеносно подчиняясь этому жесту, скауты тотчас вонзили длиннющие посохи в прорехи между прутьями решетки, наставив на нас этот густой и небезопасный частокол.

Черновский резко повернулся и зашагал прочь.

— Давай ко мне! — предложил я Алишеру, и мы, обнявшись, поспешили на Госпитальную...

Иван Андреевич был дома. Глядя на наши с Алишером возбужденные, радостные лица, спросил:

— Чем довольны-то? Первым снегом, что ли?

— Угадали, дядя Ваня! — воскликнул я, и мы, перебивая друг друга, стали рассказывать про «снежное письмо», которое только что так ловко вручили лично Черновскому.

Дядя Ваня долго крутил ус, будто пытался вывинтить его. Наконец сказал:

— Классовая борьба — это, друзья мои, дело важное. Барана в подарок от скаутов не ждите, а вот жирными тумаками, глядишь, вас угостят. Ребята у них

здоровые — на сытных буржуйских харчах вскормленные. Смотрите в оба... Но только, друзья мои, есть ведь еще дела — посерьезнее, чем с письмами по Ташкенту шастать. У нас в мастерских сегодня был сам товарищ Манжара. Речь держал, а потом и работал со всеми вместе. И такое сказал, что вся Россия смотрит сейчас с надеждой на наши Красновосточные мастерские, потому как лечат они больные паровозы, на ноги их, можно сказать, поднимают. Разруха в стране, голод. А чтобы хлеб везти голодным — паровозы нужны. Хорошо сказал товарищ Манжара. Каждый отремонтированный вами паровоз, говорит, — это осиновый кол в могилу мирового капитала.

— Дядя Вань, много кольев забили? — спросил я, вспомнив, что точно так же не раз говаривал и мой батя — про проклятуший этот самый мировой капитал...

— Маловато. Надобно бы побольше. Тут и ваша, братцы, подсоба сгодилась бы. Письма хоть и занятное дело, но ведь не самое это главное. Есть заботы поважнее. Паровозы чинить — вот это да...

— Но ведь... мы... — растерянно молвил я. — Ведь мы... не умеем чинить паровозы.

— Это и без вас умеют. А вот на подсобе стоять, на подхвате — это и вам по силам. Или болты да гайки в паровозном цеху собрать, чтобы ни единая не пропала, а в дело пошла — разве ж не так? Сам посуди...

Я опустил голову. Дядя Ваня прав: занимаемся всякой ерундой, скаутов веселыми письмами развлекаем... А того, что страна на нас с надеждой глядит, — в упор не замечаем. Надо срочно рассказать обо всем Чеснокову и Конышеву, и всем юным разведчикам тоже. Каждый день тревожно, басовито гудят мастерские, скликая рабочих на смену. Но не слышим мы в этом гудке, который стелется над железнодорожным нашим районом, что кличет он и нас, юных разведчиков. Что зовет:

— Ю-у-уные, жд-у-у... жд-у-у-у-у!

ТОВАРИЩ БУРЕВЕСТИК

Чеснокова провожали всем отрядом. Уже стоя на подножке вагона, он пообещал:

— А я вам письмо пришлю, как только появятся в Полторацке отряды юных разведчиков.

Озорно подмигнул Конышеву:

— Гляди, Вика, мы с тобой еще и смычку отрядов проведем — поглядим, кто на что горазд.

— Мы готовы! — смеялся Виктор.

Поезд вздрогнул и покатил. А мы еще долго махали хвосту состава, увозившего нашего Чеснокова. Видя наши погрузневшие лица, Конышев сказал:

— Жаль, что уехал Юра. Мировой парень. Незаменимый... Слышали — обещал, что смычка будет у нас когда-нибудь с Полторацкими юными разведчиками? А значит — скоро свидимся.

Вместе с Конышевым на вокзал пришел стройный парень в курсантской форме. Это был Александр Гаркушенко — курсант военно-спортивной школы. Конышев объяснил, что Саша Гаркушенко также направлен горкомом комсомола для работы с юными разведчиками. Так и сказал Конышев:

— Для работы в отряде.

— Вот еще! — фыркнула Стрельцова. — Для работы... Что мы — завод или фабрика, чтобы у нас работать?

Шура Баранова подлила масло в затлевший огонь, - мол, Чесноков, между прочим, в отряде не работал, а просто был нашим другом.

Конышев с улыбкой повернулся к Саше Гаркушенко:

— Ты понял? Бунт на корабле. Экипаж новых капитанов и штыки принимает, того и гляди за борт спустят — китов кормить. Зоя стрельнула глазами:

— Киты людоедством не занимаются!

— Зато ты, — засмеялся Конышев, явно стремясь разрядить обстановку, — похоже, призываешь отряд слопать нас с Сашей сегодня за ужином, не дожидаясь, когда скауты ответят угощением на наше «снежное письмо».

Все заулыбались. А Алишер пообещал:

— Вот увидите — придумают они нам ответное угощение. Стр-ррашное! Какой-нибудь шашлык из курака* или борщ из дыни!..

---

*Курак — нераскрывшийся плод хлопка.

Когда мы пришли в клуб, Конышев достал из планшета тоненькую книжку и сказал:

— Есть предложение — прочесть и обсудить революционную песню писателя Максима Горького.

— Что за песня? — оживилась Шура — известная в отряде певунья.

— О буревестнике. «Песня о Буревестнике». В ней про революцию хорошо сказано.

— Читайте, товарищ Викабаев! — заторопила его Шура Баранова. — Если это хорошая песня, то можно и спеть.

Коньшев мотнул головой:

— Спеть не споешь, а прочесть надо. Будешь вслух читать?

— Давайте лучше вы сами.

— Сам так сам! — согласился Коньшев. — А вот насчет «вы» я такое соображение имею. Раз «товарищ» — значит, гони ему «ты». Договорились?

— Вика шумно вздохнул, раскрыл книгу, помолчал с добрых полминуты, а потом, зло рокоча, нараспев обрушил:

— Над се-дой р-р-равниной мор-ря...

Песню эту я слышал впервые, да и другие, пожалуй, тоже. Испуганно смотрели мы на Коньшева, низко спустив брови, он грозно выкрикивал:

В этом...

Крике...

Жажда

Бу-р-р-р-ри!.. — и хотелось немедленно зажать уши, будто оглушительный призывный крик Буревестника пронизывал насквозь.

...Презрительно чеканил, издевался, клеймил Коньшев:

Глупый пингвин робко прячет

Тело жирное в утесах...

— Про буржуев это, про буржуев! — радостно восклицал Алишер, довольный своей догадкой. Коньшев сердито вскинул руку — помолчи, мол, и ударил раскатом финальных слов песни и тотчас с шумом захлопнул книгу — будто Буревестник крылья сложил, готовый ринуться камнем — на добычу... на скалы... на подвиг... на смерть...

— А у меня идея! — громко сказала Стрельцова. — Предлагаю называться отрядом юных разведчиков имени отважного пернатого героя революции — товарища Буревестника! — и гордо обвела всех взглядом.

Коньшев развел руками, явно застигнутый врасплох неожиданным предложением. Я не выдержал:

— Забыла, да?

— Что забыла? — растерянно повернулась ко мне Стрельцова.

— Что дядя Ваня тогда говорил...

— А что говорил? — не уступала Зоя.

— Ты тогда патрулю малышей хотела имя, как орден, повесить — за так, без всяких заслуг. Помнишь?

— А при чем тут мы? — обиделась Зоя. — Разве нам — за так? Разве у нас... у нас... нет заслуг?

— Это каких еще? — с ходу свалился в неожиданную свару Алишер.

— Снежное письмо, что ли?

— Не только письмо, — защищалась Стрельцова. — Мы и в мастерских работали, и беспризорников отлавливали. Не так, что ли?

Я махнул рукой, перекричал Стрельцову:

— Отлавливают только бездомных собак — мыло из них делают. А как ты беспризорников ловила, я лучше других знаю.

— Ну и что же? — не унималась Зоя.

— А то, что ловил один, вез другой — Чесноков, то есть. А ты... ты глазами хлопала, когда мы с телеги нашей с Бахтияром убегали. Так дело было?

— Шура, ты послушай, что он говорит! — закричала Зоя и подбежала к Барановой, понимая, что мое обидное «глазами хлопала» отнесет на свой счет и Шура.

— Убежали, это точно... — уныло подтвердила Шура.

— Да я не о том! — горячилась Зоя. — Пусть в монастырь... То есть, в приемник на Куйлюк слетает, да спросит там у Якова Петровича Хавина, сколько мы туда ребят из милиции на телеге доставили. Со-отни будут. Сотни!..

— Зоя махала руками, грозно наступая на меня, и я мгновенно поймал себя на мысли, что чуточку завидую сейчас пингвину из песни, который мог спрятать тело в утесах. Впрочем, рядом стоял Саша Гаркушенко и я тотчас нырнул за его спину, как за утес из песни.

— Да, разбегались! — упрямо кипятилась Зоя, грозной молнии подобная. — Но только несознательные — тебя вроде. А остальных как-нибудь доставляли. Скажи, Шура!

— И много было... несознательных? — поинтересовался Конышев.

Зоя вздохнула:

— Половина будет...

— Вот видишь! — подхватил Конышев. — Половина. А кто ж мировую революцию наполовину делает?

— Вот еще! — презрительно хмыкнула Стрельцова. — Жорка — и мировая революция!

Конышев строго заметил:

— Между прочим, она, мировая революция, ради таких как вы делается. И ради Жорки тоже.

Я победно зыркнул на Зою, довольный неожиданной подмогой.

Коньшев, между тем, продолжал:

— Насчет переименования тоже имею возражение.

— А что, плохое имя — Буревестник? — с вызовом спросила Зоя.

— погоди сразу штыком колоть, спокойно сказал Коньшев. — Мы ведь юные разведчики, а буревестник — что за птица?

— Морская... — растерянно уронила Стрельцова, не понимая, как, впрочем, и все мы, куда клонит Виктор.

— Это не разведчик, а оратор. Глашатай она.

— А птицы-разведчики бывают? — робко спросила Зоя, явно готовая немедленно сделать новое предложение.

— Не знаю таких. Да и не это суть важно. Нельзя, Стрельцова, чужие подвиги к своему знамени, как яркую заплатку на худой кафтан пришивать.

Что тебе, кстати говоря, Иван Андреевич тогда сказал?

— Про лягушат?

— А не знаю, про кого там. Тебе лучше известно.

— Сказал — сперва бороться надо, завоевать имя...

— Вот это верно! — обрадовался Коньшев. — Много хороших имен на свете, все себе не присвоишь. Да и потом... Вот уверен... Начнем мы сейчас про Данко читать — так ты живо про Буревестника забудешь и за Данко обеими руками ухватишься. Или даже... за старуху Изергиль?

— Какую еще старуху? — насупилась Стрельцова.

— Говорю же — Изергиль. Есть такая... А что — отряд имени старухи Изергиль... Звучит ведь?! — в глазах Коньшева играли смешинки.

— Не знаю никакой такой старухи, — оскорбилась Зоя. — Шутите, наверно.

— А вот и не шучу! — Коньшев добродушно улыбнулся. — Хотите прочтем и про нее? И про Данко... А потом предлагаю поспорить на тему:

«Мог ли Буревестник стать Данко?» Ну что — читаем?

Все мигом обступили Виктора — пуще прежнего. И он вновь раскрыл книгу.

Я искоса поглядывал на Стрельцову. Раздосадованная поначалу поражением в споре, она вскоре увлеклась рассказом и вместе со всеми восклицала... негодовала... замирала... восхищалась...

...А старуха Изергиль оказалась в общем-то мировой бабкой. И Данко был похож на приземлившегося Буревестника, нашедшего себе важное дело на Земле. Без крыльев, правда, но зато с ярким сердцем. Они были будто братья.

Так все решили.

БОЙ НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ

Вот это сокровище: армейские палатки!.. Их раздобыл Александр Гаркушенко в своей военно-спортивной школе, рассказав, что юные разведчики готовятся весной отправиться в Бостандык, в горы. И — дали!

Целых шесть палаток. Какое богатство!

Гаркушенко привез палатки на арбе, которую нанял на Пьян-базаре. Мы никак не могли налюбоваться вдоволь на этот сказочный дар. А Алишер, не скрывая радости, запрыгал у сваленных с арбы палаток:

— Теперь уж точно пойдем в поход. Есть палатки, есть!

— А ты уверен, что самое главное для похода — заполучить палатки?

— сощурился Гаркушенко.

— Еще бы! — отозвался Алишер. — И от снега, и от ветра, и от дождя...

— И от волков! — подсказал я. — Конечно, главное — палатка.

— Главное — уметь ее ставить! — наставительно произнес Александр. — Дело, между прочим, непростое. Вот попробуйте. Ты и Алишер. Вдвоем достаточно. А мы на вашу прыть полюбуемся.

Мы с Алишером живо подхватили палатку и поволокли ее на открытую площадку. Развернули и растерялись. Отовсюду веревки свисают, будто вожжи у повозки. Только ведь палатка — не лошадь, ее за вожжи не потянешь, чтоб сама на ноги поднялась, да еще и заржала победно.

— Может, веревки к деревьям привязать? — растерянно предложил Алишер и стал озираться, явно ища подходящие деревья.

— Вот-вот! — подхватил Гаркушенко. — Тащите в поход семена деревьев или лучше сразу саженцы, и поскорее четыре тополя по углам выращивайте, чтобы было к чему палатку вязать. Выращивайте-выращивайте! А мы пока с ребятами в поход сходим, школу окончим, женимся, да еще и на внуков полюбоваться успеем. А там, глядишь, и палаточка ваша поспеет — отдохнем в ней на старости лет.

Поняв, что Гаркушенко потешается над нами, я остановил Алишера:

— Кончай деревья искать — наверное, не так надо. Да и... — тут меня осенило: — Послушай, а вот в пустыне, или даже в степи — нет, предположим,

деревьев. Что ж там, получается, и палаток не ставят? Тут что-то не так. Надо разобраться.

Мы расстелили палатку на земле и стали ползать по ней, силясь понять таинственную магию колец и узлов, веревок и складок. Неловко было идти на попятный — сами вызвались сладить с палаткой в два счета, укротить, как дикого коня.

Конь покамест успешно укрощал нас.

И тут я услышал смешок, который тотчас заставил меня поднять голову. Уж больно незнакомый и злой он был. Каково же было мое удивление, когда за спинами юных разведчиков я узрел начальника скаутского патруля — того самого, который со своими вассалами отпихивал нас с Алишером посохами от своей скаутской вотчины. Как он оказался здесь? И почему насмехается?

Уже в следующее мгновение мы с Алишером вскочили на ноги — недостойно юного разведчика стоять на коленях, когда скаут стоит на ногах.

Неожиданный гость пришел не один. С ним было трое бойскаутов — все с посохами, подпиравшими небо. Появление скаутов было неожиданностью не только для нас с Алишером, пытавшихся приручить дикую палатку, но, похоже, и для наших товарищей. Молчали все, потеряв вдруг разом дар речи и изумленно глядели на скаутов, выткавшихся будто из воздуха.

Начальник скаутского патруля, между тем, с улыбкой витийствовал:

— Я вижу, эти юные существа ведут неравный бой с грозным и незнакомым противником, ниже именуемым палаткой армейского образца. Не сообразовали ли позволить нам оказать вам содействие в многотрудном предприятии вашем по обузданию палатки?

Опутав нам уши кружевами липких слов, скауты быстро подошли к распластанной палатке, установили свои посохи так, что теперь они держали на себе не небо, а углы палатки, отвели в стороны веревки и — диво! — к стыду нашему, палатка, хотя и пошатывалась, как пьяный сторож «Хивы» дядя Феня, разогнула спину, будто протрезвела, и вскоре начала приобретать стройность. Было ясно, что гостям ведома тайна палатки, которую мы с Алишером так и не успели разгадать. Впрочем, доводить дело до конца скауты не стали.

— И так далее! — торжественно провозгласил начальник патруля и они опустили веревки, как поводья взнузданного коня. Палатка, будто взмыленная, насмерть загнанная ездоком, рухнула и больше не шевелилась.

Скауты извлекли свои посохи, оправили форму и начальник патруля спросил:

— Имею письмо к руководителю. Есть тут таковой?

— Сюда давай, — протянул руку Саша Гаркушенко. И тут Алишер испуганно закричал:

Саша, не тронь! — и бросился навстречу Гаркушенко, будто от опасности защищал. — Неужели вы не понимаете, что это у них — снежное письмо? Не трогай, а то барана для них дарить придется!

Алишер грозно повернулся к скаутам:

— Так нечестно. Если уж попались, нельзя в ответ снежное письмо посылать. Не по правилам это.

Старший из незваных гостей молча развернул листок и, держа его перед собой, предложил, усмехаясь:

— Не соблаговолите ли ознакомиться с посланием в... измененной проекции?

Гаркушенко приблизился, пробежал глазами послание. Спросил:

— Как звать, посыльный?

— Начальник патруля «Фламинго» Митрофанов! — и показал нашивку на рукаве, где была изображена окунавшая в воду ноги розовая птица.

— Фламинго... — Гаркушенко усмехнулся. — А почему не варан или, к примеру, не каракурт? Очень подходило бы. Вы подумайте. А то больно нежно себя окрестили — фламинго. Зато вон как наших ребят... покусали — какие же вы после этого фламинги?

— Мы... не кусали... — растерялся Митрофанов. — Мы... показывали, как палатку ставить. Они же не умели.

— Это кто же вам сказал, что не умели?! — гневно воскликнул Гаркушенко. — Может, они задание такое выполняли!

— Какое задание? — отступил Митрофанов от наседавшего Гаркушенко.

— Да такое!.. Я им... велел... изобразить велел... — стремясь оправдать нашу с Алишером унизительную беспомощность, Гаркушенко с трудом выкатил из «депо» начало предложения, а потом, уверенно побросав и прожорливую топку спора уголь аргументов, развел пары и стремительно разогнал маневровый: — Как начинающие... то есть новички... палатку ставят, вот что! Репетиция это у нас, мы сатирическую «Живую газету» готовим — рабочим покажем в Красновосточных мастерских! Ясно? — Гаркушенко победно смотрел на Митрофанова. — А вы... Обрадовались, себя показать решили. Хвастуны. Знаем теперь, как вы с палатками управляетесь.

— Хорошо управляемся... — недовольно пробурчал обескураженный Митрофанов. — Не хуже вашего.

— Хорошо, да хуже! — вколотил Гаркушенко.

С этими словами он тронул за руку Женю Баранову, она поняла, подбежала вместе с Гаркушенко к вконец загнанной палатке, и они несколькими точными, красивыми движениями поставили ее на ноги, удивляя всех своей

ловкостью. Даже колья вбили, о которых я и не подозревал. А они, оказывается, были здесь же.

— Вот так... Вот так... — порывисто дышал Гаркушенко. — Вот так это делается у нас не для сцены, а для дела! Ясно теперь?

Мы дружно зааплодировали — уж больно ловко Женя с Сашей палатку поставили, а главное — нос этим розовым выскочкам фламингам утерли. Что скаутмастеру Черновскому передать? — пробурчал посрамленный Митрофанов и кивнул на письмо, которое держал в руках.

— Передай, что в его штабе переговоры вести не будем. В логово не ходим.

Митрофанов заволновался:

— А он... велел передать... что и к вам не придет. Что же передать?

Тогда на нейтральной полосе встретимся. Иного выхода не вижу.

— Где же? — оживился Митрофанов.

— Предлагаю на Урде, у моста. По бережку Анхора погуляем. Завтра в десять ноль-ноль...

Скауты ушли. Гаркушенко объяснил:

— Черновский просит о срочной встрече. Пишет, что имеет важные предложения.

— А кто пойдет? — спросил Алишер.

— Ясно кто — Конышев, Баранова Женя, ну и я, наверно. Если доверите... А знаете, почему я такое место им для встречи назначил — на Урде, у моста?

Все молчали.

— А потому, — объяснил Гаркушенко, — что мост этот через Анхор две части Ташкента разделяет — старую и новую. Вот пусть он нас со скаутами окончательно и разведет. Они ведь кто, если хорошенько подумать?..

— Старое? — догадался я. — А юные разведчики — новое!

Правильно?

Гаркушенко развел руками:

— В точку угодил! По-моему, ребята, положена Георгию награда за снайперский ответ.

— Можно попросить? — подхватил я.

— Награду? — догадался Саша. — Что ж, проси.

— А возьмите меня с собой. На переговоры с Черновским. Может, пригожусь для вашего... боя на нейтральной полосе.

Гаркушенко нахмурился:

— Вот ты о чем. Погоди, это пусть Конышев решает. А я лично не против.

ЭЗОП... НА АНХОРЕ

Черновского я узнал издалека, хотя он и стоял не у моста, а чуть левее — внизу у реки, спиной к нам. Рядом с ним был Митрофанов.

— Ждет уже! — показал я на долговязую фигуру Черновского.

Возглавлявший нашу группу Виктор Конышев сделал нам знак рукой. Мы остановились шагах в пяти от скаутмастера Черновского, продолжавшего недвижно глядеть в темно-зеленую сонную воду Анхора.

— Искупаться задумали? — громко спросил Конышев.

Черновский резко обернулся. Усмехнулся.

— Какое там купание? Разве что — на лодке покататься. С барышней.

— Вот и покатались бы. И барышни у вас имеются — гёрльскауты.

— Черновский сделал шаг по тропке вдоль Анхора, подав нам вялой рукой знак последовать тому же.

— В последнее время, — тягуче начал он, опустив всякое предисловие, — обращает на себя внимание известное ожесточение, сложившееся между нами. И есть основания предполагать, что пропасть досадного непонимания будет углубляться. Если... — Черновский умолк.

— Продолжайте, Черновский! — сухо сказал Конышев. — Что же — если?..

Черновский кивнул, будто ждал, когда мы подберем и протянем ему — случайно ли, умышленно ли — оброненное им слово.

— Если... — продолжал он. — Если не принять энергичные меры к устранению недоразумения.

— О каких мерах вы говорите, Черновский? — спросил Гаркушенко. — Что-то больно туманно.

— Я же сказал — энергичных, решительных, смелых. — Конечно, не таких как это ваше... так сказать... снежное... ха-ха... письмо. Ну да ладно... Я ведь понимаю, что это была лишь милая восточная шутка. Не больше... Местный, так сказать, колорит. Я не обижаюсь.

— Ну да, шутка! — ахнул я. — Вы слышите, что он говорит? Милая шутка! — передразнил я. — И ничего не шутка. Все было на полном серьезе.

— Погоди, Георгий! — сердито остановил меня Конышев. — Чего раскипелся, гляди — без пара останешься.

Виктор кивнул Черновскому:

— Нельзя ли выразаться пояснее. И пожалуйста... без упаковки.

Черновский остановился, глянул на Конышева в упор. Я поразился: не глянул — кольнул, будто из обеих его глазниц ударили вдруг прямо в лицо

Коньшева два острых посоха — в точь те, которыми скауты злобно отпихивали нас с Алишером от решетки.

— Я предлагаю вам, товарищи, хорошую сделку, — спокойно сказал Черновский. — Давайте сольем оба наших отряда в один. И станем в два раза сильнее.

— Сольем? — удивился Коньшев. — Это как же получается? Значит, по-вашему, Черновский, если зайца, как вы выражаетесь, слить с пастью волка — то от этого, с позволения сказать, слияния оба союзника станут сильнее? Хорошенькое слияние...

— Ну зачем же вы так! — жеманно вывернулся Черновский. — Странная, право, у вас вышла аллегория. Будто сам Эзоп посетил Анхор и баснями потешает ташкентцев.

— Потешаете вы, Черновский, а никакой не Эзоп, — покачал головой Коньшев. — Интересное дело придумали. И как же вы собирались назвать... общий-то отряд... после, извиняюсь, слияния? Скаутами или юными разведчиками? Имя-то надо было бы выбрать одно из двух.

— А разве мы сейчас называемся по-разному? — усмехнулся Черновский. — Вы ведь нас просто на русский язык перевели. Скаут по-английски и есть разведчик. Или вам сие деликатное обстоятельство неведомо?

— Еще неизвестно, — отбился Коньшев, — кто кого перевел. И потом — не суть важно слово — важно, что за ним. Наши разведчики — есть разведчики будущего, дети мировой революции. А вы, Черновский, тоже ведете разведку — ищете, где этому будущему ножку подставить. Вот, к примеру, сейчас о каком-то слиянии толкуете. Простите, а какую роль вы готовили нам?

— Вам лично? — оживился Черновский. — В руководителях будете, как же... Моим, если угодно, заместителем. И вы, — торопливо глянул он на Гаркушенко. — И вы, — уже Барановой Жене. — Все в начальниках будете, не обидим. Форма у нас имеется — всем выдадим. Хорошая форма.

Бледный Коньшев готов был испепелить взглядом Черновского.

— Формой купить хотите, Черновский? — сказал он, и губы его нервно подрагивали. — Сами донашивайте скаутские свои обноски. Не бывать, Черновский, никакому такому слиянию. Нам не форма, а содержание ваше уж больно не по нутру. Не думал, Черновский, что вы способны так оскорбить нас надеждой, что ваше, простите, предложение способно нас заинтересовать. Прощайте!.. — Коньшев круто развернулся. И тут Черновский воскликнул:

— Минуточку... Если позволите, я вам тоже маленькую притчу расскажу. Буквально несколько слов. Авось полезной будет.

— Снова Эзоп? — усмехнулся Коньшев.

— Увы... Насреддин Афанди.

Мы переглянулись. Что за шутки? Черновский, между тем, рассказывал, боясь, что мы уйдем, так и не начав слушать:

— А история небольшая. Можно сказать, анекдотец... Однажды Насреддин поймал ворона и принес его домой. Спрашивает Насреддина жена, на что ему этот ворон, а Насреддин и отвечает: «Умные люди говорят, что ворон живет триста лет. Вот я и хочу проверить — правда это или ложь».

Черновский улыбнулся:

— Вот и вся история! Короткая, правда?

— Понятно, — кивнул Конышев. — Думаете, Черновский, что это вы, скауты, — вороны и, стало быть, проживете еще триста лет? Хитро закручено... Что ж, послушайте тогда еще один анекдот. Как говорится, Эзоп так Эзоп!..

И Конышев, посмеиваясь, рассказал:

— Афанди спросили о возрасте... «Я родился в год дракона», — ответил Насреддин. Ему возразили, что по мусульманскому календарю есть год барана, мыши, змеи, а вот года дракона нет. Афанди ответил: «Вообще-то я родился в год змеи. Но с той поры прошло много лет, а за этот срок любая змея вырастет в дракона». Такая вот история, — и Конышев виновато развел руками, оставив Черновскому размышлять о подтексте.

Признаться, я смутно представлял себе, кто такой Эзоп, но главное, кажется, уловил.

Черновский уходил большими шагами, заложив руки за спину. Митрофанов, что-то горячо доказывая, бегал вокруг него. Будто циркуль, Черновский описывал Митрофанова вокруг себя.

«НУЖЕН СВЕЖИЙ ЧЕЛОВЕК!»

Возвращаясь в клуб, мы живо обсуждали подробности и значение встречи на «нейтральной полосе». Тут я и спросил про Эзопа. Конышев подмигнул:

— А ты Женю, студентку нашу, раскрути — она тебе про все расскажет. Великий он был человек, хоть и раб.

— Раб? — удивился я.

— Он у древнегреческого бая Ксанфа служил. Зато был сильнее всех. Его все боялись.

— Хорошо вооружен, что ли, был?

— Был, — кивнул Конышев. — Языком. Он басни писал — про зверей, птиц, насекомых, а все узнавали в них себя.

— Ну да, про насекомых! — с недоверием протянул я. — Что ж, по-твоему, выходит, Насреддин Афанди — тоже... насекомое? Так, что ли?

— С чего ты взял? — изумленно спросил Виктор. Все рассмеялись. Я растерянно хлопал глазами.

— Ты ведь... Ты ведь сам... Сказал Черновскому, что...

— Что сказал? — отшатнулся Коньшев.

— Эз-зоп так Эзоп... Так ты сказал. И потом про Афанди...

Виктор заулыбался, махнул рукой.

— Ну и даешь ты жару, Георгий. Объясняют же тебе — аллегория! Это просто к слову пришлось. А ты сразу — Эзоп, Эзоп! Про Афанди мудрый народ сочинял, а никакой не Эзоп. Эзоп, правда, тоже мудрый был... Бери тебя после этого на переговоры с противником...

Он повернулся к Барановой:

— Жень, а ты принеси книжку, почитай в отряде. Оч-чень, между прочим, у Эзопа революционные басни! Видала, как Георгий заинтересовался.

— Будет ему Эзоп! — пообещала Женя. — А сейчас о другом бы потолковать надо. Что с Черновским будем делать? Похоже, скауты не оставят нас в покое. Они понимают — сейчас время играет на нас, а не на них. Вон на какое неслыханное дело пошли — в рабочих кварталах агитацию ведут, нам переговоры предлагают. Засуетились.

— С корабля бегут, — кивнул Виктор. — Крысы, бурю чувствуют. Гаркушенко напомнил:

Глупый пингвин робко прячет
Тело жирное в утесах...

Я тронул Коньшева за рукав:

— Виктор, мы ведь хотели к ним своих разведчиков заслать. Не забыл?

— Как забыть, — отозвался он. — Задумка интересная.

Стратегическая. Но кого пошлем? Кто решится?

— А хотя бы меня и Алишера! — загорелся я. — И Дину тоже можно!

— Какую Дину?

— С Широкой. Ее все равно сам Черновский к себе звал. Ничего не заподозрит.

Коньшев надолго задумался. Я ждал.

— Что ж, — сказал он. — Кандидатура интересная. Можно попробовать. Но сначала надо бы познакомиться поближе. Потолковать...

— С кем познакомиться?! — воскликнул я, удивленный его словами. — Со мной? С Алишером? Да вот он же я! — я упер руки в бока и сразу стал похож на букву «ф».

Но Коньшев развел руками:

— Да не с вами, Георгий. Не с вами. С Диной вашей надо бы встретиться.

— А как же мы? — насторожился я. — Не доверяете, что ли?

— Мы-то доверяем. А вот как они? Ты сам подумай. Они вас с Алишером знают не хуже, чем свои посохи. Снежное письмо кто относил? То-то же!.. Да и сегодня... Нет, тут нужны совершенно новые ребята, а то ведь и Дине доверия не будет.

Я отчаянно цеплялся за последнюю возможность отвоевать право быть заброшенным «за линию фронта»:

— Но мы могли бы там сказать, что... Что передумали... И решили уйти от юных разведчиков.

— Так тебе и поверили! — усмехнулся Коньшев. — В любом случае — следили бы за каждым твоим шагом. Где уж тут агитацию развернуть? Живо разоблачат и за решетку свою выкинут... Нет, тут нужен абсолютно свежий человек.

И тут вступил в разговор молчавший до того Александр Гаркушенко.

— Есть свежий человек! — воскликнул он. — Есть!

— Кто же это? — Коньшев с интересом посмотрел на Гаркушенко.

— Братишка мой. Марко. Абсолютно свежий и абсолютно надежный товарищ. И по возрасту в самый раз подойдет. Я его завтра же приведу — потолковать.

— Приводить... не надо, — задумчиво сказал Виктор. Гаркушенко с заметной обидой в голосе сказал:

— Зря ты так, Виктор. Я за него ручаюсь.

— Потому и говорю, что не надо приводить! — повторил Виктор. — Зачем, чтобы все его в лицо знали. Понимаешь?

Гаркушенко просиял:

— Ах, да! Совсем забыл.

— К тебе пойдём, там потолкуем. А что за парень? Не мамсик?

— Вот еще! — отмахнулся Саша. — Марко с двенадцати лет — подручный слесаря на заводе. Пацан — что надо, сам увидишь. Я хотел его в наш отряд привести. Но... похоже, задачку ему придется решать другую.

Виктор глянул на меня.

— Георгий! — строго сказал он. — Надеюсь, ты понимаешь, что этот разговор пока должен остаться в тайне? Если все получится как задумано, связь

будем держать через Сашу. Никому из наших в доме Гаркушенко отныне не показываться. Так надо. Это — азы конспирации.

Я кивнул, в душе жгуче завидуя «свежему человеку» Марко Гаркушенко, который в эти минуты, конечно же, и не подозревал, какую роль собирались подарить счастливицу вожаки отряда «Юные разведчики».

И тут я с тревогой подумал о том, что скауты могут ведь проведать, что их Марко и наш Саша — братья. Как же тогда?

Коньшев развеял мои опасения.

— Ну и пусть себе узнают! — загадочно сказал он. — Тогда они, вот увидите — решат использовать «своего» Марко, чтобы через Сашу выведывать наши планы.

— И что же? — спросил я.

— А нам это будет на руку! — безмятежно улыбнулся Виктор. — Это же, братцы, откроется, оп-пера-тивный простор. Просторище! — воскликнул он.

Больше вопросов я не задавал. Тайна так тайна. Придет время — все узнаем.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Событие, приключившееся вечером, подстегнуло желание поскорее ввести в дело «свежего человека»...

Вечером того же дня Коньшев взял меня и Алишера с собой — «собирать малину». В этот вечер комсомольцы прочесывали какой-то притон на Саларе, где, по полученным сведениям, ютились малолетние беспризорники. Нас ожидало участие в уже знакомом мне деле — доставке пойманных в интернат на Куйлюке. Правда, тогда я сам выступал в роли конвоируемого, но зато удачный личный опыт побега учил меня, что надо держать ухо востро.

В «малину», правда, Коньшев нас не пустил — мы ждали с подводой на улице, за углом. Нам привели готовенький «товар»: четырех перепуганных малышей, которые норовили улизнуть, упорно вырываясь из рук комсомольцев.

— Довезете? — отрывисто бросил Коньшев. — Не удерут?

— А ты не с нами? — растерялся я.

Честно говоря, я не был уверен, что весь неблизкий путь удастся удержать мальцов на открытой всем ветрам и улицам телеге.

— С вами не смогу, — сказал Коньшев, — Мне возвращаться надо.

Там оказались не только эти вот пескари, но и щуки тоже. Матерые щуки! Наши их там держат в неводе, но, чтобы не улизнули, подкрепление потребуется. Уже за милицией побежали. Ну, я пошел. Давайте, сами управляйтесь.

— Виктор! — крикнул я. — Иди сюда, на секундочку... — Я подозвал, а не бежал к нему сам, боясь оставить Алишера одного наедине с такой оравой.

— Чего тебе? — выдохнул Виктор. — Говори скорее.

— Не довезем мы их, — сказал я. — Разбегутся. По себе знаю. Да еще ночью. Не уследим.

— Что же делать? — Конышев начинал нервничать.

— Я подумал... Может, в штаб отвезем? — предложил я. — А утром — на Куйлюк. Тут ведь до штаба рукой подать.

— Верно! — просиял Конышев и, пошарив в кармане, протянул мне ключ от двери штаба. Я заметил в его руке свисток.

Мы не стали искушать судьбу, я мигнул Алишеру, сидевшему впереди. Он рванул поводья, лошадь резво помчала по пустынным улицам.

Пленникам я велел сесть на дно телеги и вытянуть ноги. Потом всю эту кучу ног, для пущей надежности, перетянул своим ремнем. Теперь не убегут, чудаки, от нормальной жизни.

Не прошло и десяти минут, а мы уже подъезжали к штабу. Одинокий бледный фонарь тускло освещал ступеньки, окно, дверь. Я вытащил ключ, оглядел смиренных пленников.

— Сейчас, голубчики! — проворковал я. — Потерпите еще чуть-чуть, подъезжаем.

Я посмотрел на окно штаба и вдруг мне померещилось, что какая-то белая тень прильнула к окну и тотчас отпрянула.

Что за чертовщина! — подумал я. — Время, конечно, в самый раз подходящее для всяких там домовых и джиннов. Но что джинну делать ночью в штабе юных разведчиков? Решительно нечего. И все-таки... Странно...

— Алишер, послушай!.. — испуганно дернулся я. — А в штабе никого сейчас нет?

Алишер даже отшатнулся:

— Ну и вопрос! Ведь ключ-то у тебя!.. Спишь, что ли?

— погоди, ладно? — попросил я и, спрыгнув с телеги, добавил: — За ними посмотри! Я сейчас.

Я осторожно, сбоку, подошел к окну и сразу же увидел внизу десяток кирпичей, поставленных один на другой. Подоконник был заляпан грязью. Форточка — открыта.

В штабе была кромешная темнота. Я потянул на себя дверь — заперта. Но что же тогда значат эти кирпичи, грязь, удивившая меня тень?..

Я так же тихо вернулся к телеге и шепнул Алишеру: Только не смейся, пожалуйста... Но что-то тут не так. По-моему, кто-то здесь был.

— Кто был? — вздрогнул Алишер. Не знаю. Там у окна кирпичи. И форточка открыта...

— Форточка? — Алишер округлил глаза и уже в следующее мгновение бросил поводья и слез с телеги. Пленники подняли головы и испуганно поглядывали по сторонам. Я нагнулся и затянул ремень потуже.

— Тихо вы тут! — цыкнул я. — Не видите, что ли — тихо надо.

Мы подкрались к двери штаба. Я тихонько вставил ключ, а Алишер, пятясь, отошел шага на три. Сделав два оборота, я осторожно потянул на себя дверь. И в то же мгновение дверь обрушила на меня страшный удар — будто я был... воротами неприступной средневековой крепости, опрокинуть которые можно только могучим таранным ударом.

Крепость пала: я отлетел от двери, нелепо размахивая руками, и вдобавок свалился со ступенек — правда, невысоких. Падая, я успел увидеть, что из двери, низко пригибаясь, вылетела человеческая фигурка. И... вдруг рухнула на землю и покатилась.

Это Алишер — предусмотрительный, мудрый Алишер — успел подставить незнакомцу ножку, надежно пригвоздив его к земле.

Хромая, я подбежал к Алишеру — он уже сидел верхом на стонавшем незнакомце, который лежал на животе, закрывая голову руками.

— Ловко ты его! — похвалил я. — Что за джинн?

— А ты молодец! — отозвался Алишер. — Точно почувствовал, что тут у нас... нечистая сила.

В неверном свете унылого фонаря нельзя было толком разглядеть незнакомца, скрывавшего к тому же лицо.

— Давай перевернем его, — предложил Алишер. — Чего он морду прячет?

Пришлось изрядно повозиться, незнакомец упорно сопротивлялся. Непросто было и оторвать его руки от лица.

— Митрофанов! — изумился я. — Вот так встреча! Ты... ты чего это в штабе нашем делаешь?

Митрофанов молчал, злобно зыряка на нас. И тут Алишер показал:

— Гляди, чего это у него брюхо такое здоровое? Вроде бы недавно худой был. Откормили, что ли?

Гимнастерка Митрофанова, и вправду, изрядно топорщилась. Я заметил, что пуговицы скаутской гимнастерки не застегнуты, сунул руку в прореху и сразу же нащупал что-то мягкое, свернутое в комок.

— Что у тебя? — насторожился я. Потянул за кончик материи, которую зачем-то прятал за пазухой Митрофанов, и не поверил глазам.

В моих руках был... флаг отряда «Юных разведчиков», который вручили нам комсомольцы Красновосточных мастерских.

Вот так Митрофанов. Вот так матерая щука! Вот так улов!

Подумать только: если бы не чистая случайность — лазутчик Митрофанов мог безнаказанно унести флаг нашего отряда. Я, хромая, зашел в штаб. Так и есть — сорвал флаг с дровяка и сунул за пазуху.

— Давай запрем его в штабе, — предложил Алишер.

— погоди! — спохватился я. — А где... эти?.. — Я побежал к подводе. Она была пуста. Беспризорники, конечно же, легко развязали путы, а в память о нашей встрече прихватили с собой и мой ремень.

— Убежали! — крикнул я. — Из-за этого вот гада! — показал на Митрофанова. — Теперь снова к каким-нибудь бандитам в слуги попадут.

Я зло потянул Митрофанова за руку:

— Вставай давай! Разлежался тут! Митрофанов, хныча и постанывая, поплелся в штаб.

Я запер за ним дверь, стал у окна и сказал Алишеру:

— Покараую этого, а ты по летучке зови Конышева, Гаркушенко и Женю.

— Где сейчас Конышева найдешь? — возразил Алишер. — Безнадежное это дело. Забыл, что ли?..

Я хлопнул себя по лбу. Ну и балда. Действительно, начисто все из головы вылетело.

— Тогда Сашу Гаркушенко давай.

Я вспомнил, что буквально утром Конышев запретил впредь навещать Гаркушенко дома.

Но сейчас была ночь и к тому же больно необычное происшествие: скауты чуть флаг не украли.

— А зачем — по летучке ребят будить. Я на телеге слетаю.

— Давай, давай! — поторопил я.

Вскоре Алишер привез Сашу Гаркушенко. Спрыгнув с телеги, он подбежал ко мне.

— Не удрал? — выдохнул испуганно.

— Сидит, — успокоил я. — Куда убежать? От нашего Алишера так просто не уйдешь.

— Вот и хорошо. Отпирай!

Митрофанов сидел в углу и дрожал. Гаркушенко гневно смотрел на жалкую его фигуру. Сказал кратко: Волк на Псарне... Ну, точно как в басне...

— Я не хотел!.. Это не я!.. — истерично взвизгнул Митрофанов, явно испугавшись, что сейчас на него, как и в басне Крылова, ринется несметная стая борзых. — Я больше не буду!.. Не бейте, мне мама не разрешает...

— БИТЫМ что ли, БЫТЬ не разрешает? — усмехнулся Гаркушенко. — А мы у нее разрешения не спросим. Говори — зачем флаг украл?

— Я... не... украл! — плаксиво тянул Митрофанов.

— Как это не украл?

— Вот он... — показал Митрофанов. — На месте. На месте?! — возмутился я. — Ты его на брюхе прятал! Так было, Алишер? Тот кивнул:

— Я уже рассказал Саше, как все было. По дороге. Гаркушенко сел за стол. Спросил грозно:

— Кто послал? Черновский? Митрофанов опустил голову.

— Значит, он, — заключил Гаркушенко. — А зачем? Митрофанов молчал.

— Зря в молчанку играешь, все равно говорить придется. — Обернулся к нам, подмигнул: — Ребят, а может, в милицию его сдадим? Как-никак, в чужой дом забрался... а тебя, Георгий, чуть дверью не убил... вещь украл.

Пусть суду отвечает — так положено.

Митрофанов закричал:

— Не надо... Не надо милиции! Я все скажу.

— Так говори — чего тянешь, — поторопил Саша.

Это все Черновский!

— Про это мы уже слышали, — махнул рукой Гаркушенко. — Что-нибудь поинтереснее давай... Скажи, он объяснил тебе, зачем ему флаг наш понадобился?

— Угу... — Тогда и нам объясни. Митрофанов опустил голову.

— Давай, давай, хватит из себя благородную барышню корчить! Он тебя небось не жалел, к нам посылая. Вещай уже...

Митрофанов тяжело вздохнул и уронил:

— Говорит, вас сразу распустят...

— Кто говорит? — растерялся Гаркушенко.

— Черновский... Говорит, так и в армии положено. Закон такой, оказывается, есть. Если полк теряет знамя — его расформировывают. А командира... А командира...

— Ну!

— Расстреливают!

Гаркушенко вытер рукавом лоб. Выругался:

— Фу ты, черт! Гнида скаутская! Это кого же вы расформировать да расстреливать собрались? Рабоче-крестьянских красных разведчиков — так?

Митрофанов побелел, сжался.

— Нет... То есть... В смысле не расстреливать... А так — фигурально выражаясь.

— Знаю-знаю! — оборвал его взбешенный Гаркушенко. — Знаем, как белые из пушек да винтовок... выражаются! И басмачи тоже. Ишь, что задумали, изобретатели чертовы! Рас-фор-ми-ро-вать!..

Митрофанов упорно бубнил свое:

— Это не я... Он приказал... А я обязан... Честь скаута...

— Ну да — обязан! — передразнил его Саша. — Верность хозяину... Честь скаута... Давай-ка, ка-атись ты отсюда со своей честью в придачу, и без тебя теперь разберемся! — Гаркушенко отворил дверь штаба и кивком показал, что можно улепетывать. Не веря тому, что его и вправду отпускают, Митрофанов изумленно открыл рот.

— Закрой пасть — сквозняк будет! — посоветовал я. — И катись поживее — сказали ведь тебе. Просить, что ли?

Митрофанов бочком, опасливо огибая нас с Алишером, подобрался к двери и выскользнул в темноту. Гаркушенко захлопнул за ним дверь. Подошел к флагу отряда, задумчиво погладил шелковое полотнище, сказал:

— А ведь Митрофанов, ребята, правду сказал. Как курсант военно-спортивной школы — свидетельствую...

И, видя непонимание в наших глазах, объяснил:

— Нехорошее это дело, когда знамя, флаг пропадают. Страшное это дело. Особенно в боевое время. Не позавидуешь, братцы, тому полку и тому командиру. Что верно — то верно... — Вздохнул. — Беречь надо свой флаг. Беречь! И время ведь у нас сейчас — самое что ни есть боевое. Верно говорю?

— Верно! — потрясенно кивнул я.

— А где Марко? Свежий человек — помните?.. Почему он с вами не приехал — братишка ваш?

Гаркушенко усмехнулся:

— Сразу видно, что человек ты глубоко штатский, невоенный. Шпак — одним словом!

— Почему это шпак? — обиделся я. — У меня отец — красный командир!

— Командир, говоришь? Тогда вдвойне шпак. Что же ты хотел — чтобы Митрофанов его сейчас, прямо вот здесь у нас увидел?

Я прихлопнул ладонями глаза — будто комара ловил. Вот так растяпа!

Своими руками хотел Марко скаутам выдать...

— Спешить не надо! — спокойно сказал Гаркушенко. — Тут — политика... Нужно все обдумать.

— Знаю, — кивнул я. — Уже слышал.

ОПЕРАЦИЯ «ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ»

Близок был долгожданный день похода в Бостандык, в горы, как вдруг разразилась огорчительная новость: учителя нас не пускают!

Категорически!.. Видишь ли, без них, оказывается, идти далеко, да еще на целую неделю, никак нельзя. Нужно, чтобы с нами пошли и учителя.

— Как это так? — визгливо возмущалась географичка — высокая худощавая женщина, о которой поговаривали, что ее муж служил офицером в царской армии. — Виданное ли дело — детей одних отпускать. И кто это только придумал?

— Да не дети мы, не дети! — упрямо доказывала Стрельцова.

— А кто же? — удивлялась географичка. — Старики, что ли?

— Юные разведчики — вот кто. И не одни выступим. С нами Конышев пойдет. И Гаркушенко. И Баранова.

— Не знаем мы таких! — поджимала губы учительница. — В нашем педколлективе нет никаких Конышевых и Барановых.

— Это сестра моя — Женя! — восклицала Шура Баранова. — Они комсомольцы.

— Комсомольцы? — холодно шурилась географичка. — Подумаешь, комсомольцы!.. Ну и что? А если заболете? Если, не приведи господь, свалитесь куда-нибудь? Кто будет отвечать — тоже ваши комсомольцы? Нет уж, голубчики. Тут уж нас спросят, а не комсомольцев ваших — почему отпустили детей?..

Самое страшное, что так же считали и остальные учителя, да и директор школы тоже. Он и вовсе был неумолим. Даже когда Виктор Конышев пришел к нему объясняться, сказал строго:

— Вы, молодой человек, много на себя берете. Поживите с наше да поработайте с детьми десятка три лет — вот тогда и потолкуем. В первый раз слышу, чтобы детей — да одних в горы.

— Как это одних? — обиделся Виктор. — Говорят же вам — и я с ними пойду, как начальник отряда.

Директор скептически усмехнулся:

— Начальник?.. Мне вы не начальник. У меня свое начальство имеется.

— Но ведь комсомол... — пытался возразить Конышев.

— И в комсомоле, простите, не имею чести состоять. А дети, к вашему сведению, должны что-то есть и где-то спать. И живыми домой вернуться. Если случится что — их родители не к вам придут, а ко мне — голову отрывать. А она мне еще не надоела. Да если кто-то из них, к примеру, палец поранит — кто его забинтует? Вы?

— А хотя бы Женя Баранова! Между прочим, студентка медфака САГУ!

— Подумаешь, светило науки! Гиппократиха! Почему я знаю, может, она здоровый палец забинтует, а раненый запомнит. Случается, молодой человек! — директор хихикнул. — Не могу-с. Никак не могу-с рисковать. И вам не советую.

Вечером на сборе отряда мы обсуждали сложившееся положение.

— Уйдем — и все дела! — горячился я. — Голову ему, видишь ли, оторвут. И эта... тоже: «Подумаешь, комсомольцы!» Ну и контра... с дореволюционным стажем!

— А что, по-моему, Георгий прав! — соглашалась Зоя. — Не пускают — и не надо. Сами пойдем. Разве нельзя? Мы же хотели по-хорошему. А раз они так, то и мы так. Верно, Виктор?

Конышев покачал головой.

— Пойти-то можно. Но не дело это — ссорить школу с отрядом. Неправильно. Получается, кругом нас одни враги — так, что ли? Скауты... А теперь еще и учителя... Ладно, допустим, пойдем. А что же потом будет? Вам ведь в школу ходить.

Мы подавленно молчали. Ничего себе положеньице! Спасительная идея пришла в голову Алишеру:

— Они говорят, что нам будет трудно. Что ничего делать не сумеем. Может, доказать надо?

Алишер, сам того не подозревая, затеплил счастливый фитиль. Медленно, но верно, разгоралась надежда.

— Можно показать, как мы палатки ставим... — робко предложила Зоя.

— И палец можно кому-нибудь забинтовать, — добавила Шура. — Будто он раненый.

Тут уж хлынул водопад предложений:

— Через арык прыгнем с посохом...

— По звездам путь покажем... Шурпу сварим...

— Костер разведем... Одной спичкой... Под дождем...

Про костер Алишер сказал. Зоя усмехнулась:

— Под дождем? Где ж мы тебе дождь возьмем? Может, по почте из тропиков выпишем? Высылайте, мол, десять пудов дождя для победы над контрой с дореволюционным стажем! Так, что ли?

Все засмеялись, и лишь один Алишер оставался невозмутимым.

— Умная ты сильно! — хитро сощурился он. — По почте не то что дождь, наверное, даже землетрясение — и то выписать можно. Одну только вещь никак нельзя...

Алишер умолк, хитровато улыбаясь.

— Какую нельзя? — клюнула на ловкую наживу Стрельцова, и рыбак Алишер тотчас рванул удилице:

— Голову нельзя! Голову!..

Стрельцова обиженно отвернулась. Алишер же горячо доказывал:

— Зачем дождь?.. Дрова под деревом разложим, а кто-нибудь сверху из лейки воду будет лить. Вот и получится дождь, и без всякой почты из тропиков...

Словом, скоро была составлена широкая программа генеральной репетиции. Оставалось решить, где она будет осуществляться.

— Лучше всего на нашей площадке, здесь — у клуба, — предложил я.

Алишер возразил:

— Сюда учителей не заманишь. А надо заставить, чтобы посмотрели.

— Значит, в школьном дворе! — подвел итог недолгой, но жаркой дискуссии Виктор Конышев. — Итак, операцию «Генеральная репетиция» назначаем на субботу. Женя, приготовь бинты. Так... Что еще нельзя забыть?.. Дрова. Котелок. Палатки. Посохи. Топор. Компас...

— Лейку! — выкрикнул Алишер.

После уроков во двор высыпала вся школа. Учителя с недоверием поглядывали на груду припасенного нами снаряжения — это были декорации предстоящей «генеральной» — и посмеивались. «Контра с дореволюционным стажем» стояла около директора, то и дело наклоняясь и что-то нашептывая. Директор сдвигал брови и скорбно кивал.

— Гляди! — показал я Алишеру. — Еще и экзамены не сдавали, а она уже отметки ставит. Вот Баба Яга!..

Начали с палаток и костра. Пока под предводительством Алишера четверо ребят разводили костер и устанавливали над огнем треногу с котелком, наполненным водой, остальные ловко управлялись с палатками.

На этот раз, вдоволь заранее потренировавшись, мы это делали быстро и красиво. Между двумя деревьями, довольно далеко отстоявшими друг от друга, была туго натянута толстая веревка, вызывая общее недоумение. Белье будут стирать и сушить, — услышал я понимающий смешливый шепоток в группе учителей.

Не скучал и патруль медиков, до блеска вышколенный Женей Барановой. Меня уговорили изображать раненного. Я добросовестно хромал и держался за голову...

Набросившись на меня, наши медики живо наложили мне на ногу шину — будто у меня перелом, а потом, пойдя во вкус, тщательно забинтовали мне голову и два пальца, а вдобавок еще и подвесили к шее согнутую и локте правую руку.

После этого меня уложили на носилки, резво потащили к директору и поставили носилки у его ног. Я лежал и дурачки поглядывал из-под густо забинтованного лба на директора и «контру со стажем». Директор изучал меня добросовестно. Наконец сказал:

— М-да, однако недурственно! Как вы находите? — и он вопросительно глянул на «контру». Глаза ее панически заметались. Но убежать с лица им все равно было некуда, и она с гримасой протянула: — Для... начала... неплохо.

Ах, чего б я в эту минуту не отдал, если бы директор велел патрулю Жени забинтовать «контру»!

— Можете возвращаться к жизни, молодой человек! — милостиво разрешил мне директор. — Помогите ему подняться.

Похоже, экзамен по медицине был нами выдержан. Да и палатки к тому времени стояли уже уверенно, цепко держась кольями за землю. Веселое пламя аппетитно облизывало котелок, Алишер старательно копался в нем шумовкой, готовя шурпу.

Коньшев подошел к директору. Пригласил:

— Прошу принять работу. Директор улыбнулся:

— Одну уже принял. И, признаться, весьма удовлетворительно. Не ожидал.

Он подошел к палаткам, заглянул в одну из них. Потом приблизился к Алишеру, деловито и бесконечно жевавшему бульон из котелка — он неумоимо снимал пробу.

— Вкусно? — спросил директор.

Он взял из рук Алишера ложку, зачерпнул из котелка. Попробовал.

— Соли не маловато? Не пресная? Алишер успокоил:

— В самый раз. Еще лук толком не разварился.

— Верно! — похвалил директор и вдруг замахал руками «контре»: — Аделаида Фоминична, идите шурпу попробуйте. Отменный у ребят получается шурпец!

— Идемте, пожалуйста! — замахал и Алишер и заранее зачерпнул ложкой.

Но «контра» уже растаяла. Директор растерянно объяснял:

— Вы на нее не обижайтесь... Шурпа у вас хорошая получается... И все остальное неплохо вышло... Ей... это... наверно, ей шурпу нельзя. Мигрень у нее. И вообще... болячки разные... А я — с удовольствием! Когда будет готово — занесите ко мне в кабинет солидную... э-э-э... пиалушечку, - охотно поем.

Женя Баранова серьезно заметила:

— А шурпа бы ей не повредила. Она у нас — общеукрепляющая, лечебная. Как медик вам говорю.

И тут Алишер исполнил свой коронный номер. Быстро подбежав к дереву, он, как кошка, взлетел по стволу и ступил на канат. Легко пробежал туда и обратно, ни разу даже не покачнувшись. В руках его по-прежнему была лишь шумовка.

— А эт-то еще зачем? — удивился директор.

— А он у нас главный спасатель, — объяснил Конышев. — Вдруг через пропасть потребуется...

— Я просил бы без пропастей! — взмолился директор.

Генеральная репетиция была выиграна. А с нею — и право на поход.

УЗУН-КУЛАК «МОСКВА-ТАШКЕНТ»

Ура! Сегодня пришло письмо от Юры Чеснокова из Полторацка. Юра писал, что, как он и обещал, у нас появился младший братишка — тоже отряд «Юные разведчики», при клубе имени КИМ. Дальше Чесноков подробно рассказывал о том, чем занимаются наши туркменские тезки. Разумеется, читая письмо Чеснокова, мы узнавали самих себя. Юра учил ребят тому же, что и нас — хождению по азимуту, умению строить шалаши, вязать морские узлы, разводить костер, готовить пищу. Как и мы, они изучали голоса птиц, знали флажковую сигнализацию, часто ходили в походы.

Зачитав письмо Чеснокова на общем сборе отряда, Конышев предложил:

— Сегодня же надо ответить. Кто останется?

Вызвались многие. Но Виктор решил, что писать будут трое — Стрельцова, Алишер и я. Мы остались в штабе. Я сел за стол, придвинул к себе листы и велел:

— Давайте, диктуйте — я готов.

— Диктуйте!.. — передразнила Зоя. — Умник какой. — Тебя писать — в смысле думать — оставили... Диктуйте!.. — и она подарила мне презрительный взгляд. — Вместе так вместе.

Я вздохнул. Не человек, а пулемет системы «Максим». На одиночное слово — очередью в двадцать слов выстрелила... Впрочем, она кажется, права — надо думать вместе.

Я предложил:

— Давайте, пусть каждый по одному предложению надиктует. А то каша получится.

— Вот и начинай! — отозвалась Зоя. И я резво написал: «Здравствуй, Юра!»

— Дальше, дальше давай! — поторопила Зоя. — Это предложение не в счет. Это любой мог.

И тут права... Я писал дальше: «Мы тоже недавно ходили в поход. В Бостандык. Помнишь, ты мечтал о нем?»

— Постой! — закричала Зоя. — Ты что наделал!

— А что? — опешил я. — Разве я неправду написал?

— Правду-то правду. Но ведь мы договорились диктовать по одному предложению, а ты накатал уже целых три. По-честному давай. Пиши теперь мое. Диктую:

«Сначала нас не пускали в школе, но потом мы доказали, что нас можно отпустить без учителей».

Следующим был Алишер:

«Директору наша шурпа понравилась, палатки тоже».

Письмо росло на глазах. Вагончики предложений я, словно составитель поездов, связывал в один длинный-предлинный состав:

«Палатки мы погрузили на телегу, а сами шли пешком. Шли в основном ночью, а днем хватало разных дел. Знаешь, сколько одних только гербариев собрали — у-у-у! И листья, и цветы, и стрекозы, и бабочки.

Алишер ужа поймал — так и того хотел засушить для гербария. Только он толстый был и красивый. Жалко нам его стало, отпустили. Отдыхали мы в

кишлачных чайханах. Труднее всех было Жене Барановой и патрулю медиков. Ведь что получилось — в жизни не поверишь... Подходим к следующему кишлаку, а нас уже ждет с десятков больных. И как только узнают о продвижении отряда и о том, что с нами Женя!? Спрашиваем, удивляемся, а в кишлаках смеются. Говорят, это узун-кулак* работает, новости передает...

---

* *Узун-кулак (узб.) — буквально «Длинное ухо». Слух.*

Так и передавали нас кишлаки друг другу — как эстафету. Десять дней были в походе. Познакомились с кишлачными ребятами, а где пока нет школы — немного азбуке поучили. Правда, кое-где муллы на нас косились и запрещали кишлачной детворе встречаться с нами. Но мы с ними все равно играли и дружили. А игры были разные. Одна особенно запомнилась — поиск патрульного знамени. Тут уже ночным дозором пришлось держать ухо востро. Жорка Иванов всех насмешил. Был он раз дозорным и вдруг как закричит: «Тревога! Скауты наше знамя украсть хотят!» Все, конечно, переполошились, вскочили. «Где скауты?» Жорка показывает: «Вон, там, глядите, притаились. Ползли они сюда. Целая орава». Пошли скаутов ловить.

А там, на лужайке — не скауты, а оберточная бумага, нами же и брошенная. Ветерок подул — бумага и полезла по-пластунски, зашуршала, зашептала. Вот Жорка с ночного-то страху и решил, что скауты ползут. Ему они вообще везде мерещатся».

— Вот еще! — обиженно возразил я по поводу последней фразы, которую, конечно же, сочинила Зоя.

— Пиши-пиши! — прикрикнула она. — Я твои не браковала...

Готовое письмо мы наутро показали Конышеву. Виктор похвалил, но в конце дописал еще и от себя:

«Ужасно скучаем по тебе. С комсомольским приветом от ТОПОЮРа!

Да, чуть не забыл — так нас теперь комсомол официально назвал: «Ташкентский опытно-показательный отряд юных разведчиков». Одним словом — «ТОПОЮР». Каково? Правда, у нас шутят, что надо это расшифровать иначе: «Ташкентский опытно-показательный отряд Юры».

Твой то есть. Ты ведь первым был... Так-то, дружище!»

— Можно отправлять? — спросила Зоя.

— Сперва отряду прочесть надо. Не вы его посылаете, а отряд.

Когда прочли отряду, Шура Баранова спросила:

— А что такое «узун-кулак»?

— Алишера спроси, — сказала Зоя. — Это из его предложения.

Алишер объяснил:

— Это когда слух по земле летит быстрее самой быстрой птицы. Как волшебный конь Тулпар, одним словом. Не успеет новость родиться, а ее уже, как стрелы, во все концы света языками разносят. Но это, — предупредил Алишер, — говорят только про очень важные новости.

И тут выступил вперед Вася Алексеев.

— Я, говорит, один такой узун-кулак знаю. Батя ночью из Москвы привез.

— Что? Что привез? — переспросил Виктор.

— Говорю же — отличный узун-кулак. Новость, в общем. Слух.

Мы все хорошо знали, что Васин папа — машинист, паровозы погоняет.

— Ну так рассказывай, не томи! — рассердилась Зоя. — Кто ж так новости рассказывает — в час по чайной ложке. Говори давай, коли вызвался. Что за новость?

Как и все девчонки на свете, Стрельцова была страсть как любопытной. Вася развел руками:

— Рассказывает, видел в Москве отряд вроде нашего.

— И тоже юные разведчики? — не выдержал Алишер.

— Вовсе нет. То есть, говорит, похожи они на вас, но надевают красные косынки и называют себя... как это... сейчас... юными пионерами, вот как!

— Как называют? — сразу несколько голосов, как руки за подающим.

— Пионеры.

— Что за слово такое - пионеры?

Молчит Вася Алексеев. Все взгляды на Конышева. Виктор и говорит:

— Я знаю, что так называют смельчаков, которые первыми рискуют осваивать неизвестные ранее места. Это на Диком Западе, в Америке.

— А при чем тут наши ребята? — спросила Зоя. — И какие они в Москве неизвестные для себя места покоряют? — Она с упреком поглядела на Васю: — Тоже мне, толком узнать у отца не мог. Пионеры! Пионеры! Заладил одно и то же.

— Вот и пойди к нему и узнай сама, — предложил Вася, раздосадованный, что за эту новость ему еще и на орехи досталось.

— И пойду! — с вызовом тряхнула косичками Зоя. — Тебя не спрошу.

Виктор Конышев, с улыбкой слушавший всю эту перепалку, сказал:

— Вместе пойдем. Надо хорошенько разузнать, в чем тут дело. Что-то не слыхал у нас ни про каких пионеров. Это что-то новое.

Виктор спросил Алексеева:

— Отец дома сейчас?

— Дома, — буркнул Вася. — Завтра снова уезжает. Я ж не знал, что вы захотите подробно. Расспросил бы...

После сбора мы поспешили к машинисту паровоза дяде Карпу — соседу моему. Виктор взял с собой меня и Зою, ну и Васю, конечно. Пришлось ему взять и Алишера — уж больно просился.

— Больше нельзя! — отрезал Виктор. — У него ведь хата, а не паровозный цех — куда всю нашу ораву сажать?

Дядя Карп пил чай во дворе. Сидел в сапогах, в засмоленной кожаной куртке. Завидя нас, заулыбался:

— Ждал!.. Ждал!.. А ведь Ваське своему так и сказал: ты, мол, шепни своим про пионеров — они живо ко мне прибегут. Садитесь давайте да слушайте.

Дядя Карп отпил зеленого чаю из пиалы и рассказал:

— Дружок у меня в Москве на Каланчевской площади живет. Слыхали про такую? К ней сразу три вокзала сбежались, всегда уйма народу. Железнодорожник он, по Октябрьской железной дороге на паровозе своем прогуливается. Сидим мы с ним, толкуем. А тут вдруг за окном — горны поют, барабаны стучат. Что такое? — вроде бы не праздник — 7 апреля! Глянул в окно — десятка четыре ребят шагают, и все с красными косынками на шее. Спрашиваю дружка — что за такая демонстрация? Усмехается. Это, говорит, Ванька Рогов из паровозного депо выгуливает своих юных пионеров. А мне-то интересно, у самого Васька в юных разведчиках ходит. Слово за слово — узнаю, что аж с февраля появились в Москве юные пионеры — комсомол их организовал. Вот и у них, на Пантелеевке — это район такой в Москве, сплошь железнодорожный — тоже решили организовать. А взялся Ваня Рогов — комсомолец, ну вот вроде тебя... — дядя Карп кивнул Коньшеву.

— Продолжайте, пожалуйста! — попросил Виктор. — Очень интересно.

— Да вот и все, пожалуй, — сказал дядя Карп. — Но вот еще... Первого мая они на демонстрацию пойдут. Впервые. Москве себя показать хотят. — Похоже, что не Москве, — задумчиво произнес Коньшев. — Похоже, всей стране.

— Вот-вот. Сам Владимир Ильич, может статься, их увидит. Во всяком случае, очень надеются.

— Здорово как! — восхищенно прошептала Стрельцова. — Пионеры... Слово-то какое интересное.

— А мне все ясно! — включился Алишер. — Виктор ведь объяснил, что пионеры — это которые первые куда-нибудь проникают. Так ведь? — Алишер вопросительно глянул на Конышева.

— Допустим, что так, — кивнул Виктор. — А что с того?

— Значит, они и есть — разведчики, ведь — разведчики всегда первыми проникают.

— Ловко! — восхитился я.

— Вот и получается, — завершал свою мысль Алишер, — что и мы, если хотите, тоже... эти самые... пионеры.

— Они красные косынки носят — не слыхал, что ли? — напомнила Зоя. — И горны у них.

— Чуть не забыл! — спохватился дядя Карп. — Дружок мне еще одну интересную вещь сказал. Мол, готовят они скоро о-огромную бомбу.

— Бомбу? — Зоя улыбалась.

— Да что-то вроде этого. Скаутов московских хотят подразнить. Те аккурат в день святого своего покровителя Георгия-Победоносца хороводы скаутские водить будут, а пионеры на этот-то день придумали провести свой праздник. И назвали они его — «Праздником первого костра». Вот как!

— Вот видите! — вырвалось у меня. — Алишер прав, что пионеры и разведчики — это одно и то же. Даже про седьмое мая мы придумали одинаково... — я внезапно поймал на себе колючий взгляд Конышева и, покраснев, умолк, поняв, что проболтался.

— Что, тоже костер организуете? — поинтересовался дядя Карп.

— Да-да!.. — невнятно уронил я. — Что-то в этом роде.

Мы попрощались, попросив его в следующий приезд из Москвы привезти новые подробности о неведомых нам доселе пионерах. Что за чудюдо?..

Таял апрель.

ДАТА ВЗРЫВА...

Доводилось ли тебе, читатель, скакать на лошади под дождем, не спать три ночи кряду, лежать, уткнувшись носом в шпалы, когда над тобой жарко сопит товарняк, драться одному против целого патруля скаутов, или даже

просто разгрузить за день два вагона, битком заполненных пятипудовыми мешками?

Утверждаю, что все эти непростые дела — ничтожные пустяки по сравнению с тяжким грузом тайны...

Повторяю: с грузом тайны!

Уже несколько месяцев я мучился мыслью о том, как он там, в стане скаутов — Марко Гаркушенко, братишка нашего Саши. Сам Саша, да и Виктор Конышев тоже, напрочь запретили расспрашивать о Марко — нашем «свежем человеке».

Я догадался: бояться — не заслали ли скауты, в свой черед, и к нам своего «свежего человека».

Конспирация! Этим словом однажды уже огрели мои уши...

Но ведь я знал главное: то, что задумано, должно произойти в день Георгия-Победоносца. Или — не произойти вообще. Поэтому я не удивился, когда накануне Конышев велел нам к завтрашнему сбору привести в порядок одежду, надраить обувь и зубы. Сбор был назначен на утро. Я догадывался, что предстоящий сбор, конечно же, связан с тем, что было задумано уже давно — там, на улице Широкой. Многие наши разведчики недоумевали: что за сбор, вроде бы и нужды нет...

Конышев и Гаркушенко молча улыбались в ответ, давая понять, что нас всех ждет сюрприз.

Тяжелее было мне. Надо ли объяснять — почему. Даже с друзьями я не мог поделиться и клочком огромной тайны, распиравшей мне грудь и едко щекотавшей язык. Тайна зрела во мне как каша — потихоньку развариваясь, она набухала, росла и, видать, ей уже давно было тесно в такой утлой посудине, как я.

Тайна рвалась вскачь. Чтобы удержать ее, нужно было, ну, к примеру, ничком укладывать шпалы и давить паровозом. Только так! Что я мысленно и делал...

Так подкрадывался день 7 мая. Он не обманул наших надежд — надежд тех немногих из нас, которые знали о том, что в скаутском стане работает наш человек — готовит восстание, взрыв или что-то вроде этого. Я даже не знал толком — включили ли Конышев и Гаркушенко в эту тайную игру и Дину. Приходилось терпеть и ждать.

Впрочем, в последний момент перед развязкой Виктор Конышев так-таки оказал нам с Алишером доверие — велел влезть на крышу клуба и наблюдать оттуда за железнодорожным переездом.

— Как только увидите группу ребят, идущих к нам, — сразу знак подавайте, — объяснил он и мы полезли на крышу.

Ждать пришлось недолго. Они шли строгой колонной по два, и Алишер тотчас же махнул Виктору — идут, дескать. Мы стали считать — сколько же их.

Один... шесть... тринадцать... Двадцать один!

Мы мигом слетели с крыши, подбежали к Конышеву. Здесь же был и Саша Гаркушенко.

— Двадцать один! — выпалил я.

— Значит — девятнадцать, — сказал Саша. — Марко и Дина не в счет.

Что ж, неплохой улов!

Виктор скомандовал:

— Отряд! Для встречи пополнения... ста-но-вись! Юные разведчики выстроились мгновенно. На лицах — недоумение. Что за пополнение?

Чудеса да и только!..

Между тем, группа приблизилась. Впереди бодро вышагивал крепко сбитый паренек. Глаза его, огромные, лучистые, сверкали. «Марко, — догадался я. — Вот молодчина!» Да, это был Марко Гаркушенко.

— Стой! — скомандовал он своей группе и, сделав шаг к Конышеву, звонко доложил:

— Товарищ начальник отряда «Юные разведчики». Группа бывших скаутов по случаю дня святого Георгия в ваше распоряжение прибыла! Докладывает бывший скаут Марко Гаркушенко.

Юные разведчики заволновались. Вот так гости! Понятно теперь, почему сбор назначили.

Я терпеливо ждал, когда все полностью разъяснится и наши товарищи узнают то, что для нас с Алишером уже давно не было тайной.

Конышев протянул Марко руку, крепко пожал. Потом положил левую руку на плечо Марко и обратился к юным разведчикам с речью.

— К нам пришли друзья, — сказал Виктор. — И сегодня они вливаются в наш отряд, как равные к равным.

— Это кто же — равные? — не удержалась Зоя. — Скауты, что ли?

Конышев будто не слышал выпада Стрельцовой, продолжил:

— Все эти ребята были обмануты скаутмастером Черновским и хитростью вовлечены в скаутскую дружину. Наши они ребята, наши — рабочие, мастеровые, бедняцкие что ни на есть...

Конышев перевел дух. Продолжил:

— Для скаутов это настоящий взрыв. Праздник у них сегодня, а вместо праздника получилось совсем наоборот. Давайте послушаем Марко — это он привел к нам заговорщиков, выковав еще одно звено в могучей цепи мировой революции!

Коньшев вызволил руку, кивнул:

— Давай, Марко, расскажи, как все получилось. Видишь — все сгорают от нетерпения.

— Уж это точно! Что до меня — так и вовсе почти одна зола от человека осталась.

Марко оказался бравым парнем. Не смущался, не отнекивался, а сразу кулаком тряхнул и громко сказал:

— Здорово мы их... подковырнули! Они нас к присяге привести хотели. Значки заготовили — целую клумбу лилий. А мы выстроились и... «Не хотим, — говорим, — ваших лилий, сами их на грудь вешайте. А мы пошли к разведчикам». Говорим: «Мы страну хотим строить, а не святые праздники справлять». Говорим: «Идемте с нами, кто хочет, все равно скаутам — труба, дохлое дело». Они и опомниться не успели, как мы — за ворота, и вот — к вам...

Все разъяснилось просто. Но за этой простотой, я понимал, стояла немалая работа. Юный Марко в полной тайне от Черновского и его зорких патрульных подготовил два десятка заговорщиков, и точно 7 мая они... произвели в скаутском логове настоящий взрыв.

«Гений разведки!» — думалось мне. И невольно размышлял, интересно, а удалось бы мне вот так же успешно вырвать ребят из скаутской западни, да еще так чувствительно щелкнуть по самолюбию Черновского - в день, когда все глаза сходились на нем?..

Но теперь, после полного успеха Марко, оставалось только размышлять и... чуточку ему завидовать...

— Итак, — деловито начал Коньшев. — у нас сегодня прибавление — целых два новых патруля. Предлагаю начальником одного из них назначить Марко. По-моему, он заслужил.

Плац вспыхнул одобрительными возгласами. Коньшев поднял руку.

— Я еще не все сказал. Есть еще и второй патруль. И начальник для него тоже есть. Это — Дина Горбштейн. Дина, выйди — покажись всем.

Из группы вышла Дина — сияющая, довольная.

— Все эти месяцы Дина была помощником Марко и доказала, что верна делу рабочего класса и юных разведчиков, — говорил Коньшев. —

Кому, как не ей, быть начальником патруля. А названия пусть они сами обсудят, потом вместе решим. Конышев пылко провозгласил:

— Итак — дружба!

И тут Марко задорно воскликнул:

— А знаете, как у ... у этих... дружбу укрепляют?

— У скаутов, что ли? — Конышев удивленно поднял брови. — Дружбу они, говоришь, укрепляют?

— Ну да! Черновский для этого ритуальный хоровод придумал!

— Какой еще хоровод? Может, вы и частушки там распевали?

— Не частушки. Поют на мотив из оперы “Риголетто”.

Гуммиарабикум - это на первые два слова: “СЕРДЦЕ КРАСАВИЦ склонно к измене...”.

Конышев пожал плечами. Явно колебался — стоит ли скаутские обычаи узнавать да оперные хороводы водить. Но потом, видать, решил про себя, что не худо бы, на всякий случай, знать, так сказать, «оружие противника», и махнул рукой:

— Валяйте! Показывайте!

Марко мигом преобразился. Резко обернулся к новобранцам, скомандовал:

— Быстро!.. В круг!..

Недавние скауты тотчас же образовали огромный круг — положили друг другу руки на плечи и стремительно закружились. Тут Марко, который прыгал вместе со всеми, вдруг взвыл:

— ГуммиарррАбикум...

— ГуммиарррАбикум...

— ГуммиарррАбикум...

И — воспламенился воплем весь стремительный круг:

— Клей! Клей! Клей! Кле-эй!

Не позволяя паузе и на мгновение вклиниться в зажженный заклинанием круг, сосед Марко подхватил и понес дальше эту исступленную и бессмысленную мольбу к шаткому “сердцу красавиц”:

— ГуммиарррАбикум...

— ГуммиарррАбикум...

— ГуммиарррАбикум...

И снова — мощный прибой голосов:

— Клей! Клей! Клей! Кле-эй!

Мы хохотали. Смерч скаутского ритуала реял и реял, распевно повторяя только два слова «гуммиарабикум» и «клей». Что, впрочем, было одним и тем же, ведь Гуммиарабикум — это и есть клей.

Ну и циркач этот Черновский! Что придумал. Да если это заклинание хоть раз по всему кругу пропустить — живо одуреешь. Это же не дружба получится, а увечье настоящее. Подумаешь — Гуммиарабикум... Да таких дурацких заклинаний, без всякой идеи и смысла, я и сам дюжину придумаю. Тут главное — взять слово позаковыристее и до отупения обсасывать его, как мозговую косточку. Была б только охота... Вот так, например:

— Паровозный... паровозный...

— Цех! Цех! Цех!

Или еще:

— Гаркушенко... Гаркушенко...

— Марк! Марк! Марк!

Можно, если надо, и про самого Черновского придумать. И про генерала Баден-Поуэлла, и даже про домуллу Хайдаралиходжу ибн Саидхана ибн Саидамина Мирвалиходжу Актепаи. Про домуллу, конечно, посложнее будет хоровод сочинить. Но зато им потом лучше любого гуммиарабикума можно нормальные мозги намертво связать и склеить. И без всякой оперы. Надо бы при случае подсказать Черновскому. Сдался ему его Баден-Поуэлл! Пусть лучше к домулле в кишлак за советом сбегает. Что ни говори — к Аждару куда ближе, чем в Лондон на джамбори телепаться.

Джамбори... Слово-то какое злобное, рычащее!.. Я уже знал, что так у скаутов их всемирный шабаш именуется. Посиделки, короче говоря. А может, и постоялки или даже пооралки. Не знаю, не был...

ПОРА ДУМАТЬ ОБ УРОЖАЕ

Вот так дядя Карп! Точно ведь все рассказал про московских пионеров. Зорко подсмотрел.

Вскоре о пионерах знали уже все. И не от дяди Карпа, конечно. Из газеты узнали...

Газету принес в штаб Виктор Конышев. Был он непривычно взволнован, и поэтому, зная его выдержку и смелость, — ведь он даже «малинники» с бандюгами не боялся ночью пропалывать! — я понимал, что произошло что-то особенное.

Виктор достал из кармана сложенную газету. Развернул и разглядел сгибы.

— А теперь слушайте! — пригласил он и, найдя обведенное красным карандашом место, прочел:

«Резолюция второй Всероссийской конференции Российского коммунистического союза молодежи...»

Мы внимательно слушали. Коньшев читал:

«Принимая во внимание настоятельную необходимость самоорганизации пролетарских детей, Всероссийская конференция поручает ЦК разработать вопрос о детском движении и применении в нем реорганизованной системы скаутинг. Учитывая опыт московской организации, конференция постановляет распространить этот опыт на тех же основаниях и на другие организации РКСМ, под руководством ЦК».

Дальше Виктор прочел заметку, корреспондента о пионерах, об их участии в первомайской демонстрации — словом, о многом из того, что мы уже месяц назад слышали от машиниста дяди Карпа, привезшего нам эту новость из Москвы — без всяких газет.

— Ясно вам, кто мы теперь такие? — спросил Коньшев без всякого перехода. — Пионеры. Тут ведь ясно сказано... Сейчас... — и Коньшев повторил: «Распространить и на другие организации». Значит, и нас это касается.

— Там что-то... про скаутов, кажется, было, — потянулась к газете Стрельцова.

— Есть кое-что. Реорганизовывать будут их систему. — Было видно, что Виктор и сам смутно пока представляет себе, что это значит — реорганизовать скаутинг. Да он и не скрывал этого.

— Потерпеть надо, — сказал он. — Скоро и к нам в ЦК материалы пришлют, узнаем что к чему.

И Коньшев не ошибся. Вскоре мы уже держали в руках, бережно передавая друг другу, брошюру «Юные пионеры» и «Временный устав детских коммунистических групп «Юные пионеры» имени Спартака».

Мы узнали законы и обычаи пионеров, торжественное обещание, особенно горячо обсуждали мы обычаи.

Да и не мудрено — они были словно специально адресованы нашему отряду, а не пионерам «вообще».

Что ни обычай — тут же град комментариев, реплик, замечаний.

«Пионеры не валяются в постелях утром, а поднимаются сразу, как ванька-встанька...».

— Зоя, это тебя касается. Чувствуешь?..

— Нет уж, Алишерик, скорее тебя, а не меня...

— Это почему же?..

— А хотя бы потому, что «Ванька» — мужского рода!..

«Пионеры не держат руки в карманах, ибо пионер, держащий руки в карманах, не всегда готов...».

— Серега, ты мотай, мотай на ус!..

— А у меня усов нет...

— Да хотя бы на воображаемый...

«Пионеры... чистят зубы и помнят, что зубы — друзья желудка...».

— Закадычные или просто?

— А когда они с желудком дружбу водят — только во время обеда?..

«Пионеры не боятся предлагать свои услуги людям...».

— Ну, ребята, это точно про Дину и Марко. Это ведь они скаутам услугу оказали — целую ораву ребят сагитировали. Так ведь, Марко?

— Вот еще! Там ведь ясно про услуги сказано: «людям», а не скаутам...

Появились и проблемы.

Где взять галстуки? Где взять горн? Барабан?

От бесконечных вопросов, которые жизнь стремительно накатывала на нас, радостно пухла голова.

Легче всего решилось с косынками. Женя Баранова надоумила — надо в госпитале марлю раздобыть и покрасить. Вот и будут у нас красные косынки!

Добычу марли она взяла на себя — медик все-таки. Правда, запаслась по совету Конышева письмом из железнодорожного райкома комсомола.

Шить косынки поручили группе во главе с Диной. Как же, у нее отец — портной, мать — портниха. Можно сказать, не семья, а швейная фабрика.

Посоветует, подскажет — никак нельзя драгоценной марлей рисковать.

Собственно, главным образом, работать надо было ножницами.

Скоро все мы щеголяли в новеньких красных косынках.

Барабан Конышев придумал добыть в городском ресторане.

— Там у них уйма всяких барабанчиков, — сказал он, — не пропадут, если одним с нами поделятся. Только клиентам уши сберегут.

Мы, честно говоря, мало верили, что ресторан добровольно выпустит из рук короля оркестра — барабан. Пусть даже не короля — хотя бы какого-нибудь принца, падишаха или, на худой конец, визиря оркестра...

Но вечером Виктор принес барабан и спокойно положил на стол в штабе. Горн достал Саша Гаркушенко — в своей военно-спортивной школе. Нас было уже сто двадцать! Отряд рос. Мы были первыми пионерами Ташкента. Но по старинке иногда все еще называли себя юными разведчиками. Уж больно жалко

было расставаться с первым именем — с ним родился наш отряд осенью двадцать первого.

А тут еще и статья про нас в «Новом мире» — третьем номере журнала ЦК КСМ Туркестана «Новый мир» за 1922 г. Напечатано, как мы заметили, в типографии Туркфронта. Автором статьи «О системе скаутинг» был некий Абугов.

Этот журнал дали в ЦК комсомола Туркестана Виктору Конышеву — специально затем, чтобы юные разведчики прочли, обсудили, да кое-что на коллективный ус намотали.

Честно говоря, досталось нам в этой статье довольно крепко, хотя Абугов нахваливал нас. «Опыты первой работы отряда, — писал он, — довольно удачны». Нас хвалили и за то, что мы не отвернулись от бывших скаутов, решивших честно работать на благо трудящихся...

Зато по самим скаутам журнал дал хороший щелчок, так прямо и написав, что «...Баден-Поуэлл продолжает оставаться вождем даже пока не раскрасневшегося, но малинового цвета скаутов Туркестана».

Еще ласково щелкнул! Какие там — малиновые, можно было смело назвать краску и помрачнее, а лучше всего — производную от фамилии скаутмастера Черновского...

Трижды заставили мы Конышева прочесть вслух ту фразу из статьи, которая касалась вещей принципиальных и уже куда ранее вызывавших среди нас споры и разногласия. Взбудоражило нас вот что. Абугов писал: «Бесполезно будет дело юного разведчика, если оно будет заключаться в том, что какой-нибудь спекулянтке поможет на вокзале перетащить все корзинки. Ему нужно указать на то, что сейчас имеется невероятное множество голодающих детей, которые умирают с голоду. Пусть он поможет их подобрать, будет выполнять роль детской инспекции в борьбе с развивающейся преступностью».

С нами говорили суровым, неоструганным языком. Такой ни в одной детской книжке не сыщешь. Говорили с нами на равных — без скидок на возраст. Оно и понятно, что неоструганным — не рубанком писали. И не в ладушки играть учили...

Сказано про нас было сердито, но, что и говорить, метко.

— Можно подумать, что мы беспризорников не подбираем, — обиженно заметила Стрельцова. — Вон, мы ведь даже Жорку подобрали! Два раза. Пусть подтвердит. Чего молчишь, Жор?

Мне стало смешно: «подобрали!...» Что я, булыжник ей, что ли? Или кошелек?

Сейчас подтвержу! — пообещал я и сказал: — Вспоминай, четверых ты тогда с вокзала везла? Так? Ну вот — двое из них, вспомни, удрали — дальше голодать.

— Верно говорю?.. Верно! Кто ж так подбирает?

Ответил сам:

— У кого карман дырявый — вот кто!

Коньшев нахмурился.

— Зря нападаешь, Георгий! — остановил он меня. — У тебя с Алишером тоже четверо улизнули. А это было, между прочим, комсомольское поручение.

— Так ведь... флаг спасали! — опешил я. — Митрофанов его тогда едва не уволок из штаба...

— Молодцы, что спасали, — кивнул Коньшев. — Но дети-то удрали.

— Где они сейчас?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Искать надо.

— Верно — искать. О том и пишут.

Слова о спекулянтке на вокзале вызвали удивление.

— А как же быть с обычаем, — насторожилась Шура. И напредила: «Пионеры не боятся предлагать свои услуги людям».

— Верно! — подхватил Алишер. — Ничего в обычае про спекулянтов не сказано, просто про людей — и все. Неправильно это.

— Что же ты предлагаешь? — возмутился я. — Спекулянтам мешки таскать? Может, еще и продавать за них прикажешь, а денежки в зубах им приносить?

— Сбесился, что ли?! — взорвался Алишер. — Я говорю — в Москву надо срочно письмо написать, чтобы про обычай этот уточнили. А то получается, что мы всем должны услуги оказывать — и хорошим людям, и спекулянтам... Разным другим... А надо только хорошим. Обязательно надо написать, чтобы исправили. — Алишер покосился на Коньшева — что, дескать, начальник отряда думает по этому поводу.

— Не надо письма! — сказал Коньшев. — Это и так ясно. Просто думать надо — и будет полный порядок... Он на мгновение умолк, потом добавил:

— А скоро у нас будет большой гость. Он-то мне этот журналчик и дал сегодня утром. Гани Муратбаев — знаете такого?

— Я знаю, он из ЦК! — выпалил Алишер.

— Молодец! — похвалил Коньшев. — Знаешь вождей.

— Так ведь вы же сами говорили, что журнал взяли в ЦК, — простодушно признался Алишер.

Все рассмеялись. А Коньшев объяснил:

— Товарищ Гани Муратбаев — вожак туркестанского комсомола.

— Старый, да? — поинтересовалась Зоя.

— Очень старый! — кивнул, усмехаясь, Конышев. — На целых два года старше меня.

...Мы уже знали, что Виктору — восемнадцать.

— Это из-за статьи, да? — спросила Зоя. — Наверное, хочет посмотреть, кто это спекулянтам да вора́м корзинки да чемоданы перетаскивает. — Стрельцова хитро поглядывала на меня — мол, догадаюсь ли, что она помнит, как я с Бахтияром на вокзале бесславно носил чемоданы для «Чингиз-хана».

Но я промолчал. Пусть себе поглядывает, если у нее хорошее настроение — жалко, что ли.

— А вы забыли, как наш ТОПОЮР расшифровывается? — спросил Виктор. — Опытно-показательный. Мы с вами сейчас — ну как сад у садовода-опытника. А у него как? Хорошее дерево, здоровое, фрукты на нем красивые, вкусные — значит, сажай везде, пусть все ему радуются. Так и отряд наш. Как сад. Вот Муратбаев и хочет поглядеть, как опыт идет. Его ведь распространять повсюду надо. Так ведь?

— Живем, ребята! — изумленно прошептала Шура. — Оказывается, мы — сад! Интересно, какой — вишневый? Яблоне́вый?

— Вот именно, сад! — подтвердил Конышев. И добавил лукаво: — И не пора ли саду подумать об урожае, а не только зеленой кроной на ветру шуметь?..

Виктор, конечно, был великий мастер ставить жирную точку в разговоре. Да такую, после которой порой надолго наступало гробовое молчание. Эта его точка была как волшебное зернышко, умело посаженное в землю.

В нас... Хотя мы, конечно, были разведчиками, а не грядкой, и нас не надо было рыхлить, поливать и подкармливать всякими там удобрениями.

А зернышко все равно зрело...

КАК ЦАРЬ-ГОРОХ САКСАУЛ* ВОЗИЛ

В один из приездов в интернат на Куйлюке мы с Алишером узнали, что у них кончаются дрова.

— Нужен саксаул, — пожаловался повар интерната. — А заведующий купить не может.

Заведующий — молодой парень — в точь наш Конышев, виновато разводил руками:

— Я в горькоме говорил — нет саксаула. Так мне вместо него денег дали. Купите, говорят, сами.

— Что ж плохого? — недоумевали мы. — Отчего не купить?

— Не тут-то было! — вздохнул заведующий. — Все лавки объездили — нет саксаула. — Поздно, говорят, хватились. Продано все, что было заготовлено.

— А кому продано — другим интернатам? — спросил я.

— Другим лавочникам, в основном. Для чайхан, для тандыров — да мало ли для чего.

---

*Саксаул — дерево, растущее в пустынях, идеальное топливо.

— А где же вы раньше были? — спрашивал Алишер.

Заведующий смущался:

— Так... ведь... В первый же раз. Откуда же я знал, что саксаул заранее запасают.

— Что же советуют?

— Говорят, надо к кооператорам поехать — в Каунчи, там можно получить.

— А это далеко?

— Далековато. С тридцать верст будет.

— Чего же не поедете?

— Лошаденки нет.

Мы переглянулись, одновременно подумав об одном.

— А хотите — наша повезет.

— Месяц будет возить. Нам для начала с десятков таких телег надо бы.

Возвратившись в штаб, мы рассказали обо всем Коньшеву.

— Саксаула у них нет. Готовить не на чем — хоть обеденные столы да табуретки под казан кидай! — горячился Алишер. — А зима придет — еще и замерзнут.

Надо было что-то делать. Где же раздобыть десяток подвод? Задача...

Вечером я поделился нашей бедой с Иваном Андреевичем. Дядя Ваня сощурился.

— Не дело — мальцов без топлива оставлять. Тут только дорога и поможет.

— Какая дорога?

— Ясно какая. Родимая наша. Железная.

— А кто нам платформу даст? Шутите вы, дядя Ваня.

— А вы мозгами-то пошевелите, авось ими что нащупаете. С соседом вон посоветуйтесь.

— С дядей Карпом, что ли?

— А то как же. Машинист. Бог дороги, одним словом. Кто подскажет, коли не он.

И подсказал ведь дядя Карп. Еще как подсказал!

— Вы с нашим братом поговорите — с машинистами. Каждый что-нибудь придумает — для деток ведь, не для себя.

— А что можно придумать?

— А хоть в паровоз к себе взять саксаул. С товарной-то станции в Ташкенте легче в интернат доставить, чем из Каунчи.

В Каунчи поехали четверо — заведующий интеркатом, Вася Алексеев, Вера Нефедова, ну и я.

И — вышло ведь все, как дядя Карп предсказывал. И даже в паровоз саксаул пихать не пришлось, железнодорожники сыскали-таки где-то в тупичке старенькую платформу и прицепили к товарняку, шедшему на Ташкент. Когда мы уже и слов не находили, как поблагодарить за спасительную находку, начальник станции, кивая на развалюху-платформу, отшучивался:

— Царя Гороха благодарите! Его времени тачка, а гляди — все не рассыпается!

Была у нас в Каунчи и любопытная встреча, которой мы поначалу не придали слишком уж большого значения, но которая послужила началом для важных событий.

На саксаульном складе к нам подошел комсомолец и, с готовностью протягивая руку каждому из нас, представился:

— Боря Орлов... С хлопкомаслозавода я... А вы ведь пионеры, да? Я сразу понял, что пионеры. Вот было бы здорово, если бы вы на завод наш пришли да рассказали — кто такие вы, пионеры, чем занимаетесь, и вообще.

Мы бы тогда и у себя в Каунчи пионерский отряд организовали.

Мы, конечно, согласились. И пообещали приехать в субботу, сославшись на то, что сегодня заняты саксаулом для интерната.

Борис помог организовать погрузку саксаула на платформу. Нашему ликованиему не было конца. Мы ехали на платформе, стерегли так счастливо добытый саксаул и размышляли — как же мы его со станции разгрузки в интернат доставим. Опять нужны подводы.

Но мы нашли куда более верное решение.

Когда саксаул выгрузили на станции, заведующий помчал в интернат, а мы остались караулить корявую, но такую желанную добычу.

Заведующий привел весь интернат! Удивительная получилась колонна! Каждый взял по одной ветке и понес в интернат. На две версты растянулась бесконечная саксаульная процессия.

Интернатские котлы были спасены. Конышев допытывался:

— Кто помог-то в Каунчи? Машинисты? Не обманул дядя Карп?

— Они! — кивнул я. — И еще — царь Горох!.. Конышев рассмеялся:

— Он что же, царь Горох, теперь в кочегары или стрелочники переквалифицировался?

Когда вы поведали Виктору, как было дело, Конышев удивился:

— Ну, прямо как сговорились! У нас тут без вас сегодня один царь Горох побывал уже.

Пришла очередь удивляться и нам. Вот так дела, еще один царь Горох?!

Прислали к нам из горкома товарища одного — поглядеть, как живем. Может, по хозяйству что-нибудь сделать надо. Форму пошить или помещение отремонтировать, и все такое прочее. Звать — Абдулла Исхакзаде. Так он сразу рубанул:

— Все у вас тут ни к черту не годится. Штаб, говорит, тесный, надо бы помещение пошире раздобыть.

Ну с этим мы, допустим, согласны. Но тут он и вовсе раззадорился и так говорит: вам, говорит, надо и вывеску сменить. Что такое дружина?! Скучно звучит. Надо назвать — легион. Сила!.. Что у вас там еще есть? — спрашивает и папироской попыхивает.

Подсказываю: отряд.

— А это пусть будет — когорта! — говорит.

— Зveno еще есть, — подбрасываю я.

— Будет центурия! Совсем другое дело.

— И что же вы ответили ему? — спросил я.

— Зоя вперед меня успела... Дядя Абдулла, говорит, так ведь еще при царе Горохе было.

— И что же он?

Удивился:

— При каком таком царе Горохе?

— Да при том, который, наверное, еще в древнем Риме был.

— Здорово! — кивнул я. — Так и говорит — при царе Горохе?

— Если бы только это, — Конышев смеялся. — А то ведь что еще придумала... Может, говорит, нам у себя еще и децимации ввести заодно?..

Тут Абдулла и вовсе глаза округлил. Видать, не слышал никогда мудреного этого слова.

— Я тоже не слышал, — честно признался я. — И что Зоя?

— Зоя ему и объясняет: — Децимации, дядя Абдулла, это такое наказание в их войске. Они ведь каждому десятому воину за общую провинность голову рубили.

— Каждого десятого? — изумился Абдулла. — Это же, получается, из легиона — аж когорте голову снимали. Не накладно ли так с собственным добром обходиться?

— А им виднее! — это уже Зоя ему в ответ. — Вы, дядя Абдулла, про Спартака книгу прочтите — Джованьоли написал. Много красивых слов узнаете, почище децимаций...

— А ты уже читала?

— А как же! Пионеры имя Спартака носят, кому же еще читать про Спартака, как не им.

— И у тебя эта книга есть?

— Женя Баранова дала почитать.

Не обиделся Абдулла, что Зоя с ним так неуважительно обошлась.

Наоборот — к Жене подошел и попросил книгу...

Тут уж и я заволновался. Как же — роман «Спартак» мы читали по строжайшей очереди, и моя была уже близка. Но Конышев успокоил, сказав, что отныне Абдулла Исхак-заде торжественно записан в очередь и просто будет терпеливо ждать...

Ну, совсем другое дело. Так — не жалко.

Потом я нашел минуту, подошел к Зое и похвалил за то, что спуску не дала хозяйственнику — отстояла наши привычные имена, не дала променять звенья на центурии. А Зоя в ответ:

— Знаешь, почему я так на него рассердилась? Он к нам с папироской пришел и тут всю курил. А у нас, пионеров, какой обычай? Ведь в законах наших прямо сказано: курящий пионер — уже не пионер. Верно?.. Значит, он обычай наши не уважает, если при нас курит.

— А может, просто не знает? — предположил я. — Завхоз ведь...

— Все равно, — не уступала Зоя. — Раз комсомолец или пионер — не кури! Если, конечно, не дремучий какой-нибудь царь Горох.

...Так царь Горох за один день дважды подмигнул вам. И саксаул со станции подбросил, и диковинные наименования едва не навязал.

АЛЕКСЕЕВ ПРОТИВ АЛЕКСЕЕВА

Слово — не воробей. Тем более, что Боре Орлову мы дали не одно, а целых три слова: я, Вася Алексеев и Вера Нефедова. А это уже не воробей, а целая стая слов. И значит надо ехать в Каунчи, на хлопкомаслозавод.

Коньшев сказал:

— Задумано неплохо. Если удастся, организуйте при хлопкомаслозаводе пионерский отряд. Это как раз то, о чем Гани Муратбаев говорил.

В субботу и поехали. На заводе зашли в партком.

— Борис Орлов? — переспросили нас. — Доставим мигом. А активнейший комсомолец! После встречи с вами он нам тут все уши прожужжал...

— ...Приехали? — обрадовался Борис. — Очень хорошо. А мы уже ребят предупредили, скоро все соберутся. Дети рабочих... Я знал, что вы приедете!

В партком стремительно вошла девушка в спецовке.

— А вот и Ирина! — воскликнул Орлов. — Из комитета комсомола. Вместе будем отряд сколачивать.

Вскоре вошел в партком веселый круглолицый мужчина, радушно приветствовавший нас стальными рукопожатиями.

— Усман Юсупов, — представился он нам. — Из завкома я.

Борис добавил:

— Усман Юсупович будет нашим партприкрепленным. Словом, поможет отряду по партийной линии.

Между тем на заводском дворе собралось больше полусотни ребят — от семилетних малышей до солидных подростков.

— Да тут ведь не отряд, а два отряда надо организовывать! — воскликнул Вася Алексеев.

— Два так два! — улыбнулся Усман-ака. — У нас уже и вожатых двое имеются — Ира и Боря...

Так оно и вышло. Побеседовав с ребятами, рассказав им о первой Ташкентской дружине юных пионеров, не забыв, конечно, поведать и о борьбе юных разведчиков со скаутами и всякие другие факты из нашей недолгой истории, мы поделили собравшихся детей рабочих хлопкомаслозавода на два отряда. В первый вошли ребята помладше, вожатым отряда стал Борис Орлов. Второй отряд возглавила вожатая Ирина Браун. Было решено, что новорожденная дружина будет носить имя Михаила Ивановича Калинина.

— Мы ему об этом обязательно напишем! — пообещал Борис. — Сначала разрешения попросим — имя его носить.

Можно и масла бутылочку послать Михаилу Иванычу, — предложила Ирина. — Пусть увидит, как мы работаем.

— Не пойдет! — отклонил Борис. — Пионеры тут ни при чем. Вот если бы это было из урожая, который наши пионеры собрали — совсем другое дело. А так — неинтересно. И несправедливо.

Усман-ака рассудил иначе:

— Что — масло! Вот если бы дыню нашу каунчинскую послать товарищу Калинину... — Он глянул на Бориса Орлова и рассмеялся: — Но ведь ты сейчас скажешь, что в этом случае нужно завести пионерскую бахчу. Скажешь ведь?

— Конечно, скажу! — упрямо тряхнул чубом Борис. — Не станет товарищ Калинин нашу дыню есть, если узнает, что она куплена на базаре, а не нами выращена. Невкусной она ему покажется.

Молчавший до того наш Вася Алексеев воскликнул:

— А вы не торопитесь с письмом да с посылкой. Если не бахчу, так хотя бы одну пионерскую яблоню заведите. А будет урожай — яблочки пошлете Михаилу Ивановичу.

И тут Усман-ака возбужденно воздел руки:

— Есть сад, есть! Чего тут голову ломать — у Алексеева в саду и вырастим пионерскую посылку товарищу Калинину.

Мы рассмеялись. И чтобы Усман Юсупович не подумал плохо, я объяснил, указывая на Васю!

— Вот он у нас — Алексеев.

— Фамилия у него — Алексеев, — повторила Вера.

— Тоже Алексеев, — заулыбался Усман-ака. — Не-ет! Это я про другого. Алексеев — это бывший хозяин хлопкомаслозавода. И сад большой после него остался. Только вот работать в нем некому было — он и пришел в запустение. Что — доверим сад дружине? Потянут пионеры фруктовый сад?

— Потянут, Усман Юсупович! — обрадовался Боря. — Еще как потянут. Мы там такую посылку вырастим — ни в один вагон не влезет. Спасибо, Усман-ака!

— Не меня благодарите, — сказал Юсупов. — Алексеева вашего. Это он про яблочки придумал.

Усман-ака восторженно, лукаво подмигнул Васе.

— Слышь, Алексеев, а ты случайно не родственник нашему заводчику бывшему?

Вася испуганно отшатнулся.

— Вот еще! Пионер — и какому-то заводчику родственник. Делать мне, что ли, нечего!

— Из рабочих он, — ответил я за Васю. — У него батя паровозы в Москву водит. Машинист!

Усман-ака развел руками:

— Ну, тогда сдаюсь! Куда до него нашему бывшему Алексееву. Подумаешь — заводчик! Капиталистишко какой-то против Его величества Машиниста!..

Партприкрепленный Усман-ака понравился нам сразу. Веселым нравом, общительностью, постоянной заботой о заводском пионерском отряде он удивительно напоминал нам и нашего собственного партприкрепленного — папашу Николаева.

В штабе юных разведчиков папаша Николаев появился совсем недавно. Его к нам прислали из ташкентского горкома партии. Папаша Николаев был старым большевиком-подпольщиком.

Честно говоря, мы очень скоро перестали ощущать огромную разницу в возрасте. Папаша Николаев требовал, чтобы его звали на «ты», носил пионерский галстук, ходил с нами в походы, рассказывал о своих встречах с Лениным и никогда и намеком не давал понять, что мы ему «не ровня».

Таким был здесь, в Каунчи, и рабочий Усман-ака Юсупов — будущий Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана.

ПИОНЕРСКИЙ УГОЛЕК

Конечно же, это было просто совпадением, но мы все равно смеялись: «Кого бы еще в очередь поставить «Спартака» читать?! Выгодное, оказывается, дельце...»

Случилось вот что: на другой день после того, как у нас побывал Абдулла Исхак-заде, Конишеву сообщили, что нам выделено новое помещение для штаба — дом номер шесть по улице Пушкина. Это были роскошные апартаменты — целых две большие комнаты! Дворец — по сравнению с комнатенкой в клубе железнодорожников.

Не успели справить новоселье — еще новость: к нам приехал Гани Муратбаев — секретарь ЦК комсомола Туркестана. С любопытством разглядывали мы Гани — худощавого парня в кожаной куртке. Гордый высокий чуб упрямой волной катил на лоб.

Гани Муратбаев засыпал нас доброй сотней вопросов, по всему чувствовалось, что его живо интересуют дела первой дружины Туркеспублики. Мы рассказали Гани о наших стычках со скаутами и об экспедиции в Каунчи, о саксауле для интерната и о походе в Бостандык.

Гани и сам не остался в долгу, рассказал кучу интересных вещей: о своих встречах в Москве с вожаками комсомола — Петром Смородиным, Николаем Чаплиным, Александром Мильчаковым. Рассказал о IV съезде РКСМ, и еще — о боях с басмачами и о не менее жестоких боях с голодом и беспризорничеством.

Уже потом мы узнали от Виктора Конышева, что незадолго до приезда к нам Гани смело отправился в Самаркандскую область, где осмелевшие басмаческие шайки вынудили многие комсомольские ячейки уйти в подполье. Гани добыл в Самарканде лошадь и поскакал в Ура-Тюбинский район, где басмачи действовали особенно нагло. И вскоре там наметился перелом: благодаря пламенной агитации Гани Муратбаева в ряды красных конников стала активно вливаться местная молодежь...

Услышав наш рассказ о саксауле, Муратбаев похвалил:

— Молодцы! Проявили находчивость. Но учтите, друзья: вы ведь только один интернат выручили. А их у нас теперь в одном Ташкенте около двадцати! И всем нужна помощь, забота. А с саксаулом, кстати говоря, был в одном из интернатов совершенно дикий случай. Представляете: лавочник, нэпман чертов, наотрез отказался продать интернату саксаул.

— А саксаул был? — поинтересовался Алишер.

— Полный склад!

— Почему же нэпман отказался? Может, у них денег не было?

— Были деньги. Комиссия все как положено выделила. А лавочник уперся как баран: не продам, говорит, вора́м топливо — и все! Эти лавочники местный интернат на свой лад перекрестили. Меж собой назвали его притоном имени батьки Махно. Будто виноваты ребята, что мировая буря у них родителей отняла и на улицу швырнула...

— Ну и буржуй! — возмутился я. — Будто сам не вор! Знаем мы уже этих нэпманчиков — все под себя подгребают и на своем же добре как клушки сидят и квохчут. Попробуй только сунуться — живо клюнут.

Муратбаев рассмеялся:

— Живописная получается картина! И нарисована с правильных классовых позиций... Ну, так слушайте, что у них дальше было, — продолжал он. — Разозлил тот лавочник заведующего, вот он и велел своим ребятам немедленно выступить в поход. Окружили они склад и предъявили лавочнику

ультиматум: или продаст как положено, или так унесут, раз уж он открыто называет их ворами.

— И что же? — Алишер явно утерял всякое терпение.

— Живо деньги схватил, как увидел, что сейчас его дровишки уплывут!

— Жаль! — вздохнул Алишер. — Надо было хотя бы разок как следует наказать его.

— Ну, не скажи! — отозвался Муратбаев. — Торгаш этот потом с карнаем по городу ходил бы и вопил во всю глотку, что Советская власть у него саксаул отняла, по миру пустила. Таким только повод дай...

Но особенно оживился Муратбаев, слушая наш рассказ о поездке на хлопкомаслозавод в Каунчи.

— Просто замечательно! — сказал он. — Мы должны первый опыт распространять на местах, по всему Туркестану. И в первую очередь в рабочих центрах — на заводах, фабриках, промыслах. Один наш товарищ из Полторацка вернулся. Так там, рассказывает, уже есть один отряд. И тоже — юные разведчики, как и вы! Тут уж мы вскричали хором:

— Юра Чесноков! Наш Юра!

— Знаю, знаю! — заулыбался Муратбаев. — Как-никак сами его от вас оторвали и в Полторацк послали. Хорошо работает!.. Но это, друзья, город. Тоже город. А впереди — еще и кишлаки. Мы ведь и в кишлаки с барабаном и горном пойдем. Обязательно пойдем!.. Кстати, пора бы подумать и о первом пионерском отряде из коренного населения. Почему бы не попытаться создать такой отряд в Старом городе — да хотя бы при каком-нибудь интернате? Думаю, вам это было бы вполне по силам. Огромное сотворите дело, ребята! Это же, вы подумайте, будет самый первый на Востоке пионерский отряд!

Гани все более воодушевлялся и своей энергией заряжал нас.

Предложение его, и впрямь, было очень интересным. Но ведь в Старый город любого не пошлешь, тут нужны ребята, хорошо знающие узбекский язык. Алишер торжествовал, было ясно, что его кандидатура — вне всяких сомнений.

— Товарищ Муратбаев, я мог бы предложить хорошую кандидатуру, — сказал Коньшев. — Есть у нас толковый комсомолец — Сулейман Мамин. Он татарин, но узбекским языком владеет как родным. И пионерскую работу знает уже неплохо — он к нам недавно был прикреплен, от горкома.

— Очень хорошо! — одобрил Муратбаев. — Если ручаетесь за товарища — пусть работает. Есть у меня на примете один детдом — на Лабзаке, недалеко от Урды. Хорошие там ребята. Недавно они делегацию к нам в ЦК прислали с гневной петицией. Можно сказать — с протестом. — С протестом? — удивился Коньшев. — В ЦК с протестом?

— И молодцы, что пришли! — продолжал Муратбаев. — Вы послушайте, что они в своей петиции написали. Протестуем, пишут, против неправильного и оскорбительного для нас и для всей родной Советской власти позорного имени, которое носит наш дом. Не хотим мы больше называться приемником беспризорных, а просим присвоить нам новую фамилию: «Детский дом имени III Интернационала» — потому как родители наши — Советская власть и мировая революция. Вот как написали. Замечательные ребята! К ним и надо бы вам для начала заглянуть, пионерский уголек подобрать. Загорится уголек — вот увидите!.. А если вопросы возникнут — смело к нам обращайтесь — дело это громадной для нас важности. С малого и начнем. Потом, глядишь, и до паранджи доберемся. Верно говорю?..

ВПАДАЕТ ЛИ КУРКУЛЬДЮК В ТЕМЗУ?

Телеграмма из Каунчи пришла в комсомольскую ячейку Крasiовосточных мастерских. Принес ее нам в штаб Тимофей Котов.

Никогда раньше мы не получали телеграмм и поэтому немедленно принялись изучать и рассматривать диковинный текст на ленте, который ухитрились отбить нам наши подшефные с хлопкомаслозавода.

Текст телеграммы гласил:

**ПРИГЛАШАЕМ ЗАВТРА ДЕЛЕГАТОВ ВМЕСТЕ УЧАСТВОВАТЬ
ЛОДОЧНОМ ПОХОДЕ ПИОНЕРОВ РЕКЕ КУРКУЛЬДЮК ТЧК БОРИС
ОРЛОВ**

— А почему такая срочность? — удивлялся Алишер. — Неужели заранее не могли предупредить?

— А я догадываюсь, в чем тут дело! — сказала Зоя. — Наверное, у них лодок не было, вот они и не приглашали, чтобы не позориться, если поход вдруг сорвется.

— Ну и что же? — все еще недоумевал Алишер. - Не догадываешься? Да просто лодки они сегодня раздобыли — вот и зовут так срочно. А что — долго собраться в Каунчи-то?

Мы знали, что Куркульдюк — это река на окраине Каунчи. Она протекала там, где был сад заводчика Алексева и где ныне агрономами, поливальщиками, сборщиками урожая и вообще хозяевами стали пионеры дружины имени Калинина.

— Карту бы раздобыть! — размечтался Алишер. — Поглядеть бы, как он течет — этот самый Куркульдюк, и куда впадает.

— В Балтийское море! — усмехнулся я. — Или даже сразу в Темзу! По нему до Англии доплыть можно.

— Это ты Черновскому расскажи, — посоветовал Алишер. — Вот кого твои сказки про Темзу заинтересуют. Делать, что ли, Куркульдюку нечего — в буржуйскую Темзу впадать. Пусть лучше в нашу Сырдарью впадает.

После долгих споров отряд решил, что классовое чутье, конечно же, должно было подсказать Куркульдюку не флиртовать с такой глубоко буржуазной, чопорной и далекой от него рекой, как Темза, и что в лодочный поход с подшефными отправлюсь я и Вася Алексеев. Он к этому времени был уже вожатым отряда «Юный буденовец», который создал из ребят, учившихся в школе «Красный Октябрь».

Назавтра мы с Васей стояли у сходней, куда нас привел Борис Орлов — адмирал предстоящей навигации... У бережка Куркульдюка плескалась целая флотилия — девять лодок. Зеленая вода мягко покачивала лодки. Они упрямо дырявили заросший травой берег своими острыми деревянными клювами. На дно лодок легли рюкзаки с сахаром и крупой. Весла нетерпеливо позвякивали в уключинах, лодки будто разминали затекшие руки.

— Вот они — наши кисельные реки, молочные берега! — сказал Борис.

Пора трогаться в путь.

Мы с Васей сели в головную «адмиральскую» лодку. Прощальная песнь горластого горна огласила тенистый берег. Прощай, Каунчи! Твои первые пионеры штурмуют реку и летят по ней навстречу приключениям.

Лодки устремились вниз по течению. Грудь распирает восторг. В эти стартовые минуты все мы, конечно же, представляли себя бесстрашными покорителями неизвестных земель. Наш безобидный Куркульдюк казался нам сейчас, по меньшей мере, родным братом Амазонки или, на худой конец, племянником Миссисипи. Колдовские заросли тополей, джиды и тутовника на его берегах были сказочными и таинственными джунглями, откуда непременно должны прибежать к реке на водопой слоны, чтобы, завидя нас, вскинуть звонкие горны хоботов и протрубить привет. Нет, было бы напрасной затеей — убеждать нас в эти прекрасные минуты, что в Куркульдюке не водятся анаконды и даже нет злобных рыб пираний, способных в полчаса слопать зазевавшегося купальщика до скелета. Это просто оскорбило бы нас, дерзнувших оседлать резвую реку, чтобы прогарцевать на ней вниз.

Борис Орлов, как и подобает адмиралу, был вооружен составленной заранее картой. На нее были нанесены все селения, мимо которых бежал

Куркульдюк. На карте я увидел пометки цветными карандашами — различные селения были обведены зелеными или красными кружочками.

Против некоторых было нарисовано пламя костра или палатка.

— Что все это значит? — любопытствовал я.

Адмирал с готовностью объяснил:

— Костер — это где останавливаемся обедать. Палатка — это ночлег. Если кишлак обведен красным кружочком — значит здесь даем пионерский концерт. Если зеленым — помогаем собирать урожай. Мы эту карту целую неделю рисовали, о всех кишлаках, что вниз по течению, справки наводили. Я глянул в карту. Концерт грозил Сахарозаводу, селам Солдатское и Михайловское. Первым для оказания помощи на поле был обозначен кишлак Иски-Ташкент. Судя по карте, он был где-то в часике пути от Каунчи.

Впрочем, у реки оказались свои счеты со временем. Прошло часа три, прежде чем мы увидели на берегу стайку загоравших ребятишек, словно в нефть окунутых — до того за лето поджарились.

— Что за кишлак? — крикнул им наш адмирал.

— Иски-Ташкент, — отозвался нестройный хор пляжников.

СБОР ТРУБИЛ КАРНАЙ

Мы налегли на весла, нещадно колошматя реку и подгребая к берегу. Хорошо, что в Куркульдюке текла вода, а не молоко или сметана, а то ведь могли бы всю реку в масло сбить да еще и застрячь посреди шматка...

Нашему примеру последовала вся флотилия.

— Поздравляю с прибытием в порт Иски-Ташкент! — взволнованно провозгласил Борис Орлов. — Всем — закрепить лодки и высадиться на берег.

Лодки были резво вытащены на песчаную косу и, для пущей уверенности, привязаны длинными веревками к деревьям. Под водительством обрадованных кишлачных мальчишек мы строем отправились в сонный кишлак, издав его грохотом нашего барабана и радостным воплем горна.

Да что там мальчишки! Заслышав незнакомые звуки горна и барабана, из кибиток хлынул народ, оглядывая нас, как небывалую диковинку. И только секретарь кишлачной комсомольской ячейки — молодой парень в узбекском халате, перевязанном красным бельбогом *, радушно прижал руки к груди и сказал, выступая нам навстречу:

— Хуш келибсиз! Добро пожаловать, гости дорогие! — И добавил: — Вы — пионеры, да? Я знаю, что вы — пионеры. Из Ташкента, да?

— Вот они, — показал на нас с Васей Боря Орлов, — из Ташкента, верно. А мы из Каунчи, соседи ваши!

На Бориса смотрели с недоверием. Как же: Каунчи — это ведь совсем близко. Неужели оттуда?

Пришлось Борису лезть в карман и доставать документы. Вот ведь не верят! Не марсиане же к ним спустились по реке, а пионеры. Только документы и смогли убедить иски-ташкентцев.

— Чай будем пить! — сказал секретарь. — Давайте за мной, в чайхану.

— Не надо чаю! — отнекивался Орлов. — Мы ведь не чай пить приехали. Помочь вам хотим, с ребятами вашими подружиться.

— Вот в чайхане и подружитесь! — не отступал секретарь. — Не обижайте, соседи. От чая и от лепешки — грех отказываться с дороги. Там и поговорим.

С грохотом, с песней подошли мы к чайхане! Кишлячные аксакалы**, завидя нас, испуганно засуетились и стали один за другим покидать удобные тахты***, спешно ныряя ногами в оставленные у тахты кавуши. Нам стало неловко: вот ведь разорались — даже уважаемых стариков переполошили.

---

*Бельбог (узб.) — поясной платок, кушак.

**Аксакал (узб.) — буквально: белобородый старик, умудренный житейским опытом ветеран.

***Тахта (узб.) — деревянное возвышение для отдыха и трапезы.

Секретарь ячейки — его звали Махмудом — быстро объяснил аксакалам, кто мы. Впрочем, по их задумчиво сощуренным глазам я понял, что к бойкому рассказу Махмуда те отнеслись с большим недоверием. Больно много шума мы наделали. Да и сюда, к чайхане, катились такой грозной лавиной, будто всех аксакалов собирались в плен взять, или по меньшей мере, их драгоценные кавуши экспроприировать, босыми оставить.

Насилу удалось уговорить аксакалов вернуться на насиженные места...

А потом отовсюду понесли угощения — лепешки, яблоки, урюк, виноград — все, чем богат кишлак. Нам было неловко. Может, они последнее сейчас от себя отрывают, чтобы гостей пышно попотчевать. И не скажешь ведь — всерьез обидятся. Мы развязали рюкзаки и выставили «встречное угощение». Словом, вышел неплохой пир. Кишлячные ребятишки не сводили глаз с горна и барабана, с любопытством разглядывая наши галстуки. Секретарь ячейки радовался:

— Смотрите, как наши ребята загорелись! Нравятся им пионеры!

— А почему бы и нет! — воскликнул Боря. — Мы вот точно так же удивлялись, когда к нам из Ташкента пионеры пожаловали. Скажи, Георгий!

Я кивнул. А Вася Алексеев веско добавил:

— У нас сам Гани Муратбаев гостил недавно. Так он прямо так и сказал, что скоро во всех кишлаках пионеры будут.

— Во всех, сказал? — спешно переспросил Махмуд.

— Во всех! — подтвердил Вася.

— А чем наш кишлак хуже? — загорелся секретарь.

— Кто говорит, что хуже?

— Говоришь, не хуже? — ловя Орлова на слове, Махмуд заулыбался, — Раз, говоришь, не хуже — давай у нас отряд организуем. Пусть и в Иски-Ташкенте пионеры будут!

Мы обрадовались. Отчего не организовать? Это же просто замечательно! Еще и в старгородских махаллях* Ташкента отрядов толком нет, а в кишлаке уже будет. Вот Муратбаев обрадуется, если узнает...

---

*Махалля (узб.) — квартал.

Думая так, я в то же время мысленно ругал себя и своих ташкентских друзей. Как же — ведь это мы, как сонные тетери, дальше своего отряда толком не высовываемся, а каунчинцы за время похода, похоже, во всех кишлаках вниз по Куркульдюку пионерские отряды организуют. Вот молодцы! Не то что мы...

— А кто у вас вступит в отряд? — оживился Орлов.

— Сейчас спросим, — с готовностью отозвался Махмуд и что-то спросил по-узбекски у сгрудившихся у нашей тахты кишлачных ребят. Тут все разом загалдели, тыча себя рукой в грудь.

— Вот видите — все хотят! — заулыбался довольный Махмуд.

— А что ты им сейчас сказал? — поинтересовался Борис. — Только честно... — Я спросил их, кто хочет носить такие же красные платки, как у вас.

— Это — галстуки, — поправил Борис. — И притом ты неправ. В пионеры вступают не из-за них только. И вообще — нечего в пионеры калачами да пряниками заманивать, неправильно это! Ты, Махмуд, объясни им, кто такие пионеры. Пионеры ведь не просто галстуки носят. Они за новую жизнь насмерть дерутся. Чтобы на всем земном шаре хорошо жилось рабочим и дехканам. А наряды модные носить — это только дамочки буржуазные любят, а пионеры тут ни при чем! Так и скажи!

Ну, про дамочек, допустим, Боря и перегнул — не поймут они просто про дамочек, отродясь таких в кишлаке не видали. Но в целом — верно. Может, им

еще и зарплату обещать, и путешествие в Африку?.. Впрочем, Махмуд переводить эти слова все равно не стал — сам понял, что это сказано так, в шутку. В смысле — почти в шутку...

От слов перешли к делу. Мы выстроили ребят, пожелавших вступить в отряд и вручили отряду флаг. А потом — учили их ходить в строю.

— А галстуки мы сами сделаем, — пообещал Махмуд. — Придумаем что-нибудь. Только с барабаном трудно. И с горном. Где возьмешь?.. В Ташкент надо ехать.

И тут один из кишлачных мальчишек по имени Хаким выступил из строя и, сдернув с головы тюбетейку, стал что-то горячо доказывать Махмуду. Махмуд слушал, беспрестанно покачивая головой. Судя по тому, как потемнело его лицо, было видно, что ему неприятны слова Хакима.

Наконец, Махмуд не выдержал:

— Вот вы только послушайте, что он предлагает... Говорит, давайте, пока нет у нас своего горна, будем дуть в карнай*.

— В карнай? — удивленно воскликнул Борис. — А у вас есть карнай?

— Есть. Он от Ахмада-байваччи** остался. Сам-то он с папашей своим недавно улизнул неизвестно куда. Люди говорят — далеко ушел, за кордон. Не смог смириться с новой жизнью. Она ему — как плов без жира — горло дерет. А домишко — с гаремом и карнаем — здесь бросил. Они теперь национализированы. В смысле — дом и карнай...

— Ну и прекрасно! — воскликнул Боря. — Пусть будет у отряда для начала карнай! Вполне сойдет. Он как шесть горнов сразу ревет. С ним — не отряд, а пионеров всей страны водить в строю можно.

Махмуд холодно глянул на Бориса и во взгляде его я на какой-то миг увидел и удивление, и возмущение — одновременно.

— Странно вы говорите, — сердито сказал Махмуд. — Карнай ведь — байский. Он Ахмаду-байвачче слух тут услаждал, на тоях*** заливался.

---

*Карнай — длинная медная труба. Карнай скликает народ на торжество.

**Байвачча (узб.) — сын бая.

*** Той (узб.) — пир, праздник.

Он, можно сказать, байским слугой был. Не дехканский это инструмент, нельзя пионерам на байских карнаях играть. Я так думаю, что это будет политической ошибкой!

— Вот те и раз! — присвистнул удивленный Орлов. Да и мы с Алексеевым не удержались — заулыбались. Как же, послушать Махмуда, так этот самый карнай, брошенный на произвол судьбы удравшим байчиком, нужно и вовсе под трибунал отдать...

Между тем Махмуд, уверенный в своей правоте, ждал ответа.

— Значит, говоришь, карнай — это политически вредный инструмент? — начал наступление Орлов. — Так-так... Скажи, Махмуд, а что вы сделали с домом Ахмада-байваччи?

— Как это — что? — удивился Махмуд. — Клуб мы в нем открыли.

— А земли у него были — сад, огород?

— Еще какие! Столько танапов*, что и в голове не удержишь. Почти вся земля здесь его была.

— И что теперь там? — не унимался Борис.

— Дехканам досталась земля. Кормит она кишлак.

— Странные ты говоришь, вещи, Махмуд! — продолжал Орлов. — Если следовать твоей логике, то дом бая надо было кетменями развалить, а земли дурманом засеять да камнями забросать. Так ведь?

— Как это — камнями? — испугался Махмуд. — Землю — камнями?!

— Вот именно! Она же тоже — байская. Значит, получается, и к ней нельзя прикасаться, как к карнай. Верно говорю?

**Танап (узб.) — мера земельной площади.*

Махмуд изумленно глядел на Бориса, не понимая, почему он вообще затеял этот странный разговор. Борис же, видя, что Махмуд явно загнан в угол, заключил: — Вот я, Махмуд, и говорю: не виновен карнай, что на байских пирах радостью захлебывался. Он для радости и создан. А как поет! Ведь любое дело бросишь и побежишь, как карнай заслышишь. Не было в батрацких кибитках радости — вот и не пел у них кариай. А теперь всё ведь по-другому будет. Пора теперь народу в счастье и радости жить. А пионеры... Это же радость для кишлака! Они же сами как карнай — уже одним своим появлением трубят о новой жизни. Вот пусть и будет карнай вместо горна.

Очень даже правильно будет. Разве не так?

Борис обернулся к нам с Васей.

— И вы скажите, ребята! Разве я не прав?

И тогда я сказал:

— Борис правильно говорит про карнай. Верно, раньше он баю пел... А теперь пусть народу поет!.. Вон — «Аврора». Крейсер наш революционный!.. Он ведь тоже сначала царский был, буржуйский. А потом как на буржуев гаркнул — живо всех распугал! А какая у него пушка — что твой карнай против «Авроры»?! Она на весь мир, считай, протрубила, всех рабочих, всех дехкан разбудила и на бой за народное счастье позвала!..

Против Авроры» устоять было трудно. Особенно когда я ее орудие с карнаем сопоставил... Махмуд заколебался.

— Думаете... можно?..

— Уверен! — подтвердил Борис.

— Не сомневайтесь, Махмуд! — добавил я. Кивнул и Вася.

— А где он — карнай ваш? — поинтересовался Борис.

— Да там же... У бая... В смысле — в клубе... На чердак мы его положили.

— На чердаке? — удивился Борис и тут же спохватился: — Ах, да, конечно... Ведь — байский прихвостень он был, по-вашему. Где ж ему, как не на чердаке... Достать бы надо его теперь.

— Достанем... Сейчас пойдем и достанем! — пообещал Махмуд. — Только вот... — он вдруг умолк.

— Что еще? — насторожился Орлов.

Играть на нем, говорю, кто будет? Сложное это дело — в карнай дуть.

— Точно! — подтвердил я. — Очень трудно. У нас в Ак-тепа был один карнайчи — Базар-ака его звали. Когда в карнай дул — шея вспухала, а лицо кровью наливалось. Зато весь кишлак на карнай сбегался, а эхо... эхо об горы вдребезги разбивалось. Точно говорю!

— Куда уж точнее! — кивнул Вася, едва заметно улыбаясь. — Кто не верит — пусть к тем горам сбегает. Там осколки от того карнайского эха до сих пор валяются. И вообще, если археологи к той горе через миллион лет придут — по черепкам от эха запросто рев этого карная восстановят...

Ясно, — издевается.

Я смолчал. Пусть веселится, если не лень... А вот вопрос Махмуд поставил нешуточный. Не станешь ведь принимать в пионеры взрослого карнайчи — лишь бы он им сбор трубил. Сложная задача.

Но тут вновь рванулся доказывать свое все тот же неугомонный Хаким, что первым про карнай заговорил. Он сказал, что есть у них в кишлаке мальчишка, который иного карнайчи и за бельбог запросто заткнет. Только вот захочет ли он в пионеры?

— Это который мальчишка? — сощурился Махмуд. — Чей сын?

— Да ничей! — рассказывал Хаким. — Помните, он с Мирсаидом-бобо откуда-то приехал, а потом у Ахмада-байваччи жил? Работал он у него, и на карнае тоже играл. Здорово он играл. Где только научился?..

— Погоди! — загорелся Махмуд. — А где он сейчас?

— У домуллы живет.

— Что-то не видно его... — удивился Махмуд. — Он из кибитки выходит когда-нибудь?

— Редко очень. Его домулла не пускает. Даже на речку...

— Ну вот, — огорчился Махмуд. — Если на речку не пускает — к карнаю и вовсе не подпустит.

— А как звать-то хоть знаете? Хаким пожал плечами.

— А толком никто не знает. У нас его все называют Ок Туя.

— Белый верблюд? — удивился Махмуд. — А почему?

Я насторожился. Белый верблюд?! Ничего себе! Что все это значит?

Хаким объяснил:

— Рассказывает, что в его родном кишлаке живет какой-то волшебный Белый верблюд. Чуть что — обещает, что, когда вернется домой, обязательно все расскажет своему верблюду — и хорошее, и плохое. Вот мы его и прозвали так... Белым верблюдом.

Тут уж я, понятно, не стерпел:

— Где он, ваш Белый, верблюд? Дорогу покажите! Скорее!

Хаким предложил:

— Хотите поведу. Я знаю.

Я возбужденно шепнул Алексееву, с трудом сдерживая радость:

— Айда со мной!.. Это знаешь кто?

Алексеев с удивлением уставился на меня:

— Почему я знаю — кто.

Не догадываешься? — ликовал я. — Я ведь вам тыщу раз рассказывал.

Вася пожимал плечами:

— Ну скажи же, не томи!

— Пойдем-пойдем! — торопил я. — Сейчас увидишь! А я уже знаю. Я его целый год ищу. А он — вот он, оказывается, где.

Хаким быстро вел нас узенькой тропкой к дому кишлачного домуллы.

— Представляешь! — лихорадочно объяснял я Васе на ходу. — Опять домулла. Ему дико на них везет! Это уже второй.

— Вот! — показал наконец Хаким. — Здесь.

Он привел нас к, хлеву, из которого доносилось унылое мычание.

— Здесь? — удивился я. — Куда ты нас привел? Разве здесь живет ваш домулла?

Ну да! — рассмеялся Хаким. — Домулла — вон там живет, — и показал на высокий и просторный дом неподалеку, увенчанный балаханой*.

---

*Балахана (узб.) — верхняя пристройка на жилище.

— А что же здесь? — меня начинала злить непонятливость Хакима.

— Как это — что. Разве сами не видите — коровник. И, сложив ладони рупором, Хаким прокричал:

— Ок Туя! Эй, Ок Туя! Выходи!

Из коровника донесся недовольный голос:

— Кто там кричит?

— Выходи, Ок Туя! К тебе тут пришли. Дело есть одно.

— Сейчас.

— Пошли сами! — предложил я.

Мы осторожно шли по извилистому броду среди свежих коровьих лепешек. Из темной двери коровника веяло сыростью.

— Ну, где же ты?! — наш провожатый Хаким, похоже, начинал терять терпение. Наконец откуда-то со дна длинного мешка коровника появилась сердитая фигурка.

— Бахтияр! Конечно же, он!

Я сразу же узнал друга.

Это был он. Белый верблюд... Ясно же, что это мог быть только Бахтияр! Вот так встреча... Вот так Куркульдюк...

Я бросился к Бахтияру, все еще не узнававшему меня, - и не мудрено, в темноте коровника можно было и корову принять за верблюда.

— Бахтияр! — воскликнул я и бросился обнимать друга. — Ты нашелся! Нашелся наконец! Бахтияр, это я!.. Я!..

Бахтияр дрогнул:

— Ты... Это ты, Джурабай?

— Ну, чудак! — тормошил я его и, схватив за руку, потащил к выходу: — Идем отсюда на свет!.. На свет идем! Ну ты даешь! Я тебя целый год ищу, а ты и узнавать не хочешь.

Не знаю, куда там впадал Куркульдюк, но только мы с Бахтияром надолго впали в объятия друг друга, повергнув в изумление Хакима с Васей.

Чуточку поостыв вскоре и переведа дух, я смог наконец толком разглядеть Бахтияра. Почерневшее лицо. Лохмотья знакомой мне прошлогодней одежки. Грязные босые ноги... В точь каким был и я на Пьян-базаре.

— Так вот ты где, оказывается, Белый верблюд! — похлопал я Бахтияра по плечу. — А то ведь как в воду канул.

Я обернулся к Васе с Хасаном:

— Мы, понимаешь, на недельку расстались, а он и вовсе исчез, будто шапку-невидимку надел.

Бахтияр с изумлением оглядывал меня. Потрогал галстук. Сказал с опаской:

— А что же ты?..

— Теперь я пионер.

— Пи-а-нер? — переспросил Бахтияр.

Я махнул рукой:

— Ладно, об этом потом. Долго объяснять. Это длинная история. Ты мне лучше расскажи, что с тобой случилось? Пропал куда? Знаешь, как я тебя ждал... Думал... Думал, что ты сам решил не возвращаться — на бахче остаться у того старика. Помнишь, на Пьян-базаре?

Бахтияр кивнул. Опустил голову.

— Помню, конечно... Мирсаид-бобо. Только помер он вскоре... Добрый он был старик. Простудился и помер.

— Чего ж в Ташкент не вернулся? Я ведь ждал тебя. Договорились ведь...

— Не мог я. Понимаешь, не мог.

— Как это — не мог? — недоумевал я. — Дорогу, что ли, забыл?

— Не забыл я дорогу. Но только... Долг у него большой был. Он должен остался Ахмаду-байвачче... Бай тогда еще здесь жил. Вот Ахмад-байвачча и сказал, что в счет долга заберет кибитку Мирсаида-бобо и его бахчу. А в кибитке старуха его жила. Совсем одна она. Старенькая. Куда ей деться?.. Ну, и пошел я тогда к Ахмаду-байвачче: нельзя забирать кибитку. Он послушал меня и говорит: хорошо, говорит, оставлю твою каргу в покое, если ты у меня поживешь с годик да поработаешь немного. Ну, я и пошел...

— На бая работать? — ахнул я. Бахтияр кивнул:

— Куда же старуху?.. Выгнал бы ведь... Долг у них большой...

— И долго работал?

— Да с месяц будет, не больше. Потом он меня домулле продал!

— Продал? — я не поверил своим ушам. — Ты сказал — продал? Это как же так?

— А так! — Бахтияр говорил спокойно, будто о чем-то постороннем, не имеющим к нему особого отношения.

— Я же говорю — продал. За мешок кукурузы и одного тощего барана.

— А ты откуда знаешь... что продал? — не унимался я. — Ты ведь не саксаул и не лепешка, чтобы тебя продавать. Ты ведь... Бахтияр!

— А мне об этом сам домулла сказал, когда сюда к себе привел и объяснил, чего от меня хочет. Так и сказал: хорошо работай, я за тебя мешка кукурузы и самого жирного барана не пожалел.

— В коровник привел?

— Ну да... Здесь и живу.

Я удивился Бахтияру... Ну ладно. Допустим, он пожалел старуху Мирсаида-бобо и, чтобы спасти его избушку, к баю пошел. Но зачем на домуллу батрачить, да еще когда знаешь, что тебя продали, как дыню на базаре?

Бахтияр объяснил:

— Понимаешь, домулла сказал, что возьмет меня в ученики. Сказал, что он самый ученый домулла в уезде и всему меня научит.

— А ты сразу и уши развесил! — упрекнул я Бах-тияра. — Забыл, что ли, как в Ак-тепа из тебя профессора делал этот... Как его... Ну, у которого фамилия концом в Мекку упирается?*

— Домулла Хайдаралиходжа, что ли?

---

* *Приставка «ходжа» на конце имени указывает, что мусульманин совершил хадж — путешествие в мусульманскую святыню — Мекку.*

— Он самый! Неужели его одного тебе мало было?

— Я... Я думал, что этот лучше будет. Уж больно убедительно клялся.

— И чему же выучил? Кроме коровника...

— Я уже целую страницу сам прочел! — похвастался Бахтияр. — Из «Хафтияка»!

— Страницу, говоришь? А много в нем таких страниц?

— Много. Наверно, сто будет. А может, и меньше.

— Неплохо! — усмехнулся я. — Значит, на сто лет вперед хватит. Если такими же темпами... Вот у нас в Ташкенте, в школе Шумилова — вот это да. И без всяких «Хафтияков».

— Что, такой домулла хороший?

Я рассмеялся.

— Домулла!.. Скажешь тоже. Учителя там, а не домулла. Хотя, впрочем, есть одна.

Я усмехнулся, вспомнив, как уговаривала директора не пускать нас в Бостандык «контра с дореволюционным стажем».

— Женщина? — недоверчиво покосился на меня Бахтияр. — Домулла — женщина? Разве так бывает?

— Точно так! — подтвердил я. — Аделаида Фоминична. У нее недавно на шкафу в классе комиссия даже Закон божий нашла. У себя хранила. На память...

— Закон божий? — задумался Бахтияр. — Что за книга?

— Да все равно, что твой «Хафтйяк». Ладно, пошли с нами скорее.

— Куда? — Бахтияр метнул на меня пугливый взгляд.

К нам, куда же еще. Тебя весь отряд ждет. А потом вместе поплывем по Куркульдюку. Хочешь?

— Как же я коровник оставлю? Домулла заругает.

— Так пойдем к нему, живо все твоему домулле растолкуем.

— Нет его. Он утром уехал, сказал, что только завтра вернется.

Меня начинала бесить робость Бахтияра. Ну прямо подменили человека.

— Сначала — виноградник, сейчас — коровник... Неужели не надоело на буржуев работать? Ты же учиться хотел.

— Учусь ведь... — уклончиво протянул Бахтияр. — Я уже целую страницу...

— Слышал, слышал про твою страницу! — закричал я. — А вот так ты изучаешь знаки препинания, да? — я показал на коровьи лепешки, щедро расставленные запятыми да точками по странице загона. — Пошли скорее — там потолкуем.

Я удивился Бахтияру и одновременно встревожился за него. Он был будто заколдованный какой-то. Где в нем тот порывистый, решительный Бахтияр, каким я знал его в Ак-тепа? Бахтияра будто подменили. Что с ним сделал домулла? Удивительно...

Я тронул Хакима за локоть.

— Слушай, а много ребят к домулле вашему ходят?

— Десять ходят.

И все коров пасут?

— Почему — все? Некоторые — баранов. И на бахче...

— Большая разница! — ухмыльнулся я.

Когда мы пошли к чайхане, здесь уже был и доставленный с чердака карнай. Махмуд успел протереть его, и сейчас длиннорылый желтый карнай отсвечивал тысячью бликов — будто Куркульдюк, когда из тьмы нависших над ним деревьев он вырывался на солнечный простор.

— Сыграешь? — спросил я Бахтияра, кивая на карнай. Говорят, ты здесь у Ахмада-байваччи играл на тоях.*

---

*Свадьбой-тоем на Востоке именуется не только бракосочетание, но и иное торжество.

— Играл несколько раз, — подтвердил Бахтияр. — У него каждый раз какая-нибудь свадьба была. Пришлось вспомнить, чему отец учил.

— Видишь, Бахтияр, — показал я на собравшихся здесь ребят. — Все тебя просят. Сыграй.

Бахтияр пожал плечами. Пожалуйста, мол. Жалко, что ли? Махмуд протянул Бахтияру карнай, держа его обеими руками. Я подумал вдруг, что этот длиннющий карнай здорово пригодился бы нашему канатоходцу Алишеру. С ним запросто можно по канату ходить — для равновесия. Вон какой дылда-карнай.

Бахтияр между тем прикладывался губами к трубе. Он, конечно же, не мог один держать карнай. Мигнул мне:

— Джурабай, ты стань впереди и конец карная на плечо положи.

Тяжело ведь мне. Одному мне его не удержать.

Я с готовностью положил жерло карная на плечо и на всякий случай заткнул уши пальцами. И не напрасно. Из жерла выстрелил рев. Ребята радостно загалдели. Бахтияр, не жалея легких, губ и щек, оглашал кишлак призывными трубными звуками карная. Дехкане, слушая карнай, переглядывались и одобрительно цокали.

— Стройся! — скомандовал Махмуд. — Пионерский отряд кишлака Иски-Ташкеит, стройся!

Ребята ринулись в строй, неловко наступая друг другу на ноги и толкаясь локтями. Когда строй наконец утомился, Борис Орлов сказал:

— Неплохо... Для начала... А теперь давайте попробуем с горном. То есть — с карнаем. Бахтияр, давай вперед. Горнист ведь первым идет.

Я пошел вместе с Бахтияром — иначе он не смог бы ни нести свой двухметровый карнаище, ни тем более трубить. Даже нелепо получилось: впереди отряда был не карнайчи, а самый настоящий хаммал. Грузчик, то бишь, принявший на плечо вес рослого карная. Но что тут поделаешь? Не научишь ведь стаю воробьев карнай в клювах нести, когда Бахтияр в него дует.

— Ша-агом марш! — скомандовал Махмуд, и тотчас Бахтияр заиграл веселую гортанную мелодию. Мы вышагивали по проселку — нестройно, вразнобой, взметая тучи пыли. А каунчинские пионеры, поменявшись вдруг

ролями с иски-ташкентцами, радостно и изумленно бежали за отрядом — ну в точь как буквально за несколько часов до этого кишлачные ребята сопровождали их самих. Дойдя до реки, мы повернули обратно. И все это время Бахтияр услаждал нас песней разбуженного им карная.

Махмуд не скрывал радости, приговаривая то и дело:

— Вот здорово! Получается!.. Получается!..

— Да, очень здорово получается, — сердито сказал я. — Бахтияр в коровнике жил, а вы даже не знали. Что ж он, не человек, что ли?

Махмуд изменился в лице, помрачнел. Потом вздохнул:

— Моя вина. Недоглядел... Он, домулла этот, хитрый очень. Как на людях — так обнимает Бахтияра и ласковые слова говорит. «Сынок», говорит. Даже и подумать не мог, что в коровнике живет. Моя вина... Впрочем, однажды говорили мы, что надо бы поглядеть, как домулла сынов воспитывает. Удивил он нас тогда.

— А что случилось-то?

— Да такое придумал, что и не поверите.

— А мы поверим.

— Ну так слушайте. Пришел он в кишлачный совет и стал просить деньги и продукты. Мы удивились: если уж домулле нашему надо продуктами помогать, то другим и вовсе помирать пора.

— Зачем, спрашиваем, продукты?

— А мы, — говорит, — хотим отпраздновать с учениками в нашем мактабе день рождения пророка Магомета!

Вот ведь куда хватил! Пришел к Советской власти, чтобы помогла ему пророка поздравить с днем ангела. Махмуд снова вздохнул:

— Моя вина. Недоглядел...

— Ладно уж, чего казниться, — сказал я. — Дело прошлое, теперь Бахтияр с нами поедет, в Ташкенте будет жить.

— В Ташкенте? — заволновался Махмуд. — А как же... Кто будет в карнай дуть, если уедет Бахтияр?

— Пусть кто-нибудь научится, — подсказал Борис Орлов. — Да хотя бы ты сам — для начала. А потом, когда горн добудете — уж легче будет. Вы к нам на завод приезжайте, придумаем что-нибудь.

— Хорошо! — обрадовался Махмуд. — Обязательно приеду. Только вот... Получится ли у меня на карнае? Никогда не пробовал...

— Ничего страшного, — улыбнулся Борис. — Карнай, он тоже никогда плов не пробовал. И, как видишь — не переживает, сияет себе, довольный... Давай, пробуй, пока Бахтияр здесь.

Махмуд неуверенно приблизился к кариаю, опасливо глядя на могучее медное жерло.

— Вы не бойтесь! — успокоил его Бахтияр. — Это совсем не трудно.

Махмуд приблизил губы, напрягся и... карнай робко кашлянул.

— Ничего! — успокоил Бахтияр. — Получится. Это только сначала трудно.

Махмуд пробовал снова и снова. Скоро начала робко проклевываться какая-то мелодия. Махмуд сиял.

— Я же говорил! — торжествовал Бахтияр. — Получится! Я сам сначала боялся. А потом ничего — привык...

Мы поставили палатки. Решено было, что отряд останется здесь еще на день, а потом отправится дальше — вниз по течению. Мы же с Бахтияром утром возвратимся в Ташкент. Так сам Бахтияр решил.

— Домулла здесь такой шустрый, что и в погоню может пуститься. — сказал Бахтияр. — Догонит и скажет: ладно, забирайте Бахтияра, но верните мне тогда мешок кукурузы и жирного барана! Обязательно догонит! Поэтому надо в другую сторону бежать. Вот пусть он лодки и догоняет! А мы в это время уже далеко будем, и совсем в другом месте.

— Это точно! — виновато кивнул Махмуд. — Своего он так легко не уступит...

Что ж, я радовался идее Бахтияра немедля отправиться в Ташкент. А еще больше — тому, что к Бахтияру, похоже, потихоньку начинало возвращаться желание принадлежать самому себе.

Правда, было чуточку жаль, что чудесное путешествие по реке, так великолепно начавшись, продолжалось для меня лишь три часа и что я так и не узнаю, куда впадает Куркульдюк.

Впрочем, почему это не узнаю! Вся-то Алексеев дальше со всеми поплывет. Вот он и расскажет, когда вернется. И догнал ли их domuлла — тоже расскажет.

Ранним утром, когда каунчинский горнист собирался уже было трубить подъем, я придержал его за локоть и мигнул Бахтияру:

— А ну-ка, давай проверим — сладко ли спят наши друзья иски-ташкентцы! Возьми карнай!

Бахтияр с готовностью прильнул к карнаю, и тотчас ликующая мелодия поплыла над кишлаком. Проснулись и отозвались птицы, завозившись и переругиваясь в кронах деревьев. И — отовсюду примчались босоногие мальчишки.

И встали в строй...

«ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ БАХТИЯР»

Конечно же, Иван Андреевич не возражал: пускай Бахтияр поживет у нас. Тем более, что я ему уже давно все уши прожужжал, рассказывая о Бахтияре, о наших приключениях в Ак-тепа и на Пьян-базаре. Так что, еще и не видя Бахтияра, дядя Ваня уже хорошо знал его.

— Нашелся, значит? — посмеивался дядя Ваня, оглядывая Бахтияра. — Ну и молодец! Жорка изошелся весь, за тебя переживая. Рад!.. Рад!..

Хорошо принял Бахтияра и наш отряд. Особенно тесно сдружился Бахтияр с Алишером.

Недельки через две собрался Сулейман Мамин на Лабзак, в детский дом имени III Интернационала, о котором нам, помнится, рассказывал Гани Муратбаев. Мы, конечно же, не забыли важного задания, которое дал нам Муратбаев в тот свой приход к нам. Нужно было создать пионерский отряд в Старогородском районе Ташкента.

И тут Бахтияр, всегда отличавшийся умением выращивать в своей голове идеи, загорелся не на шутку:

— Давайте и я туда пойду!

Идея, родившись у Бахтияра, мгновенно обросла сотней предложений — так слепленный в ладошках крохотный снежок, если его покатить по засыпанной снегом полянке, разрастается, разбухает и скоро становится больше размерами и того, кто еще недавно слепил снежок — робкое зернышко могучего сугроба.

Сулейман Мамин — парень, начиненный взрывчаткой, которая неизвестно в какой момент шархнет — загорелся мгновенно:

— Пойдешь со мной? Хорошо!.. А хочешь, мы тебя туда поселим — в этот детдом. Будешь наш посол.

— Чрезвычайный и полномочный! — не преминул вставить Кояышев.

— И тогда нам будет легче выполнить задание товарища Муратбаева!
— продолжал Сулейман.

— Погодите! — воскликнул я. — Ведь это у нас уже было однажды!

— Что было? — удивился Сулейман.

— Был у нас уже один такой... Чрезвычайный посол. Марко Гаркушенко! Он у скаутов послом нашим был. Только они, конечно, об этом не знали.

— Ну вот! — обрадовался Сулейман. — Значит, у нас уже и опыт кое-какой имеется. Был у нас чрезвычайный посол Марко, а теперь будет чрезвычайный... Бахтияр. Ты-то сам как? — обернулся Сулейман к Бахтияру.

— С радостью пойду! — подтвердил Бахтияр. — Говорю ж...

Будто не сам Бахтияр первым эту идею слепил. Сугроб Сулеймана начинал затмевать снежок.

Виктор Конышев и Саша Гаркушенко долго и детально говорили с нашими послами — Сулейманом и Бахтияром — о том, что им предстоит сделать в детском доме на Лабзаке. Когда они уходили, я подмигнул Бахтияру:

— Ты на чердак не забудь слазить, на балахану. Может, и там карнайчик байский завалялся. Пригодится!..

— Непременно завалялся! — усмехнулся Бахтияр. — Никак нельзя баю без карная.

— Вот и сыщи там его. Он теперь не байский. Он теперь — наш, пролетарский. А на пролетарский карнай весь рабочий мир соберется. Так и знай...

«МЫ ПУТЬ ЗЕМЛЕ УКАЖЕМ НОВЫЙ!»

Приближался восьмой международный юношеский день — 1 сентября 1922 года.

В нашем новом штабе вовсю кипела работа — рисовались плакаты, лозунги, стенгазеты. Подготовка к МЮДу шла полным ходом.

Конышев ходил взволнованный, вникал во все дела и, судя по всему, хранил в себе какую-то тайну.

Мы подготовили для парада на Соборной площади несколько плакатов, объявив за две недели до этого конкурс на лучший текст. Условие было таким: чей текст победит — тот и понесет плакат. Победители торжествовали. Из добрых ста предложений было отобрано шесть. Первый гласил:

«МЫ ИДЕМ НА СМЕНУ УСТАВШИМ ВЕТЕРАНАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

Второй:

«ДЫМ ТРУБ — ДЫХАНИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ».

Третий:

«НЕ РОЗЫ ХОЛЕННЫЕ — ШИПОВНИЧКИ ПРОСТЫЕ, НО ПЫШНО МЫ РАСПУСТИМСЯ, НАУКОЙ ПРИВИТЫЕ».

Следующий:

«МЫ ПУТЬ ЗЕМЛЕ УКАЖЕМ НОВЫЙ, ВЛАДЫКОЙ МИРА СТАНЕТ ТРУД».

Пятый был покороче, его изобрел Алишер:

«ПОЗАДИ НАС — ВЕЧНАЯ НОЧЬ!»

Шестой предложил Конышев:

«НАМ, ДЕТЯМ, ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕЕ!»

И только накануне праздника Конышев открыл секрет.

— Завтра, — сказал он, — нам вручат на площади знамя от ЦК комсомола Туркестана!

Вот так новость! Ну и Виктор — ведь давно знал, а все равно в тайне хранил.

— Вот здесь, — сказал Виктор, показывая листовку, текст торжественного обещания. — Надо нам его выучить наизусть.

С волнением читали мы торжественное обещание:

«В восьмой международный юношеский день мы, юные разведчики, даем торжественное обещание, что будем исполнять свой долг перед властью трудящихся, приносить ежедневно пользу на благо мировой революции и исполнять законы, заповеди и обычаи юных разведчиков».

Мы быстро переписали текст обещания и углубились в него.

В семь часов утра первого сентября мы собрались на вокзальной площади, где представители райкома раздали всем нам значки и банты.

Сюда стекалась молодежь железнодорожного района. Гулкой колонной двинулись мы на Соборную площадь — центр праздника. Здесь уже стояли фронтом курсанты войск ГПУ, спортсмены, красные коммунары. С великим изумлением увидели мы здесь и скаутский отряд во главе с Черновским.

— Гляди, как принарядились! — шепнул мне Алишер. — Видать, с вечера место на площади заняли.

И кто их только сюда звал?..

Скауты стояли в шеренге Всевобуча.* Завидя нас, скауты стали переглядываться.

---

*Всевобуч — Управление по проведению всеобщего военного обучения граждан СССР.

Девять часов.

Тревожно запели трубы. Площадь забурлила, закипела отрывистыми командами.

И — разом упала тишина.

И в тишине зацокали копыта. Двое военных объезжали строй курсантов. Среди них был сейчас наш Саша Гаркушенко.

Я скосил глаза на стоящего рядом Конышева, шепнул:

— Кто это?

— Который справа — Белов, помощник командующего ТуркВО, а рядом — Пузырев, начальник ташкентского гарнизона. Он сегодня парадом командует.

На приветствия курсантские роты отзывались громовым «Ура!»

Белов с Пузыревым приближались к нам. Будто стальная пружина сжала нас — мы подобрались, застыли.

— Приветствую красных юных разведчиков, молодую революционную рать Советской России! — громко выкрикнул Белов, и мы обрадованно отозвались как и курсанты:

— Ура!.. Ур-р-ра!.. Ур-ра-а-а!..

— Сейчас Наум Матусов говорить будет, — шепнул нам Конышев. — Приготовиться...

— А кто он? — не удержался я.

— Знать надо вождей, Жорка! — сердито выговорил Виктор, — Матусов — из Средазбюро комсомола.

Конышев, похоже, хорошо знал порядок проведения праздника. Потому что действительно выступил Матусов. Правой рукой он сжимал древко знамени. В голосе его чувствовалось волнение.

— Юные разведчики! — сказал Матусов. — Разрешите мне пригласить вас к тому торжественному обещанию, которое приносит пролетарий!

Хорошо, что Виктор накануне показал нам текст обещания. Мы все успели выучить его наизусть и сейчас чеканили гордые его слова, давая клятву пролетариату, МЮДу, мировой революции и Матусову.

После того, как мы произнесли текст торжественного обещания, Матусов сказал:

— Юные разведчики! Вы, подобно стальному клинку, должны войти в трещину между рабочим классом и буржуазией и не дать капиталу победить пролетариат!.. Наш лозунг в Средней Азии — борьба с темнотой и невежеством. Теснее объединяйтесь под этим лозунгом!..

И еще я запомнил такие его слова:

— На Западе рабочая молодежь также выйдет сегодня на улицу. Но там не под звуки «Интернационала», а под треск ружей и пулеметов заявит она о своей солидарности с нашей молодежью!..

Затем Наум Матусов пружинисто сбежал с трибуны и под шквал аплодисментов передал Виктору Конышеву знамя ЦК комсомола Туркестана, а вновь вступившим пионерам были повязаны галстуки и вручены пилотки. Уголки галстуков сзади мы загнули. Так было у нас условлено — ведь они только приняты в пионеры, но еще не давали торжественного обещания. А до этого никак нельзя было отгибать и выпрямлять уголок галстука.

И тут над площадью закружила стальная птица — и густо, как снег, хлынули листовки...

После парада, на котором мы вышагивали с новеньким бархатным знаменем вишневого цвета, мы гордым строем отправились в железнодорожный клуб имени Карла Маркса. Здесь, как извещала ташкентцев газета «Туркестанская правда», должны были состояться «...грандиозные детские гуляния и грандиозный бесплатный спектакль». А Женя Баранова, вдобавок, на спортивной площадке при клубе организовала спортивные выступления и даже короткий футбольный матч: сборная юных разведчиков против сборной желающих сразиться с нами.

Я стоял на воротах и — вот везение — не пропустил ни одного гола. Зато ворота добровольного противника мы продырявили дважды! Когда матч окончился, ко мне подошел незнакомый военный с блокнотом в руке.

— Как звать? — потребовал он.

— Георгий, — растерянно выронил я.

— А фамилию свою забыл, что ли?

— Фамилию? — переспросил я. — А зачем вам моя фамилия?

Военный улыбнулся:

— Не мне она нужна, а читателям.

— Каким еще читателям? — удивился я.

— Объясняю! — терпеливо проговорил незнакомец, поняв наконец, что надобно бы сначала все порядком растолковать, а потом уже и вопросы задавать. — Я из «Красной звезды». Это газета такая, орган Туркестанского военного округа. Знаешь, наверно? Заметку пишу о том, как юношеский день прошел. Вот я и хочу про ваш матч тоже рассказать.

— Так вы, значит, из «Красной звезды»?! — обрадовался я. — Иванов моя фамилия. Пожалуйста, мне не жалко — записывайте, если надо. У меня и батя военным был, он вашу газету всегда читал... Иванов моя фамилия.

— Да записал я уже! — улыбнулся военкор. — Одного раза вполне хватит. Знаешь что, — предложил он. — Ты и ребятам это передай, приходите к нам в редакцию. Потолкуем. Может, что-нибудь интересное вместе сообразим.

— А сегодня? — загорелся я. — Можно ведь и сегодня! Я сейчас Кобышева найду, Баранову...

— Ну что ты. Гляди, какая сегодня суматоха. Не до того будет. Да и я, честно говоря, занят — срочно в номер писать надо, завтра и прочтете. Приходите, словом!

— Обязательно придем! — пообещал я. — Обязательно!

«БАХТИЯР, НАДЕНЬ КРЫЛЬЯ!»

Конечно же, все это время мы с любопытством обступали Сулеймана Мамина в те, увы, редкие дни, когда он ненадолго приходил к нам, чтобы встретиться с Коньшевым. Теперь Сулейман постоянно пропадал в Старом городе, и даже получил сразу два «звания»: «туземный инструктор» и «пионер-мастер старогородского района».

— Как там Бахтияр?! — с этим вопросом я неизменно подступал к Сулейману, и Мамин столь же неизменно встряхивал кулаком, показывая большой палец. «Отлично», дескать...

Подробности от Сулеймана узнать было нелегко. Он вечно спешил, не было ровно никакой возможности уговорить его посидеть и обстоятельно обо всем потолковать.

— Потом, потом! — решительно отнекивался он.

— Это когда еще потом? — обижался я, да и другие ребята тоже. — После победы мировой революции, что ли?

— Можно и чуточку раньше, — неохотно улыбался Сулейман. — К новому году, например. Вот соберемся вместе — и обо всем узнаете.

Он хватался за голову и кричал:

— Да поймите же вы: некогда мне! Не-ко-гда! Русским языком вам говорю. А хотите — еще на двух повторю. Не-ко-гда! Забыли, какое задание товарищ Муратбаев дал? Нужна пионерская дружина в Старом городе.

Думаете — легко? Муллы палками лупят, собак спускают, проклятия шлют. Я по детдомам работаю, там отряды сколачиваем. Больше пока нигде. Думаете, у меня есть время рассказывать тут вам — что да как. Мне с Коньшевым надо перекинуться словечком. Потом — в горком, в ЦК...

Хватает!..

— А как же Бахтияр? — не унимался я, пытаюсь выудить хоть какую-нибудь весточку о друге.

Однажды Сулейман сказал:

— Делегатов шлите. Ждут вас в детдоме имени III Интернационала.

— А когда? — спросил я.

— Тридцатого.

— А кто там будет? Зачем зовут?

Сулейман загадочно ухмылялся:

— Так все сразу вам и скажи. Придете — увидите.

Тридцатого ноября в детдом прибыла наша делегация, которую

возглавил сам Виктор Кобышев. Сразу все стало ясно: старогородской райком комсомола вручал свое знамя первому в Старом городе пионерскому отряду. До торжественной церемонии оставалось еще с часик, и директор детдома Таджи Салихов сказал нам:

— Хотите экскурсию? Походите по детдому, сами поглядите, как у нас ребята живут. А Абдулла вас проводит, он у нас воспитателем работает.

Абдулла оказался веселым общительным парнем.

— Пойдемте на второй этаж! — предложил он. — Там сейчас репетиция, ведь после торжеств будет еще и концерт. Готовятся!

В клубной комнате группа ребят сгрудилась у рояля, за которым сидела девчонка узбечка, неуверенно тыча пальцем в клавиши.

— Это Хайриниса, — шепнул Абдулла. — Она только учится играть, но одним пальцем уже умеет!

— Сама научилась?

— Куда там — сама! У нас учитель музыки есть, Али-Ардабузом звать. На всех инструментах умеет играть. Сами видите, мы и роялем разжились.

— Богато живете! — кивнул я.

И тут кто-то крепко обхватил меня сзади, закрыл ладонями глаза. Не надо быть проницательным, чтобы сразу же догадаться, кто это.

— Бахтияр, ты?!

— Я, кто же еще... — Бахтияр счастливо улыбался.

На груди его был красный галстук.

— Чего это вы про Али-Ардабуза здесь толковали? — поинтересовался Бахтияр.

— Воспитатель ваш рассказывал, что и музыке тут вас учат. Ты, верно, тоже занимаешься. Впрочем... — я махнул рукой. — Тебе-то незачем. Ты и сам можешь аж игру на карнае преподавать.

— А вот и учусь! — усмехнулся Бахтияр. — Ошибся ты. Я ведь играю здесь в шумовом оркестре.

— И на чем же?

— На ложках. Помнишь, мы и на вокзале тогда ложечников видели.

— Получается?

— Могу показать... — с этими словами Бахтияр снял с полки две деревянные ложки и, приставив их друг к дружке затылками, взял как-то по-особому, и ложки в его руках защелкали, зацокали, запели.

— Видал?! — торжествовал Бахтияр, — а ты не верил.

Уже в который раз удивлял меня Бахтияр своей способностью молниеносно впитывать новое дело, ремесло. Теперь вот — еще и ложки.

— А на рояле умеешь? — подставил я подножку.

— Не-а! — честно мотнул головой Бахтияр. — Это трудно. Это тебе не карнай. А у Хайринисы уже получается. Правда, пока одним пальцем. Но ничего, скоро два будет.

— А что она играет?

— Песню репетирует про пионеров. Сегодня вам и споют!

— Про пионеров песня? — обрадовался стоявший рядом со мной Кобышев. — Оч-чень интересно! А можно послушать?

Бахтияр наклонился к Хайринисе, зашептал. Та кивнула. Ребята у рояля повернулись к нам, приготовились петь. Хайриниса смело клюнула пальчиком клавишу, и детдомовцы запели:

Биз-ишчи дехкон болалар,
Ёш юракли кашшофлар...*

---

*Мы — дети дехкан. Юные, образцовые (узб.)

Песня была красивой, бодрой, и исполняли ее ребята с большим подъемом — хотелось, видать, чтобы она нам понравилась. Одно меня удивило: ни разу в песне не прозвучало слово «пионер». Я сказал об этом Бахтияру. Он рассмеялся:

— Что за новость, Джурабай?! Ты слушай ухом, а не брюхом!

Я чуть было не обиделся. Бахтияр повторил сейчас любимую присказку дяди Фени — сторожа кинотеатра «Хива» Феофилакта Елпидифорыча. Но при чем тут я?.. Слова-то в песне нет! Факт!

— Да оно там через строку — в каждой.

Что-то не расслышал, — честно признался я.

— Кашшоф — это слово. Кашшоф! Ты его, наверное, просто не знаешь.

— Не знаю.

И я не знаю, — сказал Кобышев. — Ты объясни, пригодится.

— Кашшоф — это значит образцовый, передовой. У нас, у узбеков, пионеров называют «кашшоф». И не только у нас — во всем Старом городе. Вы у Сулеймана спросите, он лучше знает.

— Кашшоф, значит? — повторил я. — Ладно, спросим у Мамина.

— Погодите, я вам лучше объясню! — воскликнула Хайриниса. — Бахтияр плохо объяснил, что такое «кашшоф».

— Это почему же плохо? — обиделся Бахтияр. — Я же сказал: «кашшоф» и «пионер» — это одно и то же.

— А ты объяснил гостям, почему кашшофы галстук носят?

— Вот еще! — отшатнулся Бахтияр. — Они это не хуже нас с тобой знают.

— А я все равно скажу, как я об этом думаю. Нас вот в отряде тридцать два — верно? И ни у кого нет отца. У Вильки, Анвара и Мансура — в гражданскую погибли, моего царские чиновники до смерти плетью исхлестали... Ну и у других тоже...

Я увидел, что Бахтияр порывается вставить словечко, и больно сжал ему локоть: помолчи, мол, дай человеку высказаться.

— Отцы наши, — продолжала с жаром Хайриниса, — под большим красным знаменем дрались, а наши галстуки — от того знамени лоскут.

— Не лоскут, а частица! — строго поправил Бахтияр.

— Частица! — согласилась Хайриниса. — Поэтому и должны пионеры быть образцовыми. Поэтому и назвали нас в народе — «кашшоф».

— А хотите, я вам слова запишу этой песни? — предложил Бахтияр.

— Сам запишешь? — переспросил я. — Научился уже?

— Научился.

— То-то же! — ликовал я. — Это тебе не домумла какой-нибудь. Это тебе советский детский дом! А песню — обязательно запиши.

— Только я ее по-арабски напишу, — предупредил Бахтияр. — в смысле — по-узбекски, но арабским шрифтом. Нас так учат.

— Ладно уж, запиши как можешь, — милостиво разрешил я. — Придется, видать, и мне малость арабский алфавит подучить. Иначе нам с тобой никак в одном хоре не встретиться...

Тут из-за рояля поднялась Хайриниса и строго сказала:

— А теперь повторим роли из спектакля. Бахтияр, быстро надень крылья и начинай жужжать, а то совсем мало времени осталось.

Бахтияр послушно достал из шкафа какое-то странное сооружение из тряпок и бумаги, которыми был обтянут проволочный каркас, напоминавший четыре больших лепестка. Посреди был довольно большой круг. В него-то и пролез Бахтияр, надев тем самым «крылья» на себя.

Хайриниса призывно и строго захлопала в ладошки:

— Ребята, тихо! Трутень уже готов... Бахтияр, иди к двери и влетай к нам. Приготовились!..

Пока Бахтияр напяливал крылья, успели преобразиться и остальные. Сама Хайриниса тоже надела крылья и стала похожа на пчелу.

Скоро мы поняли, что эта короткая сценка — живая басня. Басня о пчеле и трутне. О тех, кто трудится, и о тех, кто пользуется плодами чужого труда.

Бахтияру выпало играть трутня, изображая через него весь проклятый мировой капитал. Я ему не завидовал. Конечно же, в зале будут аплодировать

Пчеле, а Трутню непременно достанется на орехи. Уж точно придется ему сегодня полакомиться на сцене обидными словечками из зала. Уж лучше бы он роль пасечника себе отхватил, а то — Трутень. И кто? Вечный работяга Бахтияр! Разве не обидно?..

Нас позвали вниз — начиналась торжественная линейка. Она проходила во дворе детдома. Воспитанники не сводили глаз с пионеров. Их было 32. Шестнадцать девочек и шестнадцать мальчиков. Звеньевой у девочек была Хайриниса, у мальчиков — наш Бахтияр. Словом, наш «чрезвычайный и полномочный посол» оказался на высоте.

После вручения отряду знамени райкома все устремились в зал. Здесь выступил шумовой оркестр, а потом мы увидели спектакль «Пчела». Как я и предполагал, стоило Бахтияру появиться на сцене и объявить, что сейчас он будет бить баклуши и пожирать мед, который собрали пчелы, как в зале засвистели, затопали ногами, замахали кулаками, закричали, чтобы наглый Трутень убрался подобру-поздорову, пока его не прихлопнули чем-нибудь увесистым.

А потом был сюрприз. Для нас, да и не только для нас. Оказалось, что на свой праздник детдомовцы пригласили с десяток ребят из соседней с детдомом старой мусульманской школы, а с ними — и муллу. Он пришел, не почуяв подвоха...

Второй спектакль назывался длинно: «Сравни сам, какая школа лучше».

Сцена была разделена пополам, и действие на обеих сценах шло одновременно. На одной половине изображались занятия в новометодной школе, на другой — в старометодной.

В новометодной — «ученики» сидели за партами и занимались с глобусом и другими пособиями и приборами. То, что происходило справа, вызывало в зале неудержимый смех. Прямо на полу сидели ученики, усердно отбивая поклоны «мулле» и дружно жужжа — ну в точь как Трутень, которого незадолго до этого изображал Бахтияр.

Сам Бахтияр представлял сейчас «муллу». Он сидел на небольшом пеньке в цветастом халате с высокой чалмой. В руке его нервно подрагивала длинная палка, которой он то и дело похлопывал «учеников», указывая им тем самым на отсутствие должного усердия. Казалось, при желании Бахтияр мог бы постукивать и сидящих в зале и даже самого муллу, хотя ни глотки наши, ни неутомимые ладони нельзя было бы упрекнуть в бездействии. Я глянул на муллу. Он сидел бледный, губы его беспрестанно шевелились, творя молитву или бесконечно долгое проклятие. Наконец, не выдержав очередного взрыва смеха, мулла вскочил и, чертыхаясь и размахивая руками, бросился к выходу.

Это случилось в тот момент действия, когда «мулла Бахтияр», отворив на стук калитку, принимал в качестве подношения барана и, накрыв его своим халатом, пытался провести барана незаметно от «учеников». Баран был настоящий, живой. На радость публике, он предательски блеял, выдавая с головой и себя, и «муллу».

После спектакля, прошедшего с триумфальным успехом — куда там фильму «Роковое признание», — мы окружили «артистов», а среди них — и детдомовского барана, который так правдиво сыграл в спектакле самого себя, и, похоже, не желал расставаться с халатом.

Я отвел Бахтияра в сторону:

— Слушай, Бахтияр! Это было здорово. Давайте к нам на новый год с этим спектаклем, а? Знаешь, как всем понравится.

— Барана тоже приводить? — лукаво спросил Бахтияр. — Как нам без него?..

— Приводите, конечно!

— А не слопаete нашего ведущего солиста после спектакля? Может, на шашлычок пустите артиста? — смеялся Бахтияр.

Подлетела Хайриниса. Глаза ее сияли, уши страстно желали похвалы.

— Ну, как? Понравилось? — требовательно спросила она.

— Спрашиваешь... Я вот и Бахтияру сейчас сказал, что надо бы вам этот спектакль показать юным разведчикам. Пойдете в железнодорожный район? И в Каунчи можно съездить — там у нас друзья.

— В Каунчи не получится, — сказал Бахтияр. — Барана в вагон не пустят.

— А мы его на своей телеге отвезем! — пообещал я...

А потом нас угостили шурпой, которую наливали в миски из сказочно огромного, с хауз* величиной, котла. Во всяком случае, всех шурпой из одного котла накормили.

---

* Хауз (узб.) — водоем, бассейн.

Мы нахваливали шурпу, не забывая отпускать шуточки в адрес удивившего нас котла:

— В нем, наверное, целую отару баранов сразу сварить можно!..

— Слушайте, а как вы его во двор внесли? Наверное, дувал ломали, деревья рубили...

Тут слово взял Таджи-ака Салихов, директор детдома.

— Не ломали мы дувала, — сказал он. — В ворота ввезли — котел всю бричку занял, ишак еле ноги передвигал, думали — умрет на полдороге.

— Откуда добыли такого великана? — допытывался Конышев, — Говорят, последний раз такие котлы видели герои «Тысячи и одной ночи»...

— А это все Хайриниса. Ее работа! Пусть сама и расскажет.

Мы разом глянули на Хайринису. Неужели «пчела» такой котел раздобыла?

— Расскажи, Хайриниса! — кивнул Сулейман Мамин. — Интересно ведь гостям.

Хайриниса зарделась, довольная, что столько внимания ее персоне, и вдруг выпалила с болью:

— Я этот котел с детства ненавидела!

— С детства?.. — удивленно переспросил Конышев. Ну да, — подтвердила Хайриниса. — В смысле — с пяти лет. Это ведь почти полжизни тому назад. Он у Хаита-байваччи во дворе стоял — у нас в махалле Шайх-Сагди. Вот около него и прошла вся жизнь и бабушки моей Латифы-буви, а мотом и мамы.

— Работали они, что ли, у бая?

И у него, и у его отца. А котел этот проклятый, как ненасытный, все силы у бабушки и у мамы высасывал.

— Силен, видать, бай был насчет того, чтобы пожрать, — сказал я.

— Каждый день той затевал, уйму гостей собирал. И требовал, чтобы все вкусно было. А не понравится — палкой бил маму.

— Палкой бил? — возмутился я. — И она молчала и этому... этому обжоре, живодеру еще и пловы варила?

— Легко тебе говорить! — голос Хайринисы дрогнул, увлажнился слезинкой. — Она ведь тем, что бай разрешал потом с собой унести, всю семью кормила.

— Так бы и сказала! Наверное, стоило того, чтобы терпеть. Много, видать, разрешал...

Хайриниса вдруг заплакала:

— Да-а... Очень... много... Сначала Гани умер от голода — брат мой... Потом Хадича — сестренка.

Мы подавленно молчали. А мне было безудержно стыдно за праздное свое любопытство. Вот ведь пристал к котлу, чисто сажа — человека до слез довел.

Хайриниса продолжала:

— Потом мама заболела, трудно ей уже было одной с котлом управляться, и она меня с собой стала брать. Я котел отмывала от вчерашнего угощения.

Мама ставила меня прямо в котел, вот я и ползала по нему с тряпкой, как муравей в тазу. Ни за что не забуду, как ползала...

Хайрииниса умолкла, и, не давая ей вновь окунуться в тягостные воспоминания, Таджи Салихов поспешил завершить рассказ:

— Когда Хайриниса вместе с двумя братишками попала к нам и узнала, что нам нужен большой котел, она сразу же сказала, что знает, где взять такой. И привела к дому Хаита-байваччи. Глядим — действительно, то, что надо! Обратились в махаллинский комитет, вот нам его и отсудили. Теперь он дехканских детей кормит!

Чтобы перевести разговор на тему повеселее, я поинтересовался:

— Значит, тут с тобой и братишки? А почему не познакомила?

Хайриниса повеселела:

— Горниста впереди отряда видел?

— Допустим.

— Это — Абдуфаттах!.. А барабанщика видел?

— Видел.

— Это второй мой брат — Абдулхай! Оба в звене у Бахтияра...

«ПЕРВЫМИ СРАЗИМСЯ С ОБНАГЛЕВШЕЙ БУРЖУАЗИЕЙ!»

Нас удивил Коньшев, принес в Штаб потрясающую картину, написанную маслом и живо изображавшую бой красноармейцев с басмачами и белогвардейцами. Картина называлась — «Защитники Андижана». Виктор оглядывал стены Штаба, ища достойное место для картины.

— Откуда картина? — спросил наконец Алишер, мучаясь, как и все мы, неутоленным любопытством.

— Автор подарил! — не без удовольствия сообщил Коиышев. — Николай Туркестанский. Между прочим, к вашему сведению, Наркомпрос утвердил его инструктором по детскому движению.

— Вот это да! — не удержался Алишер. — Инструктор — и вдруг художник! Как, говоришь, его фамилия?

— Вообще-то фамилия его — Лентяев. Коля Лентяев. Но три года назад он честно заработал себе новую фамилию — Туркестанский.

Рассказ Виктора начинал увлекать нас. Что еще за новость — фамилию заработал?! Это где же он работал за такую... необычную плату?

— Он за революцию дрался! — сказал Коньшев. — С пятнадцати лет... Глядите на картину. Видите — винтовками и саблями отгоняют от Андижана басмачей и прочих шакалов отважные красноармейцы и бедняки. В

восемнадцатом это было, и в двадцатом — совсем недавно. И Коля Туркестанский был тогда среди них.

— А где он сам на картине? — вспыхнула Стрельцова. — Что-то не видно пацанов.

— Станет он себя рисовать! — с укоризной ответил Коньшев. — Не о себе ведь картина, о боевых товарищах. Неужели надо объяснять даже такие простые вещи...

Стрельцова потупила взгляд. Алишер замер, явно произведя в уме подсчеты.

— Это сколько же ему сейчас? — не выдержал он. — Двадцать, что ли.

Точно! — кивнул Коньшев. — Он на два года меня обставил. А картину эту я у него в Центральном бюро деткомгрупп выпросил. Он ее в своей комнатухе хотел повесить. Я ему говорю:

— Подари свой шедевр железнодорожной дружине! Искусство, говорю, должно быть ближе к народу. Тут Туркестанский замялся вдруг и говорит: «Допустим, подарю вам... А как на это остальные две дружины поглядят? Новгородская и Старгородская? Не сочтут ли, что вы у Центрального бюро в любимчиках ходите? Нехорошо может получиться. Тут надо подумать...»

— И что же ты ему ответил? — поспешил спросить Алишер.

— Правильно ответил! Железнодорожники, говорю, вообще в революции первое слово сказали. И гудок Красновосточников был у нас, в Туркестане, ну как бы залп «Авроры» в России. Так что никакая это будет не привилегия, а самая что ни есть справедливость, гони, говорю, картину, расположим ее у себя наилучшим образом.

— И отдал?

— Как видите.

И тут я задал совершенно дурацкий вопрос:

— А он сам рисует?

— Нет! — ухмыльнулся Коньшев. — Конечно, не сам... Он Рафаэля и Леонардо да Винчи нанимает, а картины у них на сало выменивает. — И добавил с укоризной: — Неужели сомневаешься? Он ведь вечно с кистями и карандашами ходит. Чуть свободная минута — рисовать!

Интересно... — протянула Зоя. — А почему он к нам не приходит?

— Да неделя, как работать начал. Только из Андижана приехал. Я его пригласил. Обязательно придет...

Николай Туркестанский появился у нас через несколько дней. На нем была гимнастерка с портупей и круто заломленная набок пилотка. На груди —

пионерский галстук, на левом кармане гимнастерки — комсомольский значок. Туркестанский пришел не один. С ним был и наш партприкрепленный от горкома партии — папаша Николаев. Я заметил, как, войдя в Штаб, Туркестанский метнул взгляд на свою картину и едва заметно улыбнулся.

Папаша Николаев, которого мы знали как балагура, неунывающего оптимиста, был по-незнакомому суров.

— Где Коньшев? — бросил он.

Женя Баранова, поняв, что произошло серьезное, растерянно ответила:

— В Центральное бюро вызвали.

— Ясно... Наверное, по тому же вопросу.

— А что случилось? — суровое и укоризненное молчание гостей действовало на нас угнетающе. Наконец, папаша Николаев уронил:

— Вот тебе и разведчики... Стыдно видеть, как юные бойцы революции в кибитке своей сидят, — заместо того, чтобы распроклятой обнаглевшей буржуазии первыми бой дать.

Мы пораскрывали рты. Да где она — эта коварная буржуазия? Уж не подкралась ли к дверям самого нашего Штаба, ловко усыпив бдительность патрульных?..

— Все ясно! — горестно вздохнул папаша Николаев. — Вы только поглядите на них, товарищ Туркестанский! Почили на лаврах, паутиной от эпохи загородились. Не ожидал от вас, братцы. Не ожидал... — в голосе папаша Николаева звучала искренняя горечь.

— Да что случилось-то?! — в отчаянии воскликнула Женя.

Туркестанский стянул с головы пилотку:

— Слушайте все! Буржуи кулаки расчехляют, ультиматумом грозят.

— Это когда же? — удивился Алишер.

Туркестанский совсем неожиданно выкрикнул:

— Вынь руки из карманов!

Алишер растерялся.

— А я... А они у меня не в кармане. Я...

— Не спеши! — остановил его Туркестанский. — Лучше скажи-ка нам пионерский обычай — тот самый, который про карманы. Давай, говори. Поглядим, как ты обычай пионерские знаешь.

— Про карманы? — переспросил Алишер, явно не понимая, как, впрочем, и все остальные, к чему клонит Туркестанский.

— Про них, родимых! — кивнул Туркестанский, — Слушаем, давай...

— Пионер... — робко выдавил Алишер. — Пионеры не держат... Не держат руки в карманах...

— Дальше... Дальше давай! — нетерпеливо заторопил его Туркестанский.

Алишер вспомнил и завершил:

— ...Ибо пионер, держащий руки в карманах, не всегда готов... Все!

— Ну вот! — удовлетворенно заметил Туркестанский. — Вспомнил.

Знаете, значит, обычай. А почему не соблюдаете?

Мы молчали. Туркестанский продолжал:

— Непонятно говорю, да? Тогда объясняю. Пионер, который не знает, что происходит в стране и в мире, — все равно что держит руки в карманах. Он — не готов! Не готов — понятно! Такого, как спящего часового, во сне придушить можно, он любую угрозу проспит.

— А... кто угрожает? — это уже я не выдержал, — не все же Алишеру за нашу общую темноту отдуваться.

— Керзон. Лорд английский. Он за глотку нас взять решил, грозитя Советскую Россию — из сердца вон из глаз долой, если не угодим его требованиям.

— А чего хочет?

— А чего голодный лев хочет, коли жрать охота? Все хочет. И послы ему наши — в Иране да в Афганистане — как кость в горле, и денежки требует за то, что чекисты наши подлых шпионов его арестовали, и на Мурманск косится и облизывается — давай ему, дескать, право на три мили к побережью подкрадываться... По Босфору и Дарданеллам желает шастать, как по собственной усадьбе. Дай ему волю — на обоих проливах мирабом* заделается, не то что кораблики свои пустит по ним, а вообще воду перекроет и море выпьет... Много чего хочет. Голодный шибко. А потому и злой.

Мираб (узб.) — лицо, ответственное за распределение и расход воды в канале или арыке.

— Про товарища Воровского забыл! — подсказал папаша Николаев. — Посла нашего убили... Посланца Ленина товарища Воровского. Золотая политическая голова и, между прочим, уникальные фельетоны писал...

Долго еще рассказывали нам Туркестанский и папаша Николаев об ультиматуме лорда Керзона, о волне протеста, прокатившейся по стране, о том, что завтра состоится грандиозный общегородской митинг и в Ташкенте...

— Сегодня из Бухары приехали товарищи, — сказал папаша Николаев. — Рассказывают, эмирские агенты в Бухаре зашевелились. Слухи разные распускают, панику сеют. Говорят — эмир скоро в благородную-то Бухару стопы направит. Говорят — всех в Красную Армию призовут. Говорят — мол,

уже и добровольцев записывают на войну с Англией. Вот и паника в Бухаре... Кое-кто вещички свои торопится продать, а золото и вовсе нарасхват скупают.

Алишер не выдержал:

— А как узнали, что это эмирские агенты нашептывают?

— Поймали потому что! И не одного. Сознались, голубчики, чье отравленное зерно рассыпали...

Женя Баранова заволновалась:

— Как же так... Надо ведь что-то делать...

— Вот и мы о том же толкуем! — воскликнул папаша Николаев. — Драться надо. Доказать надо... британскому этому льву... Что у нас ему не полакомиться — хоть рычи, хоть на сковородке шкворчи!.. Протестовать надо, братцы, а не... А не руки в карманах держать!.. Правильно вам Коля сказал: кто руки в карманы пакует — тот не готов. Надо нам, соколики мои, всегда быть готовыми. В любой час. В любую минуту...

Вечером того же дня дядя Ваня рассказал мне, что на завтра в мастерских также состоится митинг протеста.

— Дядя Ваня! — взмолился я. — Можно и нам к вам? Нам сегодня папаша Николаев с Колей Туркестанским обо всем рассказали.

— Вот и хорошо! — кивнул дядя Ваня. — Приходите, конечно. Пионерам надобно в первую голову про то думать, как родину оберегать. А если видишь, как тянут к ней незваные лапы — так по лапам этим поганым и хлещи, пока восвояси их не уберут. Ишь умник какой выискался, Керзон, лорд-шмлорд! То ему подавай, это ему подавай. В чужой стране будто в собственной лакейской распорядиться вздумал. Будет ему наш рабочий ответ — да похлеще, чем запорожцы султану турецкому наяривали.

— И пионерский будет! — воскликнул я.

— Кто — пионерский? — переспросил дядя Ваня.

— Ответ, говорю, пионерский тоже будет. И тоже... похлеще. Мы придумаем. Обязательно придумаем!

— Только торопитесь думать. На ультиматум отвечать — не в хлеву мычать. Это дело надо шустро спроворить, чтобы аж под дых было, и без всяких сомнений. Вот сюда погляди! — и дядя Ваня протянул мне листочек. — Резолюцию мы хотим предложить, от своего цеха. Ты не бойся, прочти, это тебе не роман.

Я прочел: «Усиленный нажим на фронте хозяйственного восстановления СССР будет нашим первым ответом на ноту Керзона, но если наглости мировых империалистов не будет конца, мы, рабочие, все как один, встанем с оружием в руках на защиту своих завоеваний, а если нужно будет — умрем за СССР».

— Здорово как! — восхищенно выдохнул я. — Пусть знает лорд, что дохлое дело затеял...

— Ты другое скажи! — перебил дядя Ваня. — Под дых или не под дых?

— Еще как под дых!.. У нас тоже будет под дых! — пообещал я.

О своем разговоре с дядей Ваней я утречком рассказал Виктору, и Конышев приказал срочно вызвать всех по эстафете.

Когда все были в сборе, Виктор хмуро обвел нас взглядом и сказал:

— Сегодня две экстренные новости. Одна большая, а другая поменьше.

«Большой новостью» оказалось его предложение немедленно провести сбор в ответ на наглый вызов заморского лорда. Вторую новость Конышев пообещал сообщить после митинга в мастерских.

Митинг в железнодорожных мастерских был яростен, как паровозный гудок. Думаю, заносчивому лорду, услышь он этот грозный гудок, пришлось бы заткнуть уши. Впрочем, и затевали-то митинг именно затем, чтобы лорд слышал. Слово здесь дали и нам... Конышев сказал:

— Юные разведчики только что провели сбор и выпалили свое громовое пионерское «нет» на гнусный ультиматум. Широкая волна детского коммунистического движения прокатилась с Запада на Восток, разрушив с революционной непобедимой силой на своем пути буржуазно-патриотические юношеские организации «бой- и герльскаутов». Комсомол Туркестана своим недавним решением запретить и распустить скаутские дружины наголову разбил и рассеял остатки скаутизма в Туркестане — этого вреднейшего щупальца коварного англичанина Баден-Поуэлла. Советскую Россию нельзя запугать никакими ультиматумами. В стальных шеренгах бесстрашных бойцов найдут свое место и пионеры. Детское движение захватило за очень короткое время сотни и сотни тысяч пролетарских детей в возрасте от девяти до пятнадцати лет во всех уголках мира, горящих пламенным желанием напряженно готовиться к приближающемуся моменту великой классовой битвы!

А последними в горячей его речи были такие слова:

— Клянемся вам, дорогие железнодорожники, что пионеры не держат руки в карманах. Мы готовы... Всегда готовы защитить Республику!..

Возвращаясь с митинга, мы проходили мимо редакции «Туркестанской правды». Саша Гаркушенко предложил:

— А что если отнести в газету заметку о нашем сборе? Пусть напечатают, как мы про ультиматум думаем!

Сказано — сделано! Мы сгрудились в гудящий круг, и скоро заметка была готова. Завершалась она так: «После демонстрации своего протеста против английской ноты и убийства тов. Воровского юные пионеры Туркестана на

своём сборе выразили желание сформировать отряд «Юных разведчиков», чтобы в случае нужды первыми сразиться с обнаглевшей буржуазией».

Гаркушенко помчался с заметкой в редакцию, мы остались ждать. Вскоре он вернулся — сияющий.

— Обещали напечатать! И представляете — в завтрашнем номере!

Мы взволнованно загалдели:

— Вот здорово!..

— Молодец, Саша! Отлично придумал!..

— Будет знать английский бай Керзон наш пионерский ответ!..

Правда, некоторые из нас высказывали опасения — дойдет ли до Керзона наша газетная затрещина. Но решили, что дойдет. Раз уж, как говорили папаша Николаев и Туркестанский, кишит земля его шпионами, значит они и газеты изучают и самое главное из них своему хозяину докладывают.

Дойдет. Обязательно дойдет!..

Впрочем, наше ликование было недолгим. Потому что Виктор Конышев сообщил нам новость, которую приберег на самый конец.

— В Бухару уезжаю, — сказал он.

Вначале никому из нас и в голову не пришло, что речь идет не о короткой разлуке.

— Командировка, что ли? — спросил Алишер.

— Командировка! — кивнул Конышев.

— А... Надолго?..

— На два года. Для начала...

Вот тут-то и пришло время изумлению.

— Ничего себе — командировочка! — присвистнул я. — А что же с нами будет?

— А за вас, — твердо ответил Конышев, — я спокоен. Дружина крепкая, и начальник у нее останется крепкий. К нему и привыкать не надо, вы его сто лет знаете. Александр Гаркушенко! Так комсомол решил...

— И тебя тоже комсомол посылает? — любопытствовала Зоя Стрельцова.

— Именно так. Сложная там сейчас обстановочка. Очень сложная.

— Знаю! — вздохнула Зоя. — Вчера нам про Бухару папаша Николаев рассказывал. Там шпионов много. И все люди золото скупают...

— Золото скупают? — захохотал Конышев. Точно... Скупают... Все...

— Г-говоришь... сам папаша Николаев сказал... Ха... ну, уморила!..

Золото скупают. Значит, все до одного в Бухаре миллионеры, так получается? Стрельцова растерянно хлопала глазами.

— Не все, конечно, — оправдывалась она. — Наверное, бедняки не скупают... Эти уж точно не скупают.

— На-вер-ное!.. — передразнил ее Конышев. — Да знаешь ли ты, до какой темноты и нищеты эмир народ довел?..

Зоя молчала.

— Не знаешь?.. Ну так слушай. Когда в сентябре двадцатого эмира турнули, в одной только Бухаре было триста шестьдесят мечетей и ни одной типографии! А знаешь, сколько зарабатывали дети за месяц изнурительного труда или службы в эмирской армии?

— Ну?

— Четыре рубля! Ясно?

— Ясно... — пролепетала Зоя.

— Ничего тебе не ясно! — сердито отрубил Конышев. — Вот подели на тридцать да сосчитай, сколько это в день будет — тогда поймешь.

— Разделить, да? — с готовностью спросила Зоя.

— Дели-дели! — разрешил Виктор. — Четыре рублишка на тридцать деньков.

Стрельцова закатила глаза, напрягла лоб, беззвучно зашевелила губами.

— Тринадцать копеек! — выдавила наконец Зоя.

— Вот именно! — подхватил Конышев. — Такие вот сумасшедшие деньги! На них, по-твоему, можно золото скупать?

Зоя потупила взгляд, не зная, что и ответить. Действительно: не то, что золотишком разжиться — с голоду бы не помереть с тринадцати-то копеек в сутки...

Заметив смущение Стрельцовой, Виктор улыбнулся:

— Ладно, не будем больше об этом. И так ясно, что золото скупают спекулянты и те, кто при эмире кровь народную хлебал и кубышку копил. Вот теперь вся эта нечисть и зашевелилась, заерзала. Керзон-то им будто добрую весточку своим ультиматумом послал, надежду пробудил... Но только не бывать по-ихнему. Всех этих тварей в стальной красный кулак возьмем, всех ногтем придавим! — и Виктор со значением поправил на поясе кобуру револьвера.

— Значит, надолго едешь? — еще раз сказал я.

— Похоже, что надолго. Имею особое революционное задание. Не догадываешься — какое?

Я пожал плечами. Сложный вопрос. Вроде бы все понятно... Но что именно?

— Сдаешься? — усмехнулся Виктор. — Мог бы и сам смекнуть. Ну так слушай... Нужно создать пионерские отряды в Бухаре. Это будет первый красный маяк среди детей Бухарской республики. Такая вот задача.

— Сложная... — вздохнул я. — Это же ужас как трудно будет.

— Ничего, выдюжим! Да и не один ведь еду. С Сулеймаиом.

— С Маминым? — воскликнул Алишер. — И он с тобой?

— И он. Как же без него... Едет туземным инструктором. Он у нас в Старом городе огромный опыт накопил, ведь сколько отрядов в интернатах создал! Незаменимый будет человек!

— А когда ты уезжаешь? — спросил Алишер.

— Скоро уже. Через пару деньков. Дело не терпит. Дикие факты нам сообщили... Там турецкие военнопленные рвутся молодежи головы затуманить, а для детей организуют какие-то подозрительные «железные отряды». Тут, братцы, и контрреволюцией пахнет...

Утром первым делом мы купили свежий номер «Туркестанской правды». Неужели в редакции не пошутили? Неужели напечатают нашу заметку?

Напечатали! Заметка была помещена под тем самым названием, которое придумали мы сами: «Готовы защищать республику!»

ПРИЦЕЛЬНАЯ СТРЕЛЬБА ПО... МЯГКОМУ ЗНАКУ

Все бы ничего, но денька через три после отъезда в Бухару Виктора Коньшева и Сулеймана Мамина Алишер заволновался — да так, что во всех нас сомнение посеял.

— А вдруг не дойдет? — сказал он, и в глазах его читалась нескрываемая тревога. — Вдруг эту нашу заметку шпионы не заметят, не прочтут, а значит и к задире лорду Керзону ее не переправят.

Это предложение повергло нас в уныние. Нехорошо это будет, надо чтобы услышал Керзон голос ташкентских пионеров.

Алишер всплеснул руками:

— А давайте сами пошлем! Да-да, вырежем заметку из газеты и пошлем лорду! Наверняка тогда прочтет...

От такого предложения трудно было отказаться. Но как послать заметку Керзону? В обычном конверте? Через обычный почтовый ящик? А вдруг так не положено, вдруг не дойдет?..

— Можно пойти на Центральный телеграф и узнать! — предложил заметно оживившийся Алишер. — Там все знают...

Мы вырезали нашу заметку из «Туркестанской правды» и отправились на Центральный телеграф — Алишер, Зоя, Анна Инжеватова и я.

Но здесь нас ждало разочарование.

— Не положено заметки в Англию пересылать! — сухо отозвалась мрачная тетечка из первого же окошечка, в которое мы сунулись с заметкой.

— Не положено.

— Да вы лучше прочтите сначала, что в ней, в заметке! — взорвался Алишер. — Это же наш ответ на этот... На их... Этот самый...

— Ультиматум! — подсказала Зоя.

— Вот-вот! — подхватил Алишер. — Вы прочтите.

— Ничего не буду читать! — отрезала тетечка. — Что мне — читать больше нечего?

— Ответ на ультиматум ведь! — задохнулся от обиды Алишер. — Не хотите, значит! Тогда я вам прочту! — и, положив заметку на окошечко, он громко прочел ее вслух.

Тетечка невозмутимо ухмыльнулась:

— Значит, утверждаете, что готовы первыми... первыми... как там у вас?..

— ...Сразиться с обнаглевшей буржуазией! — горделиво подхватил Алишер. — Ну что, можно теперь посылать?

— Сказала ведь уже, что нельзя. Русским языком объяснила. Да и очень он, Керзон этот ваш, испугался заметки. Ну пришлете, ну получит. Ну и что с того? Отдаст своему стражнику — вот он ее, как букашку, на штык и наколет. И вся недолга...

Мы замолчали, обескураженные мощным отпором телеграфной тетечки. Заметив наше уныние, она сказала:

— Заметка, ребятки, это хорошо. А вот как вы насчет того, чтобы слово с делом не расходилось?

— Это как? — любопытствовал я.

— А очень просто. Заметку любой написать может. А вот как вы насчет того, чтобы... первыми сразиться? Сражаться-то умеете? Винтовку в руках держать доводилось? Или больше — рогатки да деревянные пистолетики? А вдруг лорд этот ваш и впрямь к войне дело ведет, а не просто бумажные стрелы в наши края посылает? Как тогда? Не попросите свою заметку обратно?

Поворот был, что и говорить, неожиданным. Действительно, ведь не посохами да рогатками сражаться с проклятой капиталистической гидрой, если попрет она землю нашу лапищами своими топтать да смрадным дыханием осквернять...

Готовы ли мы?.. Этот вопрос по-настоящему нам не являлся, и почемуто лишь сейчас встал перед нами в полный рост.

— Мы... потренируемся... — растерянно обронил я.

— Вот и хорошо! — повеселела тетечка. — Вот это, ребятки, и будет настоящий ваш ответ.

Она поднялась, приникла к окошечку и совсем другим голосом сказала:

— У меня, ребятки, двое сыновей в Красной Армии. Вот они — готовы! И вы старайтесь. И не сердитесь на меня, пожалуйста, что я... А заметка ваша — очень хорошая. Правильная...

Мы попрощались и выбежали на улицу с горящими лицами. Вот так вояки!.. Вот так защитники республики!.. Права тетечка — нужно уметь защищать республику и словом, и делом.

А ведь если честно, до дела у нас явно не дошло. Правильно она спросила про винтовку. У нас, если по справедливости, полдружины приклад с дулом перепутают... Надо срочно исправлять положение...

Легко сказать — исправлять положение. А как?

И тут неожиданную идею подала Анна Инжеватова.

— У нас в школе есть три винтовки, — сказала она. — Я сама видела, на складе у завхоза.

— У завхоза? — удивились мы. — А как винтовки попали на склад?

— Я тоже спросила у него об этом.

— И что говорит?

Говорит, лежат они на складе со времени революции. Выдали, чтобы учителя знали, как с винтовкой обращаться — на случай чего. Басмачи... белые или еще кто-нибудь... Словом, на всякий случай. И патроны есть, я видела...

— Думаешь, завхоз даст нам эти винтовки?

— А попробуем...

Случилось то, на что мы и не рассчитывали: завхоз разрешил позаниматься с винтовками, но взял слово, что мы будем заниматься под бдительным оком Саши Гаркушенко — выпускника военно-спортивной школы. Мы пообещали. Саша должен был как раз за чем-то сегодня прийти к нам, в школу имени Шумилова. Кажется, хотел встретиться с директором.

Мы ждали Сашу аж до пяти вечера. Он не шел. Мы уныло глядели на ворота школы, все еще надеясь, что появится долгожданный Гаркушенко.

Напрасные надежды...

Неужто отдавать винтовки завхозу, так и не узнав, как клацает затвор, как уходит патрон в патронник, а пуля — к цели.

Анна Инжеватова отчаянно предложила:

— А давайте сами! Тут нет ничего особенного.

— Но мы ведь слово дали завхозу, что без Саши... — пытался урезонить Анну Алишер.

— Слово!.. Слово!.. — раздраженно ворчала Анна. — Мы, если хочешь знать, еще раньше, чем завхозу, самому Керзону слово дали, что готовы, что сразимся... Если надо... Вот и сразились! Отдавайте сами...

— А где ты хочешь стрелять? — осторожно спросил я. — Тир нужен. Вот если бы пришел Саша — он договорился бы в своей военной школе. Там, верно, и тир имеется.

— Очень нужно! — Анна презрительно поджала губы. — Тир ему подавай! Ты, наверное, и на войну во фраке пойдешь... Я на Саларе одно местечко знаю — так там лучше, чем в ста тирах. Пусто-пусто, а впереди — высокая кирпичная стена. — Что-то строили, да так и бросили. Чем не тир? Хотите — покажу?

Я пожал плечами. Отказываться от такого предложения, честно говоря, не хотелось. Посоветовавшись, мы решили, что пока пойдем вчетвером, а если все окажется, как рассказала Анна, приведем назавтра и остальных.

Положив винтовки в мешок, чтобы не привлекать внимания прохожих, мы отправились на Салар. Анна не шутила — место действительно было замечательным. Огромный пустырь вполне мог быть не только тиром, но и театром военных действий. Мы живо расчехлили трехлинейки, вытащив их из мешка.

— Надо соорудить барьер! — со знанием дела заявила Анна.

— Это еще зачем? — усмехнулся я. Уж не дуэль ли мы здесь собрались проводить?.

— Самую настоящую! — невозмутимо ответила Анна. — Только не друг с другом, а с мишенями.

Значит, все-таки дуэль! Выходит, мы впрямь прибыли на театр военных действий...

Соорудить мишень было делом десяти минут. Мы выстроили у кирпичной стенки семнадцать бутылок, сметенных кропотливым «дворником»-Саларом к бережку, и, зарядив винтовки, залегли, готовые открыть огонь. На каждой из бутылок мы обломком огненно-красного кирпича вывели по букве — так что на стеклянной мишени читалось: «У-л-ь-т-и-м-а-т-у-м К-е-р-з-о-на». Алишер, оставшийся пока без винтовки, стоял позади нас, напряженно вглядываясь в обреченные на разлет стеклянные мишени. Словом, был секундантом.

Мишени, правда, не могли отвечать выстрелами. Но если промазать — разве одно это уже не поражение в дуэли?..

Первой выстрелила Анна. Промах. Мы с Зоей бабахнули хором. Прямое попадание... в кирпичную кладку!

Вот так готовы к защите республики! Стыд и срам. Хорошо, сам Керзон не мог видеть сейчас нашего позора, уж он-то не удержался бы от язвительных шуточек. Уж он-то — в ответ на такую позорную нашу пальбу — соорудил бы из нашей бахвальной заметки, не подкрепленной ни одним метким выстрелом, самокрутку, чтобы распыхтеться на весь мир, вышучивая нас. Эх, права тетечка с телеграфа.

— За-ря-жай! — скомандовал Алишер, великодушно решивший пропустить еще один тур.

Все три пули дружно ушли в стену, взметнув фонтанчики розовой пыли.

— Раз-зя-вы! — сердито процедил сквозь зубы Алишер. — Ни одной бутылки не убили.

Анна резко вскочила, протянула винтовку Алишеру:

— Держи, генерал! Поглядим, как ты хоть одну уложишь. А то — раззявы! раззявы!.. Стреляй.

Алишер улегся, положил винтовку на камень, приложился щекой к ложу, сверля мушкой замершую в ожидании выстрела мишень. Долго целился.

Мы посмеивались. Сейчас поглядим, как наш секундант отправит свою пулю корову доить — по молоко.

Выстрелить Алишер не успел. Потому что неожиданно, совсем рядом с нами, словно взрыв гранаты, взметнулся крик.

— Отставить! Стой стрелять!.. Винтовку не трогать!.. Встать!..

Мы испуганно обернулись па голос. Позади нас, буквально в трех шагах, стоял с револьвером в руке милиционер. Мы не заставили просить себя дважды, резво вскочили.

— Кто такие?

— Разведчики мы... — выдавил я.

— ...В смысле юные... — добавила Анна.

— ...В смысле пионеры... — уточнил Алишер.

— ...Мы из школы Шумилова, — уже спокойнее объяснила Зоя. — Мы здесь на ультиматум отвечаем.

Собрав винтовки, милиционер двинулся к бутылкам, прочитал их и вернулся, ухмыляясь:

— Все целые. Слабовато ответили... Мы виновато опустили головы.

— Плохо пристреляны, наверное, — предположила Анна. — Почему-то не попадают.

— А мы это сейчас проверим! — оживился милиционер, и вдруг, к нашему удивлению, ловко привалился к барьеру, вскинул винтовку и прицелился.

Со звоном разлетелась бутылка.

— Есть одна! — радостно завопил Алишер. — Есть «У»! Теперь, товарищ милиционер, давайте «Л». Дайте ей как следует!

Брызнула вторая. За ней развалился на осколки мягкий знак. Мы захлопали в ладоши. Ультиматум был разбит уже почти наполовину. Но нашим надеждам, что меткий милиционер разнесет вдребезги весь ультиматум, не суждено было осуществиться. Потому что, уложив наповал мягкий знак, милиционер ловко вскочил и, охлопав себя, заключил:

— И так далее... Зря вы на инструмент поклеп возводите. Пристреляны что надо. Это вы сами плохо пристреляны. А то слышу — пальба. На моем участке. Я — сюда, а тут... а тут...

— Театр военных действий! — подсказал я.

Он взял под козырек и сурово приказал:

— Прошу следовать за мной. Для установления личностей!

— А мы их и не скрываем, — протянула было Анна. — Хотите — продиктуем свои личности, записывай те, если надо...

— Следуйте за мной! — сурово повторил милиционер.

«ОДИНОЧНЫМИ ПЕТУХАМИ — ОГОНЬ!»

Ничего не оставалось, как послушно следовать за милиционером. Вот так история! И завхоза подвели, и мишени не поразили, да еще, ко всему, и сами в плен угодили...

На Пушкинской на нашего конвоира налетел, едва с ног не сшиб, наш старый знакомый — газетчик из «Красной звезды», который еще в прошлогодний Международный юношеский день, когда нам вручали знамя, пригласил нас посетить его газету. Надо сказать, что вскоре после первого знакомства на спортивной площадке после футбольного матча мы отрядили делегацию в «Красную звезду». Пошел с нами тогда и Конышев. И не просто так пошел, а понес с собой заметку о юных разведчиках. Встреча была удивительной! Нас напоили в редакции чаем, задали, пожалуй, с тысячу вопросов, пообещали напечатать заметку Конышева, а в довершение всего

заявили о своей готовности открыть на страницах «Красной звезды» постоянный «Уголок юного пионера». Мы не верили своим ушам. Как же!

Это ведь получается, у нас будет почти что собственная пионерская газета!

Да еще какая — под крылышком у газеты ТуркВО!

Возвращались мы тогда счастливые. Вскоре была напечатана заметка Виктора, а потом, окрыленные, мы буквально засыпали заметками наш «Уголок юного пионера». Вскоре в «Красную звезду» пионеры стали писать уже отовсюду — как в свою родную газету. А совсем недавно, в первомайском номере, редколлегия «Красной звезды» напечатала о нас заметку, которую мы вырезали, красиво наклеили на картон и вывесили в штабе рядом с картиной Туркестанского «Защитники Андижана». Да и как было поступить иначе, если военные журналисты писали о нас вот что: «Исполняется первая годовщина существования отрядов юных пионеров в Туркеспублике. В этот день «Красная звезда» посылает свой горячий привет детям будущего — юным пионерам».

И вот теперь едва ли не полным составом редколлегии «Уголка юного пионера» нас конвоировали по Ташкенту как злостных нарушителей общественного порядка, открывших незаконную пальбу по бутылкам.

Налетевший на милиционера газетчик, конечно же, сразу узнал нас и удивился:

— Вы куда это?

— Арестовали нас, — вздохнул Алишер.

— Тю-у! — присвистнул военкор. — Что за новости?.. Зарезали? Убили? Подожгли?

— Стреляли в неполюженном месте и без всяких на то прав, — объяснил милиционер. — Во какая артиллерия! — и он, как гармошку баяна, растянул края мешка, приглашая нашего старого знакомого взглянуть на трофейные винтовки.

— Заряженные были? — удивился военкор.

— Хоть в окоп с ними сигай! — кивнул милиционер. — Говорят, из школы Шумилова, у завхоза взяли. Вот и проверим. А заодно — кто такие сами будут.

— А чего их проверять! — возмутился газетчик. — Это же пионеры из железнодорожной дружины. Наши юные военкоры. Я за них могу поручиться, если хотите, — и он полез в карман доставать удостоверение. Милиционер повертел удостоверение, потом переписал из него что-то и козырнул:

— Так, и быть, отпускаю. Но винтовочки придется придержать. Мы еще встретимся...

Он взял под козырек и, придерживая мешок с винтовками, быстро удалился.

Теперь нам завхоз покажет, где раки зимуют, — грустно заметила Анна. — Ему и самому не поздоровится. Надо же, таким безответственным людям оружие доверил. Ой, ребята, что бу-у-дет!.. — она схватилась ладонями за лицо. — Пропали мы теперь.

— А на кой они вам потребовались вдруг? — полюбопытствовал военкор.

Алишер объяснил, заметно волнуясь:

— Мы обещали на митинге и в заметке, что готовы защищать республику... От всяких... керзонов... Ультимата!..

— От кого? От кого? — заулыбался газетчик. — Может все-таки наоборот?

Алишер задумался, напрягся — будто хотел мыслью догнать недавно оброненные им же слова.

Догнал-таки! Потому что замахал руками и закричал:

— Конечно, наоборот! В смысле — ультиматум... Мы ответить хотели этому самому Керзону, а он... вот... винтовки отобрал. В смысле — милиционер.

— Ладно, с вами все ясно. Одно плохо: взрослые уже ребята, а простых вещей не понимаете. Вы же или сами кого-нибудь подстрелить могли, или бандюги какие отняли бы у вас винтовки, понаделали бы из них обрезы — и давай город грабить. Это они запросто. Нашли куда винтовки тащить — на Салар! Эх...

— Знаю! — кивнул я. — Там «малины» много. Виктор рассказывал.

— Ну вот. Грамотные, оказывается. Ладно, мне бежать надо. В Дом Красной Армии спешу. А вы, братцы, вот что — в редакцию загляните, тут ведь совсем не далеко. Письмишки интересные от пионеров имеются, в «Уголок» пришли. А одно — из Каунчи, от ребят с хлопкомаслозавода, от подшефных ваших, одним словом. Они там тоже какую-то стрельбу затеяли, как и вы. Только не винтовками, а петухами.

— Петухами? — изумленно вскинул брови Алишер. Мы переглянулись. Что за ерунда? Разве можно стрелять петухами? В пушки они их, что ли, заряжают? Так ведь нет в Каунчи пушек.

— Как это — петухами стреляют? — повторила вопрос Анна.

Военкор заулыбался:

— Ага, заинтересовались! То-то же! Мы в редакции и сами опешили. Ничего не буду рассказывать, некогда мне. Бегите в редакцию, там узнаете...

Наш друг военкор без осадка растворился в толпе, а мы помчали в «Красную звезду» — добывать подробности о возмутившей и, что и говорить,

взволновавшей нас новости о таинственной стрельбе петухами. Что там еще выдумали наши братья-каунчинцы?

В отделе культуры в ответ на нашу просьбу показать письмо про петухов заулыбались и протянули влажный листок, с одной стороны которого был оттиснут текст.

— Вот, держите верстку. Заметка идет в завтрашнем номере.

Уже в завтрашнем номере! Чуть не прошляпили...

Как мы и предполагали, заметку написал Борис Орлов. Называлась она довольно занятно — «Куриный поход». И толковалось в ней вот о чем... Оказывается, на поля напал грозный враг — черепашка. Клоп, одним словом... Тварь мелкая, глазу едва заметная, а растение от него гибнет — будто пожаром объятое. Население, писал далее Орлов, в большой тревоге, если не сказать — панике. А муллы — так те и вовсе развеселились не на шутку: шумят на всех углах, что это Аллах напустил на поля черепашку, чтобы покарать дехкан за ослабление веры во всевышнего, за бесчисленные грехи. Агрономы подсказали: есть у черепашки, кроме химикатов, еще и смертельный враг. И кто? Обыкновенные куры! Склеывают черепашек за милую душу и на доброе здоровье. Чтобы убедить дехкан, ребята с хлопкомаслозавода привезли в Каунчи своих кур и выпустили на поля. И дехкане поверили, что чудо-юдо черепашка победима!

«Куриный поход продолжается!» — заключал Борис Орлов.

Занятная заметка завтрашнего номера газеты страшно разволновала нас. Так вот что, оказывается, имел в виду наш друг-газетчик, уверяя, что каунчинцы, в отличие от нас, ведут настоящий бой с настоящим противником, а не палят по бутылкам...

Мы попросили подарить нам один оттиск с полосы, где помещалась заметка о «Курином походе» и покинули редакцию. Конечно же, нам сразу пришло в голову, что надобно ехать к каунчинцам на подмогу, а не оставлять атакованные черепашкой поля аппетиту невеликого куриного войска, развернутого к бою красногалстучными «куриными» генералами Бори Орлова.

Мы приняли решение: немедленно провести всеобщую и полную мобилизацию личного куриного состава, имеющегося в частном владении дружины, и по завершении оной — отбыть в Каунчи и ввести в сражение с полчищами черепашек свежие силы.

У нас с дядей Ваней гулял по двору свирепый петух, сторожа пять робких кур, пугливо ежившихся под огненным недобрым взглядом вечно драчливого пастуха.

Дядя Ваня понял все с полуслова.

— Бери, конечно! — разрешил он. — Пусть повоюют. Только вот как повезешь бойцов? Клетка нужна.

— Сделаем клетку, — пообещал я. — Из лозы сплетем, чтоб полегче была. Далеко ведь везти...

— А умеешь — из лозы-то?

— Бахтияр умеет. Он все умеет. Завтра в интернат к нему сбегая и уговорю директора, чтобы к нам послал — консультантом по клеткам. Неужели не отпустит? Должен понять...

— Как же, непременно должен, — подтвердил дядя Ваня. — Вам клеток-то много потребуется, чай?

— Да штук сто — никак не меньше.

Директор интерната на Лабзаке, конечно же, позволил Бахтияру быть нашим научным консультантом по вязанию клеток из лозы. И даже пообещал выдать для боя с черепашкой взвод интернатских кур — целых двадцать штук. Все они, заверил директор, обладают сатанинским аппетитом. Только держись... В самый раз то, что надо!

Бахтияр яростно включился в дело, а с ним — и оба звена интернатских пионеров: это были питомцы нашего, уже опытного, пионермастера Хайринисы. Бахтияр показал, какую резать лозу, и забурлила работа.

Пока мы вязали клетки, Алишер с Зоей помогали ребятам, у которых в хозяйстве были куры, уговаривать родителей разрешить отправить кур в короткую «служебную командировку». Были даны заверения, что яйца, которые снесут куры за время баталий, будут впоследствии в целости препровождены владельцам кур. К вечеру, после скрупулезных подсчетов, стало известно, что мы можем выставить боеспособное подразделение в шестнадцать петухов и восемьдесят семь кур. Солидная рать!

Палатки мы погрузили на телегу и отправили малой скоростью, а сами с двадцатью семью клетками поспешили на вокзал. Проводник запротестовал было, не желая пускать в вагоны столько кур, но мы догадались показать ему заметку в «Красной звезде», и он сдался.

Кур, по общему уговору, мы не кормили и лишь давали воды. Крылатые воины должны были прибыть в Каунчи в готовности немедленно хлынуть в бой. Бориса мы отыскали на заводе. Завидя нас с армией кур силою до роты, он растерялся. Уж слишком неожиданными были и наш внезапный приезд, и доставленные нами из Ташкента крылатые «образцы оружия».

— Как узнали? — удивился он.

— Как узнали? — повторял Алишер. — Да о ваших черепашках вся Туркеспублика знает. Погодите, вам еще и в конвертах по почте сюда кур присылать будут! С возвратом, конечно...

С этими словами Алишер протянул Орлову прихваченный нами из Ташкента оттиск верстки, и обрадованный Борис долго читал свою же заметку — будто тщательно складывал ее по зернышкам-буквам.

— Надо бы поскорее делом заняться! — нетерпеливо, проговорил Алишер. — Гляди, как куры в клетках мечутся.

— Рубать они, наверное, хотят — потому и мечутся.

— Вот и подавай им лакомство, — ввязался я. — Где черепашки-то твои? Пока мы с тобой тут лясы точим — они, глядишь, и до Ташкента доползут, а по дороге все арбы да поезда поедят...

— Тогда идемте! — кивнул Орлов и мы двинулись вслед за ним за околицу поселка. Орлов привел нас к полю, вошел в грядку, наклонился и покачал головой:

— Глядите сами, как орудуют.

Листья растений, стебли — все было густо усеяно шевелящейся массой букашек.

— Черепашки, — сказал Борис и развел руками. — Они, проклятые! Энтомологи говорят — спасу от них, иродов, нет.

— Как же нет? — удивился Алишер. — А куры? Ты ведь сам писал.

— Куры... куры... А ты знаешь, сколько их надо, чтобы всю эту нечисть склевать?

— Ну, сколько?

— Да миллион штук! Если не больше.

— Чего ж тогда писал, хвалился, если сам не уверен. Выходит, вранье все это? А мы-то думали...

Договорить ему Борис не дал. Возмущенно замахав руками и наступая на Алишера, он закричал:

— Как это вранье?! Ты что это тут городишь? Все правда — и про черепашек, и про кур! Только вот много их очень надо, чтобы черепашек победить — вот ведь в чем дело. Сколько вы их привезли?

— Да больше ста будет.

— Солидно. Но только это капля в море. Мы-то сами четыре тыщи в ход пустили.

— И ничего не капля! — взорвалась Зоя. — Ты наших кур и петухов плохо знаешь. Это же гвардейцы, а не петухи. Один — сотню ваших заменит.

— Сотню, говоришь? — усмехнулся Орлов. — Это хорошо. Давай попробуем. Доставайте своих гвардейцев.

Похоже, Борис мало верил в бойцовские качества избалованных и изнеженных дарами цивилизации городских петухов. Надо было немедленно доказать ему, что наши петухи никакие не мамсики и ничуть не хуже сельских.

— Ребята, расчехляй! — распорядился я и полез в свою клетку доставать свирепого нашего с дядей Ваней петуха, тотчас вздумавшего цапнуть меня за палец. Ну и петушина! Чисто бульдог злющий... Такому петуху не черепашку склевывать, а на границе служить, в наклювнике — это заместо ошейника — ходить, да на матерых лазутчиков страху нагонять.

Наконец, мне удалось изловчиться и схватить петуха так, что грозный клюв его был мне уже не страшен.

— Петухов доставай! — обрадованно скомандовал я. — Кур потом...

Доставили петухов и стали с ними наизготовку в начале грядок, ожидая дальнейших указаний. И тогда я завопил:

— Одиночными петухами... По черепашке... Огонь! — и первым выпустил своего петуха. Так, наверное, спускают на воду только что построенное новехонькое судно. Перепуганные петухи, очутившись в грядках, заозирались и, мгновенно пообвыкнув, принялись неистово склевывать черепашку.

— Кур доставай! — шепнул я, будто боялся спугнуть петухов, занятых государственной важности делом.

Изголодавшиеся куры не преминули последовать примеру грозных отцов семейства, потрясающих огненными гребешками. Скоро наши куры разбрелись по полю, наводя всюду порядок.

В Каунчи мы прожили неделю, поставив палатки на берегу Куркульдюка. И даже спустились с Бахтияром и Алишером на лодке до Иски-Ташкента, чтобы навестить отряд Махмуда. Борис Орлов рассказал нам, что Махмуд был у них на заводе полгода назад, и каунчинцы подарили ему горн.

Мы услышали этот горн! Он запел, когда Махмуд увидел нас. Скоро отряд кишлака был в сборе. Ребята встретили нас как старых знакомых, добрых друзей.

— На горне, значит, играем? — кивнул Бахтияр на трубу, сверкнувшую на солнце золотой чешуей.

— На горне.

— А карнай совсем отставили?

— Как это — совсем... По праздникам он в ход идет, по праздникам. Вот седьмого ноября приезжайте — карнаем встретим, как положено.

Могли ли мы знать тогда, что встретимся гораздо раньше — и ташкентцы, и каунчинцы с иски-ташкентцами, и пионеры из Полторацкого отряда Юры Чеснокова тоже...

А между тем, возвратившись через неделю в Ташкент и раздав крылатых бравых вояк хозяевам, мы узнали потрясающую новость: «ЕДЕМ В МОСКВУ!»

ТЮБЕТЕЙКА НЕ ВИНОВАТА

— Неужели мы едем в Москву? — бесконечно переспрашивали мы Сашу Гаркушенко, принесшего нам эту новость из Центрального бюро.

— В Москву! — счастливо улыбался Саша. — Может, Ленина увидим!

Закидав Сашу вопросами, на многие из которых он пока и не мог знать ответа, мы узнали главное. Москва готовится к торжественному открытию Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки. Дехканам-скотоводам Туркестана на выставке будет предоставлено целых 1200 мест. И 180 из них — наши, пионерские!

Гаркушенко растолковывал:

— Принято решение сформировать сводный отряд юных пионеров Средней Азии и отправить его в Москву в составе делегации.

— Погодите! — удивился Алишер. — А зачем пионеров посылать на сельхозвыставку? При чем тут пионеры? Экспонат мы, что ли? Зачем мы там?

— Как это зачем? — Саша хмурил лоб. — Или ты не из кишлака сейчас вернулся? Ведь какую операцию провели — кур в атаку на черепашку бросили, урожай спасали. Вот и расскажете, как воевали в Каунчи. Думаете, не интересно? Может, это впервые в мире было!..

— Интересно, — сдавался Алишер. — Только ведь за одно это не посылают в Москву!

Гаркушенко протестуяще тряхнул чубом:

— Стало быть, посылают, если... посылают. И вообще — прошу запомнить, что не на прогулку едем. Крестьяне всей страны на вас смотреть будут. И думать будут, что надо бы и своих ребятишек в пионеры отдать. Если, конечно, сумеете им понравиться. А в кишлаках, в селах пионеры, может, в первую голову и нужны... Как в Иски-Ташкенте... И Муратбаев тоже говорил. Да чего там рассуждать — радоваться надо.

— А когда открывается выставка?

— Девятнадцатого августа, в двенадцать ноль-ноль!

— Ишь ты — какая точность! — восхищались мы полученной информацией.

— Газеты надо читать! — шутливо отбивался Саша.

События разворачивались стремительно. Уже через два дня мы знали, что решением ЦК комсомола Туркестана в сводный пионерский отряд имени «КИМ» войдут восемнадцать звеньев — узбекских, казахских, таджикских пионеров. Пятьдесят пионеров в этом отряде будут представлять дружины железнодорожного и новгородского районов Ташкента. С нетерпением ждали мы момента, когда станут известны имена счастливых.

И этот миг настал. Представитель ЦК комсомола Туркестана Михаил Лобач объявил, что начальником отряда «КИМ» назначен старший пионермастер Саша Гаркушенко, его помощником — Женя Баранова. Начальниками первого и второго отделений Марко Гаркушенко и Володя Алов. Казначей и завхоз — Абдулла Исхак-заде.

Но это, так сказать, начальство. Но кто же из «рядовых» поедет в Москву?.. Кто?..

— На этот вопрос пусть ответят сами дружины! — сказал Лобач. — Ответ ждем завтра.

Вот так задачка! Как же мы из добрых трехсот пионеров выберем всего лишь пятьдесят счастливых? Может, бросить жребий?

Мы проспорили до глубокой ночи, решив в конце концов, что в Москву достойны ехать все, а стало быть, и впрямь надо бросать жребий. Сто пятьдесят туго скрученных бумажных патрончиков легли на дно просторной тюбетейки Алишера, и только двадцать пять из них были боевыми — на них мы написали заветное слово «Москва». Нам было от души жаль товарищей, вытянувших пустышку, холостой патрон... Зато счастливые, не скрывая буйной своей радости, прыгали, хлопали в ладоши.

Жребий был зол. Но жребий был и милостив. Он улыбнулся Алишеру, Зое Стрельцовой, Дине, Саше Танальскому...

Последним тянул жребий я. Но можно было и не разворачивать листочек. Уже двадцать четыре счастливых прочли слово «Москва». Мой листочек был последним...

«Москва»! С ума сойти!..

Шура Баранова, вытащившая до меня из тюбетейки пустышку, не таила слез. Обидно!.. Но жребий — есть жребий. И к тому же Саша Гаркушенко тотчас объявил, что на время своего отсутствия возлагает на Шуру обязанности начальника дружины.

А к лицу ли начальнику слезы? И виновата ли тюбетейка?..

ПОЧЕМУ ЖМУТ ТУФЛИ?

На перроне меня ожидала новая радость — среди посланцев старгородской дружины я увидел Бахтияра. У него был карнай! Вот так удача! Сказка прямо. Так только Белый верблюд мог бы устроить — чтобы и в Москву поехать, да еще и вместе!..

Туркеспублика торжественно провожала своих посланцев. Пели карнай и сурнай, дробно заливалась дойра, кокетливо подрагивая бубенцами, — в кипучем раскаленном котле перрона варилась густая музыка баяна и дутара, гиджака и духового оркестра.

Честно говоря, на вокзал мы шли с тайной надеждой встретить Юру Чеснокова. Поэтому первым делом разыскали пионеров-туркменов из Полторацка. От них мы узнали сразу две новости: Чесноков переведен в Баку, а на его место из Ташкента неделю назад приехал Николай Туркестанский...

Вагоны, увитые кумачом, с нетерпением ожидали отбытия и, шевеля транспарантами и лозунгами, замороженно слушали музыку и речи.

И вот долгожданная команда — озорной молодецкий призывный паровозный посвист.

— По ва-го-о-о-о-н-нам! — пронеслось эстафетой: будто горячий августовский ветер резво обскакал перрон, поторапливая, радуя, заряжая всех радостью и тревогой.

Вот и отлично! Сказка, похоже, становилась былью. Теперь все мы переставали быть представителями различных дружин и отрядов Туркеспублики, поездка цементировала нас. Отныне все мы — интернациональный отряд «КИМ» — сводный отряд первых пионеров Средней Азии!

Дрогнули вагоны, тяжелые колеса нехотя потянулись, будто разминались после долгой спячки, задышали глубже, гулче, громче, и вот уже они наотмашь хлестали по рельсовым стыкам, выбивая, словно на дойре, радостную песнь, заполнявшую собой все пространство и властно подчинявшую себе потрясенных пассажиров в красных галстуках:

«Е-дем в Мо-скву! Е-дем в Мо-скву!»

Впрочем, скоростью дорога радовала нас весьма недолго. Скоро состав пополз, то и дело запинаясь и подолгу выжидая кого-то. И если поначалу Саша Гаркушенко и Миша Лобач строго-настрого запретили нам высовывать и нос из вагона, то вскоре длительная разминка, да и обед на лужайке в стороне от путей стали привычным делом. Время будто замедлило свой бег. На станции «Аральское море», где нам объявили, что стоять будем никак не меньше суток,

мы тотчас отправились купаться, оставив в вагоне дежурным Сашу Танальского, пообещав сменить часика через четыре, чтобы мог искупаться и он. Власть наплескавшись в море, стали обсуждать — кому сменить Танальского. Это решил жребий, и он вновь улыбнулся мне, на этот раз, правда, не порадовав.

Я отправился на станцию, представляя себе, в какой жуткой духоте окажусь сейчас — взамен сказочного волшебства моря.

Вагон был пуст. Где же наш дневальный — строгий страж нашего имущества и провианта? Я медленно шел по вагону, ища Сашу.

Вот он — на верхней полке. Ну и дневальный! Спит себе преспокойненько, будто определен не на пост, а на тихий час. Впрочем, мудрено ли не сдать на милость сна в эдакой духоте — вагон будто реял в раскаленном воздухе, чтобы не обжигаться колесами о раскаленные рельсы...

Я тронул Танальского за плечо:

— Эй, засоня, подъем!

Саша с трудом разлепил глаза. Лицо его было воспаленным, замученным. Он затряс головой — будто торопился стряхнуть липучие крошки сна.

— Чо?.. Уснул, да?.. — смешно спрашивал он, щипая себе щеки. — Вот чертова жара!.. Ну чо — искупались?

— Тебя пришел сменить. Беги на море — все там. А я тут вместо тебя поварюсь.

Саша, пошатываясь, пошел к выходу, шаркая по полу.

«Счастливчик!» — думалось мне. И тут я услышал его крик:

— Мешок! Жора, где мешок?

Поначалу я и не сообразил, о каком мешке толкует Саша.

Танальский преобразился. Сонливость его будто рукой сняло. Яростно замахал мне:

— Беги сюда... Гляди... Мешка нет...

Уже подходя к выходу, Саша мельком бросил взгляд в отсек, где хранились все наши продукты и экипировка. А надобно сказать, что новенькая обувь, выданная всем нам в Ташкенте по случаю поездки в Москву, была нами аккуратно уложена в огромный мешок. Мы единогласно решили, что эти сказочно красивые сандалии впервые коснутся земли в Москве. А в дороге... А в дороге можно и босиком!

И вот теперь, все еще не веря своим глазам, перепуганный Танальский видел, что главной нашей ценности — мешка с обувью — нет как не бывало.

— Ук ... Ук-крали! — заикаясь, вымолвил бледный Саша, мигом забыв про духоту и про море.

— Похоже, что так, — вздохнул я. — Ну и дневальный у нас... Доверь такому...

Саша отшатнулся, испуганно закусив губу:

— Что же теперь будет, Жорка?

— А ничего особенного, — усмехнулся я. — По Москве босиком ходить будем. Всего-то делов...

— Скажешь тоже! — возмутился Саша. — По Москве — босиком... Да разве можно? Делегаты — и босиком...

Я развел руками:

— Послушай, я не настаиваю. Зря кипятишься, между прочим... Не хочешь ходить по Москве босиком — ищи мешок. Сам ведь дрых, когда его из вагона уперли, а еще и злишься. Чудак ты!

Танальский вздохнул, горестно протянул:

— Что ребята скажут!.. Ужас! И Гаркушенко... И Мамин... И Лобач... Ужас!

Вот тут Саша был прав. Действительно, ситуация была критической. Не возвращаться ведь в Ташкент за обувью. Да и кто ее даст теперь? Эдак, если дневальные будут безмятежно похрапывать, вовсе не напасешься обуви. В Ташкент возврата нет — это ясно. Значит — только вперед. И значит, девятнадцатого августа сводный туркестанский отряд «КИМ» удивит москвичей... голыми пятками. Действительно, ужасное положение.

— Ладно, чего теперь горевать — беги на море, сказал я, без всякого, впрочем, энтузиазма. — Скажи спасибо, что увели только обувь. Могли ведь и весь вагон утащить с зорким дневальным вместе. Беги на море, вечером вместе будем думать. Может, кстати, лапти успеем сплести — времени навалом...

Саша уныло махнул рукой:

— Ничего уже не придумаешь... Крышка мне теперь. За такую вещь и из отряда запросто исключить могут. А что? Ссадят из вагона и скажут: топай, дневальный, назад в Ташкент и расскажи там, как ты нас без обуви оставил.

У Саши было лицо убитого горем человека. Впрочем, его можно было понять. Вместе с сандалиями воры, похоже, уволокли и доверие отряда к оплошавшему дневальному. А тут еще и я со своими дурацкими шуточками...

— Ну что же ты стоишь? — проговорил я после долгого нашего оглушительного молчания. — Иди искупайся — может, легче станет.

— Не станет! — отрезал Саша. — Никуда я теперь не пойду. На смех ведь поднимут. Скажут: ну и дневальный — за плескание в море всю нашу обувь отдал.

Я не стал более уговаривать Танальского, понимая, что в этой ситуации его уже не обрадовать морем. Мы остались в вагоне, горестно ожидая отряд.

Весть о пропаже обуви, конечно же, потрясла всех. Но горше всего для Саши было то, что никто ни одним словом не упрекнул его. Наказание молчанием было страшнее самых грозных раскатов гнева и неудовольствия.

Долго молчал и Гаркушенко. Начальнику отряда было особенно тяжело снести пропажу. Но что мог он предпринять сейчас? Разве что отложить принятие каких-либо мер до приезда в Москву.

Так он и решил, распорядившись выставлять отныне двух дневальных.

Танальский виновато прятал глаза, ходил задумчивый, а вечером вдруг присел на полку, решительно расшнуровал собственные новехонькие туфли, купленные ему в дорогу мамой, и, яростно швырнув куда-то в угол, стал, как и многие из нас, ходить босиком. Ты чего это? — удивился я. — Свои-то зачем скинул? Жмут, что ли? Вроде бы просторные были.

Танальский кивнул:

— Жмут... Еще как жмут!

«ДОРОГУ МОЛОКУ!»

Если бы обувь не тачали в своих мастерских сапожники, а выращивали на грядке огородники, то, посади мы в Ташкенте, в начале пути, рассаду сандалий, — к концу нашего двухнедельного путешествия в Москву у нас успела бы созреть — в такой-то жаре! — добротная спелая обувь. Тогда-то, растущая с каждым днем печаль Саши Танальского, живо увяла бы, как ботва вывороченной морковки.

Но сандалии ни на грядке, ни в горшках не росли, а дорога была кругосветно-долгой. Впрочем, скучать не приходилось, путешествие было богато приключениями — и не всегда, как в случае с уснувшим дневальным, печальными.

В Оренбурге и Самаре, в Пензе и в Рязани — по всему пути следования нас брали в плен местные пионеры. Мы проводили совместные сборы, пели, катались по Волге. В Рязани всех нас позабавил Алишер. Когда мы, утомленные дорогой, высыпали на перрон поразмяться, канатоходец-Алишер решил вдруг продемонстрировать свое мастерство и, встав на руки, принялся ловко отжиматься, ходить, переступая по перрону руками. К Алишеру не замедлили присоединиться еще несколько проворных ребят, а с ними — и Женя Баранова, ловкость которой всем нам уже давно была известна. Акробаты сразу же приковали к себе внимание внушительной толпы зевак, подававшей

одобрительные реплики. Многие из толпы и вовсе приняли их за бродячих акробатов, зарабатывающих себе на пропитание публичными выступлениями. Вскоре на землю полетели монеты, какая-то сердобольная старушка, обвязанная с головы до ног пестрым платком, упрямо уговаривала Алишера взять у нее кусочек сала. Алишер, понятно, сконфуженно отказывался. Старушка обижалась:

— Возьми, милай! Не побрезговай.

— Ну что вы, бабуся, — отнекивался Алишер. — Мы ведь не за плату, а просто так.

Старушка не унималась:

— Будя говорить. За просто так и корова не замычит...

Пришлось взять сало — доставить удовольствие бабусе. Деньги акробаты, конечно же, вернули.

Впрочем, их ловкость и мастерство той же ночью сыграли добрую службу. На этот раз им довелось не выступать перед восхищенными зеваками, а выручать из беды товарищей...

Отряд «КИМ» занимал два вагона. Пионеры из Полторацка и Душанбе были в вагоне, следовавшем сразу же за паровозом. Сообщения между вагонами не было.

...Ночью нас разбудил тревожный крик:

— Врач где?.. Где врач?..

Спросонья ничего нельзя было понять, да еще эта кромешная тьма.

— Свечку зажгите! — приказал Саша Гаркушенко. Вспыхнуло робкое пламя, с трудом борющееся с темнотой большого вагона.

— Кто тут? — удивленно спросил Саша, оглядывая вагон. — Кому врач?

— Здесь я... на крыше! — только тут мы поняли, что голос доносится откуда-то сверху. Гаркушенко бросился к окну, выглянул и сразу же увидел свесившегося с крыши к окну пионера из полторацкого отряда.

— Да ты... что?! — взорвался Саша. — Свалишься ведь. Отвечай потом за тебя... Кто разрешил ночью по крышам бегать?

— Говорю же — врач нужен. У нас две девчонки заболели.

— А что с ними?

— Горячие очень. Может, простудились. А может... Не знаю, что... Вот и пошел к вам.

— Ничего себе — пошел! Хорошенькую тропинку сыскал... А если бы свалился?

— Так... девчонки ведь... — оправдывался мальчишка. — Болеют сильно, стонут даже. У нас весь вагон из-за них не спит. Переживают...

Между тем, к окошку подбежала Женя Баранова и, задав гонцу несколько вопросов, стала спешно собирать лекарства в сумочку.

— Ты куда это лыжи наострила? — удивился Гаркушенко.

— К больным, куда же еще.

— Это как же?

— Очень просто. По крышам. Гаркушенко заслони собой окно.

— Глупости!.. Не пуцу! Вот остановимся — тогда пожалуйста, можешь даже поселиться у них.

— Ну да — когда остановимся. А может, теперь мы до самой Москвы не остановимся. Что тогда?..

Она положила руку на плечо Саши, мягко отвела в сторону.

— Зря беспокоишься, все будет хорошо. Да и сам посуди — кто, кроме меня, сумеет им помочь? Никто ведь. Так?

— Так... — вздохнул Гаркушенко. — Но ты пойми... Женя решительно перебила его:

— Я все давно поняла, и уже все давно решила. Надо идти и выручить товарищей.

И тут Алишер выкрикнул:

— Женя, и я с тобой! Гаркушенко изумленно уставился на Алишера:

— А эт-то еще кто такой?! Может, всем вагоном на крышу полезем?

Алишер, который успел мгновенно продумать все, возразил:

— Всем не надо. А вот без меня Жене одной будет трудно. Кто руку подаст? Никак нельзя ей одной...

— Но ведь... опасно... — упорствовал Гаркушенко.

— Думаешь, по канату легче ходить? — горячился Алишер. — А крыша — она ведь в сто раз шире каната. Если не больше.

И видя, что Гаркушенко колеблется, Алишер метнулся к окну и, не давая нам опомниться, мигом выпорхнул на крышу, прокричав оттуда:

— Женя, сумку давай!

Гаркушенко развел руками: путь к отступлению был отрезан.

Путь на крышу вагона не представлял трудностей и для Жени — ведь она была активисткой гимнастического общества «Сокол». Женя легко взлетела на крышу, и скоро мы слышали дробный топот — будто посреди августа на вагон посыпались тяжелые градины...

— Побежали! — понимающе воздела палец к потолку Зоя Стрельцова.
— Все в порядке...

Но самое удивительное — буквально через пятнадцать минут состав наш остановился, и надолго. Не выдержав, Саша Гаркушенко спрыгнул с подножки

умерившего бег вагона и, опережая состав, помчался к первому вагону. А следом за ним — и мы с Бахтияром.

Женя, Алишер и гонец уже давно были здесь. Заболевшие девчонки попали во власть выпускницы медицинского факультета Ташкентского университета Евгении Георгиевны Барановой, или попросту — нашей Жени. Они терпеливо отвечали на все вопросы, послушно открывали рот, давали измерять пульс и температуру.

— Ну, что с ними? — взволнованно спрашивал Гаркушенко. — Что-нибудь серьезное?

Простудились.

— Это летом-то? — усмехнулся я.

— А ты как думал. Летом простуда куда коварнее, хватить — и заболел человек. Вы бы лучше подумали, как для них молочка достать.

— Молочка?

— Оно их живо на ноги поднимет. Молоко им нужно. Если сразу простуду не прогнать — они потом на всю Москву болеть будут.

Вот так задачка. Где же ночью достанешь молоко, да еще в пути, да на неизвестном разъезде.

— Надо к машинисту сбегать! — заторопился Алишер.

— К машинисту? — удивился Бахтияр. — А что у него делать?

Думаешь, у них в паровозе корова едет? Зря думаешь.

— Вот еще — корова! — оскорбился Алишер. — Узнать надо — долго ли стоять будут. И где обходчик живет, надо бы узнать. Неужели не понятно? У обходчика все есть — и огород, и корова... Бахтияр расцвел улыбкой.

Так бы и объяснил сразу. Побежали вместе. Вскоре они вернулись и, возбужденно перебивая друг друга, доложили:

— Полчаса стоим...

— Знаете, кто в паровозе едет?.. Ни за что не догадаетесь. Папа нашего Васи Алексева.

— Карп Кузьмич?!

— Он самый. А мы и не знали.

— А что с молоком?

— О том и толкуем... Карп Кузьмич живо объяснил, где дом обходчика. Говорит, с полчаса постоят, а больше, говорит, никак не может здесь задерживаться. Давайте кастрюлю!..

Схватив протянутую им кастрюлю, они уже собирались кануть в ночь, но тут их остановил Гаркушенко:

— Погодите! А вдруг не отдадут за так? Заплатить бы надо.

— Идея! — воскликнул Алишер. — Я сало возьму. То самое, что старушка в Рязани дала. А что? Молоко на сало запросто сменять можно.

Алишер полетел за салом, оставшемся в нашем вагоне...

Так вот оно что! Значит, нас везет в Москву Карп Кузьмич. Тот самый Карп Кузьмич, от которого мы и услышали-то впервые слово «пионер». Вот здорово! Жаль только, что Васи Алексеева нет с нами. Он ведь и в жребии не участвовал, отказался. Комсомольское поручение он получил накануне: участвовать в организации детского дома.

Вася был постарше нас, а полгода назад его приняли в комсомол.

Зато Карп Кузьмич с нами!..

Томительно тянулись минуты. Вглядываясь в темь, мы с тревогой думали о Бахтияре с Алишером: успеют ли? Нам казалось, что вот-вот взревет гудок, и паровоз, трепыхнув вагонами, рванет вперед, оставляя наших друзей неизвестно где. С пустой кастрюлей.

Они вынырнули из ночи, как из черной проруби.

Первым шел Бахтияр, бережно неся кастрюлю. Алишер придерживал его за локоток, внимательно оглядывая невидимую дорогу.

— А вот и мы! — заулыбался Бахтияр. — Дорогу молоку!

Мы заволновались:

— Достали все-таки!

— Вот молодцы-то!..

— Как не достать! — спокойно растолковал Алишер и, вытащив из-за пазухи сверток, передал его Жене:

— Вот. Сало для больных. Обходчик просил передать...

— Как — сало? — удивилась Баранова. — Это ведь наше сало! Вы ведь его с собой брали! Платить чтобы... За молоко...

— А они отказались. Так молоко дали. Сало, говорят, больным нужнее — им и отдайте. А еще говорят — надо его растопить как следует и хорошенько натереть больных. К утру, говорят, оно всю хворь из них выгонит.

Бахтияр добавил сердито:

— Сколько можно про сало говорить?.. Буржуйку хоть догадались разжечь? Молоко ведь нагреть надо.

КАРНАЙ НЕ ТРЕВОЖАТ ПО ПУСТЯКАМ

Истекала вторая неделя нашего путешествия. Близилась Москва. И с каждым часом мрачнее становился Саша Танальский. Оно и понятно — приближалась минута, когда, по его вине, отряд «КИМ» будет вынужден ступить на московский перрон... босиком или, в лучшем случае, в стоптанной старой обуви. Действительно, не до смеха...

А Москва уже дышала в окна. Разбегались, становились полноводными пути, вплотную к дороге подходили высокие дома, по широким улицам катили диковинные машины.

Внезапно в окна ворвалось пение пионерского горна.

Поезд вздрогнул и остановился.

Москва!

Мы посыпались из вагона и очутились на перроне, вдоль которого был выстроен пионерский отряд. Мы не успели опомниться, как вдруг к нам подбежал начальник отряда и, отсалютовав, звонко доложил:

— Двадцатый бухарский отряд Краснопресненского района для торжественной встречи пионеров Туркеспублики выстроен!

Вместе с ним прибежал и барабанщик.

Мы пораскрывали рты. Что за новость? Какой еще бухарский отряд? Земляки, что ли? И почему — Краснопресненский? Все это было совершенно неразрешимой загадкой. Я скосил глаза на Сашу Гаркушенко и увидел, что растерян и он. И только Михаил Лобач спокойно улыбался. Спросил:

— Лева Либерзон с вами? Здесь?

— Никак не мог прийти. Вечером будет у нас на Спиридоновке. А сейчас у себя, на “Трехгорке”.

Видя нашу растерянность, Лобач объяснил:

— Эти ребята — из Бухары. Здесь, в Москве, для них организован интернат, а живут ребята в шикарном дворце — там до революции миллионер Рябушинский владыкой был. На Спиридоновке.

— Спиридоновка семнадцать! — уточнил начальник отряда. — А здесь мы не одни — вас и краснопресненцы встречают, из райкома.

К нам навстречу уже спешили парни с комсомольскими значками.

Улыбаясь, один из них спросил:

— Познакомились с земляками? Вот-вот!.. Мы тоже подумали, что это будет для вас отличным сюрпризом. Мы и поселить вас решили поблизости от бухарцев. В школе... В гости будете ходить друг к другу, чай распивать. Поближе и познакомитесь, раз уж у себя дома не довелось.

Мы невольно рассмеялись. Действительно, забавно: ехали в Москву, думая, что будем первыми туркестанскими пионерами на московской земле, а там, оказывается, преспокойненько живет себе целый отряд в пятьдесят человек из Бухары.

— Погодите! — всполошился я. — А вы Конышева видели?

— Где? — растерянно переспросил начальник отряда.

— Ясно где — у себя, в Бухаре. Он туда от нас уехал — первую дружину создавать. Еще в мае. Тогда лорд Керзон шибко буянил, даже в Бухаре кое-кто из его шайки орудовал, да народ с толку сбивал. Вот Виктор и поехал в Бухару.

И тут вперед выступил барабанщик и выпалил:

— Он не знает. Он в Москве уже год, и остальные тоже. Самый последний сюда я приехал. Из Лабируда я, это кишлак около Бухары. Не было у нас в Бухаре пионеров, я точно знаю. Только здесь вот...

Я вздохнул:

— Значит, разминувшись вы с Конышевым... Гаркушенко постучал пальцами по барабану.

— Звать-то тебя как?

— Тилля... Тилля Джумаев я. Из Лабируда...

— Ну, это мы уже слышали.

Миша Лобач, между тем, отвел в сторону встречавших нас краснопресненских комсомольцев, и по тому, как показал на босые ноги Алишера, я понял, что Лобач рассказывает о досадной пропаже мешка с обувью. Лобач подозвал Сашу Гаркушенко и Абдуллу Исхак-заде, который торжественно именовал себя главным финансистом отряда, и они также включились в разговор. Скоро Гаркушенко вернулся к нам и приказал строиться. Когда мы построились, Гаркушенко подал совершенно неожиданную команду:

— На Сухаревский рынок... Примерять и покупать обувь... Ша-а-гом марш!

И мы двинулись на рынок. А чтобы нам не было скучно, Тилля Джумаев, присоединившись к нашим собственным горнистам и барабанщикам, стал во главе отряда и уронил звонкие палочки на гулкую кожу барабана. Бухарский краснопресненский отряд двинулся одной колонной с нами, удивляя москвичей ловкой игрой на дойре, гиджаке и рубабе.

Отряд «КИМ» шел по Москве, одетый как бы в пестрый музыкальный халат.

И только Бахтияр нес свой лабзакский карнай, не расчехляя. Ясно: боится не удержать. Такой громадине сначала фундамент построить нужно,— чтобы держалась, а потом уж и дуть. Я кивнул на карнай:

— Тяжелый... Уронить боишься, да? Бахтияр усмехнулся:

— Вот еще — тяжелый!

— Отчего ж тогда не играешь? — лукаво сощурился я.

Бахтияр был начеку. Усмехнулся:

— Да кибитки московские жалко. Задеть боюсь, по ходу играя. Крыши полетят... Колокольни рухнут... Карнай по пустякам не тревожат. Подумаешь, на базар идем туфли подбирать!.. Что же мне — всю Москву трубить прикажете, что мы босиком приехали? Нет, пусть пока карнайчик поспит. Разбудим еще. Успеем...

ВРЕМЯ БУДИТЬ КАРНАЙ

Нас поселили в Хамовниках, в пустовавшей школе. Мы сразу же узнали, что завтра, на выставке, познакомимся с пионерами Хамовнического района, которые организовали во дворе павильона деткомиссии ВЦИК показательный пионерский лагерь.

Итак, завтра — открытие выставки. Успели в срок. Да и Сухаревка нас выручила — правда, нашему «финансисту» Исхак-заде пришлось порядком раскошелиться, чтобы приобрести на рынке обувь...

Наутро мы двинулись к Москве-реке. Вся Москва, нарядная, праздничная, спешила в это воскресное утро на Крымский вал, где на огромной территории вплоть до Нескучного сада размещались павильоны выставки. Еще издали мы увидели на пригорке мачту с флагом, а вокруг — палатки.

— Видите! — показал Саша Гаркушенко. — Пионерский лагерь. Тот самый.

— Айда к ним! — закричал Алишер. — Нам ведь говорили, что надо обязательно познакомиться...

— К ним и идем, — кивнул Саша. — Как же — великое это дело, пионерский лагерь. Поглядим, глядишь и у себя потом не хуже организуем. Все увидим, Алишер, все! Ты только не торопись.

Как и все, мы мечтали увидеть в Москве Ленина, надеялись, что, быть может, случится чудо и Владимир Ильич сможет участвовать в открытии выставки.

Ленин приехать не смог, был болен. Но зато он был избран почетным председателем президиума торжественного заседания.

После заседания мы посетили Уголок имени Ленина — он был организован в «Новой деревне». Долго рассматривали мы удивительный экспонат, выставленный у входа в «Новую деревню». Ловкий скульптор соорудил плуг, используя для него... части пулемета. Над плугом колыхался кумач: «Перекуем мечи на орала!».

Женя Баранова изумленно всплеснула руками:

— Вот не думала, что пулемет может быть строительным материалом!

— Как видишь — может! — показал Саша Гаркушенко. — Это смотря кто строит. Баден-Поуэлл — так тот, пожалуй, наоборот из плуга пулемет соорудит.

Наконец мы добрались и до павильона деткомиссии ВЦИК, где была организована роскошная выставка работ детей — лепка, живопись, вышивка, изделия из глины. Много было там и материалов о борьбе с беспризорничеством.

И вот мы в пионерском лагере. Да и только ли мы? Сотни людей из городов и сел, из дремучих медвежьих углов с удивлением знакомятся с жизнью пионеров, осматривают диковинный для них пионерский лагерь.

Осматривали и мы, крепко запоминая, как оборудован лагерь — деревянные настилы для постелей в палатках, кухня-землянка, мачта...

Нашим гидом был начальник лагеря Николай Студенецкий. Он рассказал, что в лагере живут ребята из Замоскворецкого и Хамовнического районов и посоветовал создавать такие же лагеря и в Туркестане.

Это он, впрочем, советовал всем, кто посещал лагерь.

Студенецкий заметил, что у нас в отряде в основном мальчики.

— В чем дело! удивлялся он. — А где девочки коренных национальностей?

Их, и впрямь, можно было сосчитать на пальцах. Но что поделаешь, если и в пионерах их пока было негусто.

— А вот это плохо! — заключил Студенецкий. — Активнее бы надо вовлекать, их в свои ряды. А то ведь весь свой век паранджу носить будут. Тут ваша, братцы, промашка.

Студенецкий был прав. Паранджу мы пока не победили.

Но ведь победим же! Паранджа — это же вроде скаутов. Цепляется, огрызается. Но все равно отступит. Обязательно отступит. Дайте только срок...

А потом нас угостили какао со сгущенным молоком, и мы вместе звонко распевали задорные песни — «Картошка», «Вперед, заре навстречу», «По морям, по волнам»... Прощаясь, мы хором произнесли Железный закон юных пионеров. По всей выставке разнеслось наше громовое:

— Буду...
Стремиться...
Всегда, везде, где возможно...
Получить знания...
Для того...
Чтобы...
Употребить их...
На пользу...
Трудящихся!

Вечером того же дня нас принимали земляки — в Бухдомпросе. Здесь мы и увидели Льва Либерзона, о котором на вокзале спрашивал у москвичей Миша Лобач. Оказывается, Либерзон работает механиком в прядильном цехе Трехгориной мануфактуры и по заданию Краснопресненского райкома комсомола является вожатым у пионеров из Бухарской республики. Мы узнали, что здесь, в Доме просвещения на Спиридоновке, воспитываются, главным образом, оставшиеся сиротами дети, чьих родителей погубил эмир бухарский.

Я заметил Тиллю Джумаева — уже знакомого нам барабанщика отряда. В руках Тилли был дутар.

— Привет, барабанщик! — сказал я. — Что, сменил коня? — и кивнул на дутар.

Тилля пожал плечами.

— А я и на гиджаке умею, и на дойре, и на чанге... Нас тут всему учат.

— Сыграй что-нибудь, — попросил я.

— А что?

Что хочешь. Давай самую любимую!

— Любимую? — Тилля сощурился. — Пожалуйста! — и, ударив по струнам, заиграл незнакомую бодрую мелодию.

Все интернатские оживились и вдруг запели, подлаживаясь под музыку дутара. Эту песню мы слышали впервые, а слова у нее были удивительные:

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих...

Скоро уже и мы несли подхваченный на лету припев:

Близится эра
Светлых годов,
Клич пионера —
«Всегда будь готов!»

— Что за песня, Тилля? — изумленно спрашивали мы, когда пение окончилось.

— А вы не знаете? Это же наш пионерский марш. Его вся Москва поет.

— А до Ташкента он еще не дошагал. Впервые слышим. И в лагере на выставке почему-то не пели. «Картошку» пели, а эту нет.

— Значит, тоже еще не знают. А к нам сам композитор позавчера приезжал — Сережей его звать.

— Сергей Дежкин! — подсказал Либерзон. — Он в музыкальном техникуме учился. Они этот марш с Сашей Жаровым написали. Крупская им поручила. Вот теперь и ходят авторы по московским интернатам со своей песней и помогают разучивать. Хорошая песня, правда?

Мы заволновались. А Бахтияр так выразил общее мнение:

— Не хорошая, а замечательная! Ее Ташкент за один день разучит. Вы только слова нам запишите.

— А музыку? — спросил Тилля. — Могу и музыку написать.

— Музыку не надо, — отклонил предложение Бахтияр. — Мы ее уже запомнили.

Алишер добавил:

— На всю жизнь.

Саша Гаркушенко загорелся:

— Давайте разучим и исполним на выставке в следующее воскресенье.

— А почему — в следующее? — спросил Бахтияр.

— Потому что будет торжественное открытие нашего Среднеазиатского павильона! Сам Чичерин выступать будет — народный комиссар по иностранным делам! А может, и Михаил Иванович Калинин тоже. Есть такой разговор. Ясно? Вот там и исполним. Здорово ведь. Как идея? Только честно...

Бахтияр просиял.

— Конечно, здорово! Вот там карнай и разбудим!.. Но тут, услышав о Калинине, заволновались ребята из Каунчи:

— Надо бы узнать у товарища Калинина — получил ли наши посылки. Мы ведь ему послали яблоки и груши. Три посылки...

Мы возвращались в Ташкент, когда учебный год был уже в разгаре и приходилось всюду наверстывать упущенное.

Радостные воспоминания, бесконечные наши рассказы о Москве были омрачены неожиданной разлукой с Сашей Гаркушенко. ЦК комсомола направил его на пионерскую работу в Джетысуйский обком комсомола Казахстана.

Они разлетелись из Ташкента по Средней Азии один за другим, как искры костра, первого пионерского костра. Сначала Юра Чесноков, за ним Виктор Конышев, Николай Туркестанский, Сулейман Мамин... А теперь вот еще и Саша Гаркушенко...

Разлетались, чтобы пионерские костры зажглись повсюду.

КАК ЖЕНИХ СЭКОНОМИЛ БАРАНА

Популярность Дины Горбштейн внезапно взмыла до небывалых высот.

И дело тут было вовсе не в том, что она стала, как и многие из «ветеранов», вожатой звена. Во все нет. Причина была старой, давно знакомой, и заключалась в том, что родители Дины — неподражаемые мастера портняжного искусства, помогавшие юным разведчикам еще прошлым летом шить галстуки, вновь понадобились нам.

И все — юнгштурмовка! Форма немецких комсомольцев и юных спартаковцев, с которыми мы встречались на сборах в Москве, понравилась нам до умопомрачения, властно завладев нашими умами. Да еще, ко всему, юные спартаковцы подарили нам одну форму юнгштурма. Для образца.

Но нужен был материал.

Выручил Саша Гаркушенко. Видя наши нешуточные муки, он перед самым своим отъездом в Казахстан успел сыскать для пошива формы материал. Не на всех, конечно. Но на начальников отряда и вожатых звеньев хватило вполне.

Вот тут-то и пополз в гору авторитет Дины. Ведь это она, а не кто-нибудь другой взялась проследить, чтобы родители выполняли пионерский заказ отлично и в срок. А лучше — если и того быстрее...

Долго не могли мы всласть налюбоваться на новенькую свою форму, и, честно говоря, первое время горделиво ловили завистливые взгляды тех, кто пока не владел юнгштурмовкой.

Но и эти страсти поулеглись.

Уехал Саша. А задания и наказания, полученные нами в Москве, остались с нами. И задания нешуточные.

Нужно было идти в кишлак. Идти упорно, глубже, шире.

Нужно было вовлекать в отряды девочек-узбечек.

Что юнгштурмовка — по сравнению с этими задачами? Даже смешно сравнивать...

Между тем, в старгородской части Ташкента не дремали наши товарищи. Уже во всех интернатах и детских домах были созданы отряды. Были в них и девочки-узбечки. Но самостоятельный отряд, состоящий из одних только девочек, пока не удавалось создать. Над этим бились Сали Юнусов, Виктор Тепляков, Вазген Степаньянц — пионерские вожаки с уже солидным опытом. Вазген недавно приехал из Андижана, где состоял еще в 1920 году в отряде юных коммунистов (юков), а потом участвовал в создании первого пионерского отряда и воевал с андижанскими скаутами... Им помогали базовые вожатые — Юнус Рахимов, Малик Муталов, Рахим Юнусов.

Работал в старгородской части Ташкента и Абдулла Исхак-заде. Правда, как только Абдулла пытался хоть чуточку раздвинуть границы своих финансово-хозяйственных полномочий, начинались недоразумения. Не сумев еще недавно сломить наше дружное сопротивление его идее присвоить структуре ташкентской пионерской организации новые наименования, он замыслил назвать легионом теперь уже старгородскую дружину. Понятно, что когорты и центурии тоже нетерпеливо «били копытами» в его полной идеями голове. Похоже, чтение «Спартака» так ни в чем и не разубедило Абдуллу. Напротив, он придумал и такое, чего не было даже в «Спартаке».

— Почему у пионеров галстуки только одного цвета? — всерьез удивлялся Абдулла. — Это ведь очень неудобно.

Услышав такое, Сали Юнусов и Виктор Тепляков едва не прикусили от изумления языки. Абдулла только и ждал того, с готовностью продолжая развивать свою идею.

— Я все придумал! — восклицал Абдулла и глаза его полыхали лихорадочным блеском. — Надо галстуки сделать многоцветными, чтобы легко было различать, кто из какого отряда.

— Это как же? — отшатывался удивленный Виктор.

— Очень просто! Допустим, пионеры Сибзарской части Старого города носят галстуки черного цвета, пионеры Дарвазы — красные, Шайхантаура — синие... Много еще есть разных цветов — зеленый, бордовый, голубой...

— Голубой — это у скаутов! — остановил Абдуллу Виктор. — Голубой с белыми лилиями.

— Ладно, не надо голубой, — со вздохом соглашался Абдулла. — Но зато удобно ведь, правда? Идет, допустим, пионер с черным галстуком — и вы сразу же видите, что он с Сибзара. Очень удобно!

Председатель райбюро юных пионеров Сали Юнусов гневно покачал головой:

— Страшные ты слова говоришь, Абдулла, и, похоже, вообще не понимаешь, чем пионеры от черного барона Врангеля отличаются.

— При чем тут Врангель? — обиженно протянул Абдулла.

— А при чем тут черные галстуки? — выдал Сали в ответ. — Ты бы, Абдулла, лучше хозяйством своим занимался и не лез в атрибутику. Ведь дикие вещи предлагаешь. То легионы, то разноцветные галстуки. Смотри, расскажем ведь Гани Муратбаеву, какой у нас ценный инициатор объявился. Изобретатель прямо... Лучше в детдом на Лабзак загляни, вчера Бахтияр приходил, говорит — несколько новых ребят к ним поступило, а одну девчонку они чуть ли не со свадьбы похитили. Тринадцать лет невесте...

Узнать бы надо, что да как... Такие случаи в последнее время участились...

Историю «невесты» я узнал от Бахтияра...

Марьям действительно было тринадцать и жила она в махалле Шайх-Сагди — той самой, откуда пришла в детский дом на Лабзаке вожатая девичьего звена первого пионерского отряда Хайриниса Садыкова. Она-то, пойдя в воскресенье проведать мать, и узнала, что ее подругу Марьям собираются выдать замуж.

— Так мать ее решила, — со вздохом рассказала Хайринисе Хикматопа.

— Но ведь ей только тринадцать! — удивлялась Хайриниса.

— А кто об этом знает? Она да мать, да мы с тобой.

— Но... ведь... документы есть... — растерялась Хайриниса...

— А жених купил справку, Зухра-опа сама мне об этом рассказала.

— Какую еще справку?

— Ясно какую. Что ей не тринадцать, а четырнадцать, и значит замуж можно.

Хикмат-опа вздохнула:

— Ты не думай, Зухра-опа и сама плачет. Но что поделаешь, Хайриниса, когда у нее, кроме Марьям, еще девять ртов? А тут жених богатый подвернулся, он им целого барана обещал подарить и деньги тоже.

Хайриниса сердито топнула ногой:

— Значит, они продали ему Марьям? За барана!

— Ну что ты говоришь, дочка! Свадьба только завтра...

— Не бывать этому! — воскликнула Хайриниса и помчалась искать подругу.

Заплаканная Марьям возилась у тандыра, отлепляя от горячих его стенок пышущие жаром лепешки. Подруги обнялись, защебетали.

Узнала Хайриниса, что выдают Марьям против ее воли и, действительно, по поддельной справке, и предложила:

— А побежали к нам в детдом. У нас будешь жить, там тебя ни один жених не найдет. Хоть с бараном, хоть без барана.

Марьям подняла испуганные глаза:

— Как это — убежать?.. А что мама скажет жениху?

— погоди, а где его баран? Еще не съели?

Так он ведь обещал только. Говорит, после свадьбы пришлет.

— Вот и отлично! Пусть Зухра-опа скажет жениху, что с врачами посоветовалась...

— А зачем — с врачами?

— Ты слушай, а не перебивай. Вот я и говорю — с врачами она, мол, посоветовалась, а они ей сказали, что теперь, мол, баранину кушать никак нельзя. Очень, оказывается, вредное мясо. Пусть так и скажет.

Марьям заулыбалась.

— Вредное, говоришь?.. Теперь ясно, почему мы баранину полтора года не ели дома.

Хайриниса схватила Марьям за руку, заторопилась:

— Побежали!

— Прямо сейчас? — заволновалась Марьям. — А вещи?

— Какие еще вещи! Мать увидит — ни за что не отпустит. Побежали так. Вещи потом возьмем. Ты не бойся — у нас там все есть! Вот только паранджу накинь, а то еще жених по дороге попадетс...

Так невеста Марьям очутилась в детском доме имени III Интернационала, прибежав туда в роскошной бархатной парандже — единственном свадебном подарке, который успел сделать жених. Паранджу переслали было жениху — отнести вызвался Бахтияр. Но жених почему-то отказался принять паранджу, заявив, что впервые ее видит, а о своей предполагавшейся свадьбе и вовсе слышит впервые...

— Все ясно! — говорил Бахтияр, вернувшись с паранджой обратно. — Боится признаться, что справку поддельную купил. Так и в тюрьму женишку угодить недолго. Сразу от невесты отказался.

— Зато целого барана сэкономил! — со смехом заключила Хайриниса...

Когда я пришел в детдом навестить Бахтияра, на Марьям уже пламенел галстук.

ЗНАМЯ НА КАРАГАЧЕ

История с липовой справкой меня взволновала. Это что же, если подумать, получается? Возраст невесты можно купить за деньги или выменять на барана? Эдак скоро начнут разбирать невест прямо из бешика*.

**Бешик (узб.) — деревянная колыбель.*

Где мы потом станем вербовать в отряды девчонок? И еще: неужели нельзя как следует запретить выдавать лживые справки?

Пересказав друзьям услышанную на Лабзаке историю, я предложил Марко Гаркушенко поразмышлять над таким вопросом: если уж в самом Ташкенте девчонку всего лишь за барана купить можно, то почём они в кишлаке?

Марко озорно сверкнул глазами:

— Глядите, наш. Жорка к невестам приценивается. Похоже, жениться собирается.

Я покраснел, щедро наградив Марко испепеляющим пзглядом.

— Скажешь тоже — жениться... Я же серьезно...

— И я серьезно! — не унимался Марко. — Почем мы знаем — может, ты уже и барана выкормил. А что? У дяди Вани двор большой, там целую отару пасти можно.

Алишер сказал:

— А я знаю, почем невеста.

— Откуда знаешь? — покосилась на него Зоя.

— А про это у нас, узбеков, народная песня есть. Очень грустная. И как раз — про почём.

— Ну так спой, если знаешь.

— Длинная она, и плакать от нее охота. Я лучше ее вам сразу на русский переведу. Значит, так... — Алишер задумался, зашевелил губами и дважды прищелкнул пальцами, будто напевая про себя песню. — Значит, так, перевожу, только учтите — без рифмы:

На дереве персики растут

И ветви у дерева качаются.

Персик дешево стоит,

А девушка еще дешевле.

На девушке — тиковое платье и матовые штаны.

Сколько стоят ее платье и штаны —

Ровно столько стоит и девушка.

Алишер умолк.

— Все, что ли? — потрясенно выдохнула Зоя.

— Все. А что?

— Страшная песня. Получается... бесплатная она... Девушка...

Алишер передернул плечами:

— Народная песня. Древняя очень. Ее все знают.

— Ясно! — кивнул я. — Она — как «Замучен тяжелой неволей»...

Похожа очень...

Марко нахмурился, прошелся по штабу, заложив руки за спину.

Выдохнул:

— А насчет справок ты, Жорка, прав. С этим делом давно пора разобраться. Ничего, расскажем кому надо.

— А то без нас не знают.

— И хорошо, что знают! Еще знать будут. И вот еще что — давайте сходим в кишлак. Да хотя бы в воскресенье.

— В поход? — оживился Алишер.

— В поход, в поход, — спокойно кивнул Марко и вдруг взорвался: — Ты что же, в пионеры вступал — в походы ходить? В речке купаться? Или забыл наш Железный закон — жить на пользу трудящихся? А какая польза трудящимся, если пионер Алишер Ша-Гуламов сходит в поход? Честно говоря, никакой. А вот если пионер Алишер Ша-Гуламов в этом походе о трудящихся позаботится — вот тогда и будет мировой революции польза от Алишера и от его похода!..

После такой грозной речи Алишер и глаз не смел поднять. Вот ведь досталось на орехи за безобидный вопросец!.. Подумаешь, про поход спросил. И правильно спросил. Вон Вася Алексеев тоже в воскресенье собирается вести свой отряд в поход в знакомый кишлак. Мы там еще в прошлом году гостили, когда ходили в Бостандык.

У меня вырвалось:

— А может, с Буденным пойдём?

Все ошалело уставились на меня. А Алишер осторожно спросил:

— С Буденным? А разве он сейчас в Ташкенте? Поняв свою промашку, я объяснил:

— В смысле — с отрядом имени Буденного. Вася Алексеев вчера мне сказал, что они в Уч-сай собирались. Помните, там в прошлом году Женя

одному дехканину ногу от перелома лечила, шину накладывала? Басмачи его тогда покалечили. Помните?

Как не помнить Уч-сай! Как забыть добродушного Кадыра-ата — председателя кишлачной ячейки союза «Кошчи»!* В тот наш приход Кадыр-ата рассказывал о том, что участились случаи проникновения в кишлак басмаческих лазутчиков, что оживились муллы и баи, все громче поговаривая, что надобно ждать перемен. Члены союза «Кошчи» ночью дежурили, охраняя кишлак деревянными вилами, топорами, охотничьими ружьями. Накануне того нашего прихода в Уч-сай ночью была отбита наглая атака очередной басмаческой шайки. Тогда мы обещали Кадыру-ата, что будем приходить часто. И вот — ни разу с тех пор не приходили...

---

* Союз «Кошчи» — союз беднейшего крестьянства, объединивший в своих рядах дехкан. Соответствует комбедам в России.

Решили пойти в Уч-сай вместе с пионерами Васи Алексева в субботу, чтобы остаться там и на воскресенье.

В Уч-сай входили под грохот барабанов и пение горнов. Но были вынуждены тотчас же умерить свой парадный пыл — нам навстречу двигалась траурная процессия. Над толпой дехкан, одетых в новенькие халаты, плыли носилки, обтянутые полотном. Я увидел в толпе Кадыра-ата. Он заметил нас, мигнул, но, не сбавляя быстрого шага, продолжал идти в толпе мужчин, торопливо сменявших друг друга у носилок.

Процессия стремительно пролетела мимо. Между тем, нас обступили кишлачные мальчишки, знакомые по прошлогодней встрече. Они-то и рассказали нам, что ночью на кишлак вновь напали басмачи, убили учителя, а парты порубили и сожгли. Увели с собой двенадцать быков и пять ишаков.

История повторялась. В прошлом году кишлак, помнится, жил в той же тревоге. Но тогда в Уч-сае еще не было новой школы.

— Неужели никого из них не поймали? — с болью спрашивал Алишер.

Оказывается, два бандита из шайки не ушли от ответа. Дехкане поймали их у могучего карагача в центре кишлака, на котором развевался красный флаг, подаренный недавно кишлачной ячейке союза «Кошчи» кавалерийской частью за успешное сопротивление басмачам бойцов отряда самообороны, именовавших себя краснопалочниками.

— А что злодеи у карагача делали? — любопытноспрашивал я.

— Знамя снимали, оно им давно глаза мозолило, спать у себя в горах не давало.

Мы узнали, что погибший учитель был в кишлаке первым врагом муллы и двух местных богатеев. Накануне налета они тайно собирали среди верующих мусульман пожертвование на угощение бандитам.

— Выходит, знали, что те придут?! — задыхался от гнева Алишер. — А может, и в сговоре с ними были. Ишь, какие — на карагач полезть вздумали.

Запрокидывая голову, Алишер силился разглядеть ветку, на которой должно было полыхать знамя. Сейчас оно лежало внизу, отнятое у покусившихся на него басмачей.

— Вернуть его обратно надо, — сказал Юлдаш — кишлачный мальчишка лет двенадцати, сын Кадыра-ата.

— Чего же до сих пор не повесили? — удивился Алишер.

— Высоко очень. Кто полезет?

— Высоко? — Алишер округлил глаза. — А кто же его в первый раз вешал?

— Красноармеец один. Они и знамя кишлаку подарили, и сами его повесили на карагаче. Отец сказал: когда вернутся с кладбища — решат, куда флаг перевесить, раз уж никто залезть не может.

Алишер вздрогнул:

— Нельзя его перевешивать. Здесь его место. И даже еще выше. А то ведь басмачи, которых ночью здесь поймали, смогли ведь залезть, сняли знамя.

— Сняли... — тяжело вздохнул Юлдаш.

С этими словами Алишер приблизился к могучему стволу и стал внимательно его оглядывать.

— Ты что смотришь? — заволновался Юлдаш. Сам, что ли, хочешь?

— Угадал.

— Умный какой! Знаешь, как высоко! В лепешку... можно... свалиться.

— Вижу, что высоко, — проворчал Алишер. — Не слепой.

И тут он заметил свисавший с одной из веток волосяной аркан.

— Вот это мне и надо! — воскликнул он и потянул на себя аркан.

Аркан держался крепко.

— А вот еще один! — показал я на второй аркан, неприметно валявшийся в сторонке.

— Ну, ребята, теперь держитесь! — пообещал Алишер.

Бережно уложив знамя за пазуху, он перекинул через плечо второй аркан. Затем, ухватившись за тот, что свисал с ветки и, упиравшись ногами в ствол карагача, прямо-таки взбежал на ветку, служившую опорой аркану. Мы только ахнули. Впрочем, зная прыть Алишера, я ничему не удивлялся.

Да и не так ли ловко вылез он тогда на крышу нашего вагона? Нет, потомственному канатоходцу Алишеру страх перед карагачем был неведом. Работая волосяными арканами, он быстро забрался на вершину дерева и приладил знамя к ветке.

Знамя задышало, забилося на ветру, верховодившем в вышине.

Мы встречали Алишера как победителя.

— Вот теперь другое дело! — говорил он, деловито похлопывая ладонями. — Великое дело — аркан. С ним и быка укротишь, и на дерево залезешь. Это вам не скаутские узлы вязать, время попусту терять.

От наших шумных поздравлений Алишер отбивался как от назойливых мух. А кишлачные мальчишки, завладев арканами, наперебой учились набрасывать их на сучья деревьев и кольца ограды.

Вскоре подошел и Кадыр-ата, а с ним и остальные участники печальной процессии. Еще издали увидев водворенное на карагач знамя, они шумно переговаривались.

— Кто знамя повесил? — возбужденно спросил Кадыр-ата, и кишлачные мальчишки воробьями запрыгали вокруг Алишера:

Он!.. Он!.. Он!..

Кадыр-ата обнял Алишера, вздохнул:

— Спасибо, тебе, сынок. Большое ты дело сделал, можно сказать — революционное. Пусть видит народ, пусть знает — нельзя снять наше красное знамя. Вижу — ты его еще выше повесил!..

Дехкане угостили нас машхурдой,* принесли пахучие дыни.

— Ешьте, гости дорогие! — приглашал нас к дастархану Кадыр-ата, прижимая руки к сердцу. — Устали ведь с дороги, аж из Ташкента идете.

**Машхурда (узб.) — суп из крупы маша, национальное блюдо.*

Было неловко угощаться. Вот ведь незадача... У кишлака печаль, человек погиб... А тут гости — надо потчевать.

Кадыр-ата рассказал подробности ночного налета:

— Реже стали они нападать, значительно реже. Но добрее от того не стали, наоборот. Как волки — обязательно чью-то жизнь с собой унесут. Вот и Мирвали наш сегодня... Он со стариками занимался, грамоте их учил в чайхане. В упор выстрелили, в окно... — Кадыр-ата отвернулся, смахнул рукавом халата слезу. — Хороший он был у нас джигит — Мирвали. Новую школу открыл в кишлаке, пионерский отряд мечтал организовать. И вот...

Мы договорились с Кадыром-ата, что завтра поможем собирать хлопок.

— А хотите — и пионерский отряд организуем, — сказал Алишер. — Мы ведь об этом и думали, когда к вам шли. Только вот что-то девчонок не видно...

Тут Алишер, конечно же, лукавил. Еще у карагача мы видели немало девчонок. Правда, они-не подходили к нам, как пацаны, а робко выглядывали из-за дувалов, как и их матери, завешанные черными волосяными сетками. Но зато любопытные глазенки девчонок с вихрем смоляных косичек на голове стреляли в нас отовсюду. Представляю, каким сказочным богатырем представлялся в их глазах ловкач Алишер, сумевший взлететь на почти заоблачную вершину карагача без помощи волшебной птицы счастья Семург...

— Девчонок, говоришь? — сощурился Кадыр-ата. — А зачем они тебе?

— Ясно зачем. В отряд их надо. В пионеры. Вон на Лабзаке уже есть одно девчоночье звено, у них Хайриниса вожатая. А давайте и в Уч-сае такое создадим.

— Попробуйте! — усмехнулся Кадыр-ата. — Буду только рад, если получится. А вот с мальчишками, думаю, будет проще. Вон вам, для начала, первый пионер, — и он указал на Юлдаша.

В первый пионерский отряд Уч-сая записалось шестнадцать мальчишек. Девчонок, как и предупреждал Кадыр-ата, убедить не удалось.

Они пугливо убегали каждый раз, когда мы собирались к ним приблизиться. Конечно, разве за пару дней чего-нибудь добьешься? Алишер по этому поводу философски заметил:

— Девчонок в пионеры принимать — это вам не на карагач лазить.

Кадыр-ата успокоил нас.

— Не надо спешить. Пусть сначала приглядятся к мальчишкам-пионерам, потом сами попросятся...

А в обеденный перерыв, собрав к тому времени целый хирман хлопка и поев на шийпане* дымной шурпы, мы сразились в футбол со сборной первого пионерского отряда Уч-сая. Юлдаш принес пушистый мяч, изготовленный им самим из свалявшейся шерсти. Юлдаш в этом матче был моим соперником — тоже стоял на воротах. Зато девчонки Уч-сая «болели» не за меня, а за Юлдаша и его команду. И не удивительно: нашим девчонкам тоже хотелось, чтобы победили мы.

---

*Шийпан (узб.) — полевой стан.

Уходя в Ташкент, уже на окраине кишлака, мы оглянулись. Над кишлаком реяло красное знамя, вознесенное карагачем. Алишер вскинул руку, отдавая

знамени прощальный салют. А за ним — и все мы. Прощай, Уч-сай! Мы обязательно придем еще и снова увидим твое знамя!

ИМЕНИ ДЕДУШКИ ИЛЬИЧА...

Морозный январский вечер. Побелела гулкая земля. Деревья одеты снегом и стоят часовыми, сторожат зиму. Ранние сумерки властно одевают город — будто набрасывают на него постылую паранджу.

А в Клубе связистов — тепло и многолюдно. В зале полно пионеров — новгородских, красновоеточных, старогородских. За занавесом угадывается движение.

Взволнован Вася Алексеев. Как-то пройдет инсценировка о кровавом воскресенье — по рассказу Максима Горького, которую подготовили для сегодняшнего вечера пионеры дружины имени Буденного?

Раздался в стороны занавес и ведущий объявил: — Вечер памяти жертв девятого января объявляется открытым!

Я в замешательстве скосил глаза на Бахтияра, сидевшего рядышком, не зная — следует ли хлопать при этих словах ведущего?.. Ведь обычно, когда открывается вечер, его начало встречают аплодисментами. Сейчас же аплодисменты были неуместны.

Зал шумно поднялся. Из первых рядов, где стояли партийцы, полыхнуло грозно:

Вставай, проклятьем заклеименный,
Весь мир голодных и рабов...

Мгновенно занялся весь зал. Песня загудела, как могучее пламя.

Это есть наш последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской!..

Хорошо подготовили буденновцы свою инсценировку. Зря волновался Алексеев. Зал неотрывно глядел на сцену, то и дело шумно выражая свое отношение к происходящему на ней.

И вдруг в самый разгар пьесы на сцену выбежал Марко Гаркушенко и остановился посреди, растерянно вглядываясь в зал.

Что такое?

Я хорошо знал, что Марко не занят в инсценировке. Но зачем же тогда он выбежал на сцену? Из-за кулис вышел растерянный Вася Алексеев, потрясенный не меньше моего неожиданным явлением Марко.

Марко поднял руку и все на сцене остановились. Зал взволнованно зашумел.

— Товарищи! — выкрикнул Марко. — Товарищи!.. — голос его срывался, будто шел из скользкого ледяного горла. Я никогда еще не видел Марко таким взволнованным. Он вдруг полез в карман, дрожащей рукой извлек листок и, разгладив его, в кромешной тишине, сказал: — Беда, товарищи! Беда!.. Я только что с Центрального телеграфа. Вот записал телеграмму, ее Костя Сандлер сейчас только вынес и всем читает.

Сандлера я знал, Костя был секретарем комсомольской ячейки Ташкентского Центрального телеграфа.

И уже догадываясь, какую страшную телеграмму принес Марко, все встали. В разных концах зала одновременно послышались рыдания. Алишер читал полученное по телеграфу известие о кончине в Горках Владимира Ильича Ленина.

На сцену взбежал папаша Николаев, комкая в руках мохнатую шапку. Лицо его было залито слезами. На груди папаши Николаева, как обычно, был пионерский галстук. Голос его был грозен, тверд, суров:

— Товарищи, все на улицу! Все к Центральному телеграфу! На митинг, товарищи!..

Мы едва ли не бегом бросились к телеграфу, вливаясь в общий людской поток. Костя Сандлер по-прежнему стоял на высоких ступеньках. Посреди площади прямо на снегу горел костер — огненный глаз в ночи. От жаркого пламени бежали ручьи, снег будто слезился. Сандлер снова и снова показывал подходящим к телеграфу скорбное известие. Город шел к телеграфу, упрямо не веря в услышанное и желая получить подтверждение.

Ленин умер... Да разве ж это возможно? Разве может умереть Ленин? Ленин!..

Площадь давно уже не могла вместить всех, толпы разливались по прилегающим улицам, жгли костры, митинговали.

Дина, которой отсюда было совсем недалеко домой, принесла большой черный лоскут и портняжные иголки. Мы разрезали лоскут и прикрепили к нашим галстукам иголками черную траурную кайму. Прикрепил к своему галстуку и панаша Николаев. Наломав веток, мы разожгли еще один костер.

Папаша Николаев рассказывал нам о своих встречах с Лениным и снова мы неумоимо повторяли любимую ленинскую —

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил.
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...

Через полтора месяца, 8 марта 1924 года, пионеры Ташкента собрались в Колизей на торжественное заседание. Оно посвящалось переименованию юных спартаковцев в юных ленинцев. После заседания на площади Всевобуча состоялся пионерский парад, а вечером в нашем штабе был торжественно открыт Первый пионерский клуб имени дедушки Ильича.

В этот день к нам приехали друзья из Каунчи — вместе с Борисом Орловым. Увидя в клубе огромный аквариум, пока еще бедно населенный рыбками, Борис улыбнулся:

— Знали бы про аквариум — привезли бы пару ведер маринок из Куркульдюка. Прямо в ведрах и привезли бы.

— Маринок — да в аквариум! — смеялась Зоя. — Виданное ли дело?! Да они бы всех наших золотых рыбок поели.

Женя Баранова примиряюще сказала:

— Задумали везти — везите. В крайнем случае — уху соорудим.

— Идет! — возликовал Борис. — Уговорили. Давайте к нам на пионерскую уху. Да хотя бы первого мая — на маевку.

Женя с укоризной поглядела на Бориса:

— Вот так зазывалы! То ведрами рыбу предлагают, то зовут на уху — аж через два месяца! Да за это время ваши маринки китами станут, их и из реки-то не выловишь, прямо в Куркульдюке уху варить придется — под рекой огонь разводите.

Женя, конечно же, шутила. Просто она знала, что в Каунчи поехать не сможет: ей предстояла длительная командировка в Бухару в качестве руководителя Ташкентской делегации — для смычки с пионерами Бухарской республики. Виктор Конышев прислал нам фотографию, на которой он был снят на площади перед эмирской крепостью Арк вместе с первой бухарской дружиной. Этот снимок мы поместили в Клубе имени дедушки Ильича. В письме он просил Женю помочь в работе с девочками Бухары, и в Центральном бюро рассудили, что Баранова должна будет на некоторое время после смычки остаться в Бухаре, чтобы поработать в качестве пионермастера.

Рад был Борис Орлов и встрече с Васей Алексеевым,

— Ну, как там в моем алексеевском саду? — смеясь, спросил Вася. — Зеленеет? Не засох?

— Как можно! — вспыхнул Орлов. — Усман-ака Юсупов живо задаст нам перцу, если что не так в саду будет. Он ведь поручился, что пионерам можно доверить сад.

— Слышал, вы послали Михаилу Ивановичу фрукты?

— А то как же! Все как обещали. Калинин и письмо ведь нам прислал.

Пишет — прекрасные у нас растут груши и яблоки. Лучшие в мире сорта.

— Это какие же?

— Бельфлер и бергамот.

— Почти бегемот! — засмеялся Алишер.

— Бергамот, — терпеливо повторил Борис. — Михаил Иванович пишет, что сразу поправляться начал, как фрукты из нашего сада поел.

— У нас тоже скоро свой сад будет, — сказал Вася. Орлов живо поинтересовался:

— У кого отняли? У бая?

— Вот еще! Сами посадим. Орлов махнул рукой, протянул:

— Ну-у! Эдак вы не скоро яблок своих поедите.

— Поедим! — пообещал Вася. — Обязательно поедим.

— А где сажать задумали?

— Возле новой школы... Правда, самой школы пока тоже нет, мы ее только завтра начнем строить.

Орлов развел руками:

— Ну, братцы, у вас новости прямо на дереве растут — подходи и срывай. Вы, стало быть, и школу задумали строить?

— Школу! — с гордостью подтвердил Алексеев, — Первую в Ташкенте школу!

— Как это — первую? — опешил Орлов.

— Очень просто. Первую новую школу после Октябрьской революции. Сегодня мы решили, что присвоим нашей школе имя дедушки Ильича. Как и клубу... — И что же — уже и место для школы подыскали?

— Как же! На бережку Салара. Живописное место. Там раньше, в смысле — до революции, маевки проходили, рабочие на сходки собирались, за новую жизнь воевали. Так что очень даже правильно, если на этом месте новая школа вырастет. И сад. Зря не веришь — так комсомольцы с красновосточных мастерских решили. А раз решили значит, будет!

Красновосточники слова на ветер не бросают. Все уже продумали. Недостроенный заводик Вадьяева разберем на кирпичи, его и на две школы хватит. А на крышу пойдет кровля со старых вагонов. Мирская будет крыша!

Я подумал, что будь сейчас здесь Бахтияр, он живо напомнил бы, что если вдруг решат вместо кровли просто обмазать крышу глиной, то нужно обязательно вспомнить о нем и позвать на хашар*.

Думаю, если бы строители почему-либо отказались от кровли, Бахтияр был бы рад. Может быть, даже очень...

---

*Хашар (узб.) — строительство сообща, всем миром.

«БЛИЗНЕЦЫ — ЭТО ПЛОХО!»

Отныне каждый день дарил новость, не был похож один на другой. Мы строили школу имени дедушки Ильича и ходили в кишлаки, готовились к многочисленным праздникам и не забывали о Старом городе, где сейчас уже стремительно росла пионерорганизация.

Дни летели гремющей разгоряченной арбой.

Вернулась из Бухары Женя Баранова. И мы удивились: на ремне ее висела кобура с револьвером.

— Настоящий? — Стрельцова уважительно поглаживала кобуру.

— Игрушечный! — рассмеялась Женя и достала из саквояжа большую грамоту, где русский текст перемежался с витиеватой арабской вязью — перо писаря будто выделявало на бумаге занятные кренделя.

— Держи! — Баранова протянула грамоту Стрельцовой. — Читай, если не веришь.

Зоя глянула на грамоту и воскликнула:

— Ребята, так ведь ее Вика подписал! Наш Кобышев! Смотрите, вот начальник Центрального штаба юных пионеров Бухарской Народной Советской республики. И подпись — Вика Кобышев!

— Там еще одна есть, — подсказала Женя. — Викабаев.

— Точно! — подтвердила Зоя. — Викабаев. Погоди, дай грамоту прочесть! — и Зоя торжественно огласила:

«Центральный штаб юных пионеров при Цекамале Бухары дает первой пионер-инструкторше Туркестана тов. Женни Барановой звание «Почетного вожака юных пионеров Бухарской Народной Советской Республики» и в знак дружбы и братства юных пионеров Средней Азии дарит ей револьвер системы

«Веблей-скотт» № 37384 и с тем выражает надежду, что отныне наши великие лозунги:

«ВСЕ ПИОНЕРЫ-БРАТЬЯ!» и —

«В ЕДИНЕНИИ — СИЛА!»

претворятся в жизнь и мы составим единую семью под знаменем борьбы за освобождение народов Востока ».

Вот так Женя! Вот так пионерская смычка! Это какие же, надо полагать, подвиги доводилось ей совершить в Бухаре, если Центральный штаб решил наградить ее именным револьвером!

Что и говорить, все мы ужасно завидовали Жене. Шутка сказать — именной револьвер... Никто из нас и близко не мог похвастаться чем-либо похожим. Правда, на все наши вопросы Женя отвечала уклончиво, обращала в шутку.

— Ничего особенного не делала, — говорила она. — Все было как и здесь, такие же трудности...

Но что бы ни утверждала Женя, револьвер красноречиво говорил за себя.

И только об одном рассказывала Женя много и охотно. О том, что Бухара готовится встретить Михаила Ивановича Калинина, который, как стало известно, прибудет сюда для участия в Первом съезде Советов Узбекской ССР.

Еще свежи были в нашей памяти торжества, связанные с недавним национальным размежеванием среднеазиатских республик, и вот к нам в новорожденный Узбекистан едет товарищ Калинин. С щемящей грустью и одновременно тревогой вспоминал я о своем письме Калинину, которое писал в «Хиве», жалуясь на горемычную свою судьбу. Тогда директор отнял мое письмо, правда, пообещав позже отправить его в Москву. Отправил ли? Вряд ли — буржуй чертов! Я хорошо помнил, как злобно шипел он тогда на меня и на добряка дядю Феню.

— Постой! Дядя Феня!.. Как же я забыл-то о нем... Ведь, поди, совсем спился человек в своей конуре? Ай, плохо-то как... Надо было бы давно навестить его и постараться вытащить дядю Феню из пьяной его берлоги! Мало ли хороших мест, где он мог бы жить с людьми, а не уходить целиком в свою бутылку. Да хотя в бахтияровский детдом на Лабзак — там нужны и сторожа, и садовники. В самый раз для дяди Фени. Вот не подумал.

Я решил завтра же исправить дело и, если дядя Феня все еще в «Хиве», — уговорить его перейти на работу в детдом...

Между тем, Женя рассказывала, что каждый пионерский отряд Бухары готовит свои подарки Калинину — альбомы, вышивку, лепку.

— Один отряд вышивает портрет юного Володи Ульянова, — вспоминала Баранова. — И еще решено принять Михаила Ивановича в почетные пионеры Бухары.

— А кто будет повязывать галстук — это решили?

— Есть такой. Нарзулла Умаров. Он первым в дружину Коньшева записался. Отличный парень!

Зоя хитро сощурилась:

— Парень, говоришь! А может, лучше бы надо девчонке поручить? Михаил Иваныч обязательно ведь спросит — есть ли девчонки в пионерах. А так — сразу будет видно. Кстати, много ли?..

— В самой Бухаре есть, а вот в кишлаках, честно говоря, не густо. Можно сказать, почти нет. Черт знает, что такое! Родители их в пионеры не пускают. Сами, понимаешь, в дехканах ходят, бедствуют, а в пионеры не пускают. Нет, говорят, такого в Коране, чтобы девочки в пионеры вступали.

— Вот так новости! Там и про революцию ничего нет, и про юных разведчиков тоже. А ведь существуют!

— Не знаю, — вздохнула Женя. — Работы, как говорится, край непочатый. Помню, мы с Сулейманом Маминым — он в Бухаре туземный инструктор — поехали в Багаутдин. Это кишлак такой, верстах в двенадцати от Бухары. Вот где, ребята, девчонкам труба! Там не то что паранджу носят — женятся, невесту ни разу в глаза не, видя. Представляете?.. А все потому же: не положено!..

— погоди! — Зоя усмехнулась краешком губ. — А если подменят невесту. Женишься, допустим, на Гульноре, а там окажется какая-нибудь бабушка Хадича...

— Или — дядя Феня! — ввернул я. Женя пожала плечами.

— Мы там три дня пробыли. Хотели пионерский отряд создать. С мальчишками проще, многие записались. А девчонок от нас вообще прятали. Чудеса, да и только!

— Знакомая история! — кивнул Алишер. — Все точно, как в Уч-сае. Ну, а басмачи их там проводят в Багаутдине?

— Еще как! Кишлачный староста рассказал: почти весь скот увели — хоть с голоду помирай.

— Вот-вот! — подхватил Алишер. — И в Уч-сае так же. Прямо близнецы, а не кишлаки.

Таких горемычных близнецов, — вздохнула Баранова, — еще ой как много. А это очень плохо.

ДЕВЯТЬСОТ СЕКУНД С КАЛИНИНЫМ

Бахтияр принес новость: к ним на Лабзак приходил фотограф, сделал целую серию снимков о жизни детдома, с особым тщанием фотографировал пионеров, причем звено Хайринисы пользовалось особым его расположением

— А откуда он? — спросил я. — Может, из газеты?

Мы тоже так поначалу подумали, а он говорит... Шутит, наверно...

— А что говорит?

— Говорит, что выполняет особое задание правительства. Говорит, особый альбом готовится — для Калинина.

— А что, похоже, что не шутит. Вон в Бухаре тоже готовятся — Баранова рассказывала. А что за альбом?

— Говорит, многие для него снимают. По всему Узбекистану. Вот откроет Михаил Иванович альбом — и сразу все про нас узнает, все увидит.

— А ты-то сам попал в альбом? В смысле на фото?..

Бахтияр пожал плечами:

— Не знаю... Он как-то больше девочек фотографировал. А от нас Хайриниса в женклуб его повела. Там она месяца два назад отряд из девочек организовала.

— Тоже сфотографировал?

— А как же! Знай наших! — лицо Бахтияра сияло-гордостью.

— Между прочим, зря сверкаешь! — сказал я. — Ее ведь фотографировали, а не тебя. Она отряд организовала, а не ты.

Мое замечание, похоже, мало подействовало на Бахтияра, радости у него не поубавилось.

Тут пришел папаша Николаев, и мы разом обступили его, галдя наперебой:

— Когда приезжает Калинин?.. А мы будем его встречать?..

Папаша Николаев шутливо воздел руки. Было видно, что он, как никогда, в превосходном настроении.

— Сдаюсь, братцы, сдаюсь! Обложили, как на охоте, по всем правилам — ни вздохнуть, ни пошевелиться. Да дайте слово сказать, я ведь к вам с тем и пришел! — и папаша Николаев стал говорить о том, что надо бы пионерам организовать на вокзале торжественную встречу товарища Калинина.

— А когда прибывает поезд?

— Послезавтра.

— Старогородские пионеры тоже будут? — ревниво полюбопытствовал Бахтияр.

— Все будут, все! — успокоил его папаша Николаев. — Только что виделся с Виктором Тепляковым, он к вам пошел о том же толковать.

— А у них фотограф уже был! — ввернул Алишер. — Альбом для Калинина готовят.

То — фотограф! — остановил его папаша Николаев. — А вы подумайте лучше, что сами подарите.

— Может, картину подарим? — предложил я. — Вот эту — «Защитники Андижана».

Женя с укоризной покачала головой:

— Здорово ты рассуждаешь, Жорка. Во-первых, надо бы сначала Колю Туркестанского спросить. А во-вторых... Во-вторых, чужие подарки не дарят. Знать надобно. Не маленький.

— Спросить — это сложнее, — согласился я, спокойно пропустив мимо ушей вторую часть фразы. — Коля далеко — аж в Полторацке. Письмо к нему неделю добираться будет. Не пойдет. Придумаем что-нибудь другое...

Запружен народом ташкентский вокзал. Ждут Калинина. Собран, строг духовой оркестр, расположившись на перроне у самых путей. Повсюду — мелькание красных галстуков. Здесь пионеры всех трех частей города. Все взволнованы предстоящей встречей с Калининным.

Вот Алексеев с отрядом «Юный буденновец».

— Вася, привет!

А вот и с Лабзака идут. Вышагивают впереди своих звеньев Хайриниса и Бахтияр. Лабзакцы присоединяются к нам.

— Бахтияр, а где твой карнай? — шучу я.

— Забыл, что ли?! — недовольно косится на меня Бахтияр.

— Нет, я, конечно же, не забыл, что во время нашей поездки в Москву на выставку Бахтияр подарил карнай пионерам Бухдомпроса. Уж больно заглядывались они тогда на его горластый карнай. Все у них было в московском интернате — и рояль, и скрипка, и гиджак, и рубаб... А вот карная не было. И тогда мы решили — подарить карнай землякам-краснопресненцам...

Толпа замерла. Издалека нарастал, подкрадывался шум поезда. Прокричал паровоз, окликая вокзал, наполняя сердце каждого, кто пришел сюда, нетерпением, радостью, волнением. Меня потянул за руку Вася Алексеев:

— Слышь, я тут лазейку одну знаю! — глаза Васи загадочно блестели.

— Какую еще лазейку?

— Да по путям... Я ведь знаю, куда вагон его подадут. Я тут тыщу раз все излазил, бату встречая. Хотите — проведу, первыми Калинина встретим?..

— А ты не врешь? — Бахтияр с сомнением косился на Васю. — Правда, знаешь дорогу?

— Как свои пять пальцев.

Соблазн, что и говорить, был велик. Ни минуты более не колеблясь, я затормозил Алексеева:

— Веди, коли знаешь. Да только побыстрее. Слышишь — паровоз уже покрикивает.

Вася вскинул голову, поглядел на вокзальные часы. Еще двадцать минут! Чего ж тогда паровоз кричит? Может, это другой? Рановато еще Калинин, есть еще время...

— Пусть покрикивает, успеем! — успокоил Вася и резво устремился под какую-то темную арку, открывавшую вход в хитросплетения станционных сооружений. Не отставая ни на шаг, мы следовали за Васей. Вынырнув, наконец, к путям, мы нос к носу выбежали к натужно пыхтевшему паровозу и едва не сбили с ног машиниста, только что спрыгнувшего с подножки.

— Кто такие? — вздрогнул он. — Вы тут осторожнее, еще и паровоз мне опрокинете.

Заметив Васю Алексеева, он заулыбался:

— Не Карпа Кузьмича ли нашего сынок? Алексеев, что ли?

— Он.

— Я тебя сразу узнал. Сюда-то зачем прилетели?

— Калинина хотим встретить. Не знаете — скоро будет?

Машинист сказал с гордостью:

— А уже приехал. Я привез. Вот чуток постоим здесь — и прибудем аккуратно по расписанию.

— Приехал!!!! — четыре горла выдохнули одновременно — радостно, испуганно.

Машинист шепнул:

— А вот и он — Михал Ваныч! Сам! Подышать, видать, немного решил с дороги-то. Секундочек пятьсот... С подножки вагона сходил худощавый старичок в легком пальтеце.

Бородка клинышком, круглые очки... Ему подавал руку какой-то военный.

Калинин!

Не медля ни секунды, мы подлетели к Калинин и замерли как вкопанные. Первым нашелся Бахтияр.

— Здравствуйте, товарищ Калинин! — сказал он, растерянно озираясь на нас — так ли надо приветствовать Всесоюзного старосту или, может, для этого есть какие-то особенные слова?

Калинин улыбнулся:

— А, пионеры! Вот пострелята — и здесь первые! Военный строго спросил:

— Почему не на вокзале? Кто сюда разрешил?..

— Вот он, — простодушно кивнул Бахтияр на Алексеева. — Вася. Он тут все тропинки знает, у него папа машинист.

Калинин рассмеялся.

— Что ж, молодец, товарищ Вася! А я вот минуточку прогуляться решил, воздухом ташкентским подышать. Честно говоря, притомился.

Калинин сделал знак машинисту. Тот подбежал.

— Что, дружок, много ли нам времени даешь на прогулку?

— Пятнадцать минут у нас в запасе, товарищ Калинин! — доложил машинист.

— Вот и отлично! — повеселел Калинин. — Мы тогда с пионерами погуляем да потолкуем. Не возражаете? — Калинин глянул в непроницаемое лицо сопровождавшего его военного и сразу же перевел взгляд на Васю: — Говоришь, все тропинки знаешь? Так, может, в город приведешь? Только незаметно. Чего мы по путям гулять станем, можно уже и с Ташкентом малость познакомиться.

Военный заволновался:

— Не надо бы, Михаил Иванович. Лучше здесь постоим. Пятнадцать минут...

— И отлично, что пятнадцать! Целых пятнадцать!.. Глядите, какие у нас замечательные проводники. Что, товарищи пионеры, пошли? Вася не заставил просить себя дважды.

— Давайте сюда, товарищ Калинин! — показал он и скоро мы вынырнули в стороне от вокзала, где сейчас, наверное, уже ждала Калинина нетерпеливая толпа.

Вася вел нас улочкой, по которой то и дело стремглав проносились группы людей, спешивших на встречу, к Калинин.

— Вас бегут встречать, — кивнул Бахтияр.

Калинин озорно пожал плечами:

— Скоро свидимся. Вот только с вами погуляю малость. — Он жадно вдыхал холодный зимний воздух и никак не мог насладиться им досыта. — А вы не молчите, про себя рассказывайте.

— Про себя? — растерянно переспросила Женя.

— Про пионеров ташкентских расскажите. Люблю пионеров. И барабаны, и горны! Да одного их грохота достаточно, чтобы отогнать врагов от наших границ. Вот что такое пионеры! Сила! Ну, а вас-то много?

— Много, Михаил Иванович. Но не очень... — вздохнула Женя.

— Как это понимать? Много да не очень... Уж больно загадочно. Так как же все-таки: много или не очень?

Женя объяснила:

— В кишлаке трудно. Там паранджу носят, а девчонок в пионерские отряды не пускают.

— А почему?

— Боятся. Всех боятся... Муллу боятся, Корана боятся, басмачей боятся. С ними и не потолкуешь толком, пугливые, как стрекозы. Только потянешься — глядь, а уже улетела.

— Она только что из кишлака, — сказал Бахтияр.

— В глубинке или здесь, под Ташкентом?

— Около Бухары. Багаутдин называется кишлак.

— Около Бухары? — встрепенулся Калинин. — Буду там, буду. А далеко ли от Бухары?

— Двенадцать верст. Все в парандже ходят. Вы бы с ними там поговорили, что ли, товарищ Калинин.

— Поговорить-то можно. Но ведь нужно, чтобы сам народ понял... Вот у нас молодые девушки любят похвастаться и поэтому стараются лицо приукрасить и показать. Я удивляюсь, как же у ваших девушек нет такой черты. И каким образом здешняя девушка показывает свою красоту? А что она этого хочет, это для меня не подлежит сомнению.

— Но ведь Коран... — протянул Бахтияр.

— Если Коран изучать серьезно, то не должно быть, чтобы женщины закрытыми ходили. Я знаю магометанские страны, где женщины ходят открытыми, а в других — закрытыми. Так что из этого я заключаю, что тут не религия, а обычай. Если бы я везде магометанок встречал закрытыми, то это было бы предписанием религии, но раз встречаются и открытые и закрытые, значит, это обычай... Вот что надо бы народу растолковать.

— Может, вы побываете у них! — взмолилась Баранова. — Это близко, товарищ Калинин! Вы запомните, пожалуйста. Багаутдин называется их кишлак.

— Да уж запомню! — пообещал Калинин. — Говорите, и басмачи их беспокоят?

— Еще как, товарищ Калинин! Скот воруют, людей убивают...

— В Уч-сае учителя убили, — ввернул я. — И знамя с карагача сняли. Хорошо — дехкане подоспели вовремя, да отнять успели. Его, знамя это, Алишер обратно на карагач поднял.

— Алишер? Кто такой?

— Товарищ наш. Он по канату запросто ходит, а на деревья взбирается словно как по дороге.

— Вот и молодец! — похвалил Калинин. — Привет ему от меня. Ребята должны бегать хорошо, по деревьям лазить, как дикие кошки, играть хорошо, танцевать хорошо. Одним словом, чтобы парень был как парень... Я старик, но знаю, что молодому мне хотелось танцевать, и я доволен, когда молодежь танцует.

— Вы и в Багаутдине об этом скажите, — подсказала Баранова. — Где еще ребятам веселиться, как не в пионерах? Где еще ловкости учиться? Обязательно скажите им, товарищ Калинин! А то ведь вместо книг кое-кто в кибитке своей ишаков держит.

Калинин вздохнул:

— Уговорили, товарищи пионеры! Обязательно побываю в этом кишлаке. Я им знаете, что скажу? Я им скажу так: в ваших жилищах, скажу, вы держите сейчас ишаков, а через двадцать лет вместо ишаков у вас, может быть, аэроплан будет на дворе стоять, — взяли жену под руку, сели на аэроплан, полетели. Но для этого, скажу, мы должны идти вперед, развиваться. Сын должен идти дальше своего отца. И еще, скажу, вы теперь являетесь гражданами великой страны. Вы были вьючным скотом, который доставлял богатства для эмира, для бека или хана. А теперь вы стали гражданами великой страны...

— Товарищ Калинин! — военный решительно взял нашего спутника за локоть. — Нам обратно пора, истекло наше время. Небось уже и машинист волнуется. Расписание...

Калинин развел руками:

— Революционная дисциплина. Подчиняюсь. А вам, товарищи пионеры, огромное спасибо за прогулку. Будто силы вернулись. Идемте скорее, нас ждут...

Мы быстро вернулись к вагону и Калинин, пожав нам на прощание руки, поднялся на ступеньку. Машинист предложил нам:

— А давайте, братва, ко мне в паровоз. У меня и тепло, и мухи не кусают. А то ведь... опоздаете на встречу с товарищем Калининным, — глаза его хитро улыбались.

Мы взлетели в жаркий паровоз. Задышали поршни, заскрежетали колеса, паровоз дрогнул и покатил. Я наклонился к машинисту и прокричал в ухо: — А вы малость ошиблись. Секундочек вышло не пятьсот, а девятьсот!

— Гляди вон туда лучше! — показал машинист. На нас наваливался, приближался, рос бушующий перрон.

И тут я вспомнил, что не спросил у товарища Калинина — получал ли он мое письмо. И еще — про фруктовые посылки из Каунчи: правда ли, что товарищ Калинин ответил им на посылки, или Боря Орлов только для фасону хвастает про свой сорт бельфлер? Вот ведь забыл спросить. Ну и растяпа!..

ЗАГАДКА ПАРАНДЖИ

Хайриниса сбилась с ног, ища, куда подевалась бархатная паранджа Марьям — той самой, которую Хайриниса утатила едва ли не со свадьбы. Тогда паранджа помогла Марьям незаметно пробраться на Лабзак. Но куда же запропастилась паранджа?..

Вспомнил Бахтияр:

— Так я ведь ее тогда в сундук спрятал, где наши театральные костюмы лежат!

— В сундук?

— Ну да! Еще подумал — может, для какой-нибудь революционной пьесы сгодится. Не шить же самим, если готовая имеется. Вот и припрятал. Хайриниса бросилась к сундуку — и точно! Целехонькая лежит.

Бахтияр подозрительно оглядывал Хайринису. Чего это она вдруг паранджи хватилась? Но Хайриниса хранила загадочное молчание, хотя весь ее возбужденный облик выдавал неукротимое желание поделиться жгучей тайной. Впрочем, наблюдательный Бахтияр не мог не связывать таинственное поведение Хайринисы с недавним приездом гостей — Серафимы Тимофеевны Любимовой и Ольги Михайловны Поповой. Было это лишь позавчера. Они выстроили отряд, и гости, не скрывая восхищения, оглядывали пионеров, а потом попросили Хайринису пройти для беседы с ними в кабинет директора детдома. Это после кабинета-то и стала Хайриниса такой. Интересно, о чем они с ней там толковали?

Но Хайриниса молчала.

Зато директор оказался словоохотливее, рассказав, что Любимова работает заведующей женотделом Средазбюро ЦК РКП (б), а Попова возглавляет туркестанский краевой показательный мусульманский женский клуб имени Крупской.

У обеих гостей были очень сложные для запоминания профессии, да и сам директор торжественно произносил их, искоса поглядывая в свой блокнотик.

Наконец Бахтияр не выдержал и прямо спросил Хайринису:

— Долго еще будешь фасонить? Зачем тебе марьямкина паранджа? О чем говорили у директора?

Хайриниса отнекивалась:

— Ты не обижайся, но они просили никому не рассказывать.

— И мне тоже?

— Значит, и тебе!

— Прямо так и сказали: Бахтияру не рассказывай? — не отступал тот.

— Говорят же тебе — всем! — потеряв терпение, Хайриниса начинала сердиться. — На вечере все и узнаешь.

— На каком вечере? — Бахтияр ловко ухватился за оброненную ниточку.

— Ясно на каком, — заворчала Хайриниса. — На котором Калинин будет. Понятно тебе? Вот приставучий...

Бахтияр просиял:

— Теперь все попятно!

Хайриниса заговорщически сощурилась:

— Понятно, говоришь? Тогда — молчок! Договорились?..

Битком полон театр.

Приветствовать гостя — Всесоюзного старосту — пришли представители всех общественных организаций: профсоюзы, комсомол, женсоветы, Всевобуч, пионеры... В переполненном зале — десятки женщин, которые пришли сюда, не снимая паранджи. Кто они? Девочки? Девушки? Старухи? Попробуй разберись, когда вся она, как сцена перед началом спектакля, закрыта черным непроницаемым занавесом.

Сменяют друг друга ораторы, звучат пламенные речи.

Но что это? На сцену выходит женщина в парандже! Ого! Это что-то новое! Неужели будет выступать? Вот так, в парандже?

По залу прокатился гул. И тут зазвенел голос невидимой женщины.

Юный, чистый, звонкий. Из-под паранджи вырвалось:

— Подруги! Нас тысячи молодых девушек, которые тянутся к новой жизни, науке, знанию, работе. Но наши лица закрывает паранджа, которая отделяет нас от жизни...

Я изумленно переглянулся с Вахтияром и Алишером. Алишер усиленно моргал, пытаюсь, как и я, припомнить, где он слышал раньше этот удивительно знакомый голос, а Бахтияр загадочно улыбался. Я толкнул его локтем:

— Ты чего? Угадал, что ли, кто там, под паранджой?

— Угадал. Как не угадать! — Ну так скажи, если угадал?

— Все тебе сразу и скажи. Сам подумай. А еще — юный разведчик...

А голос звенел, властно овладевая наэлектризованным залом:

— ... Нас запирают в душные, тесные ичкари*. Нас, совсем еще юных, девяти-двенадцатилетних, насильно выдают замуж. Часто за стариков. Этим они калечат наше тело, нашу жизнь, делают нас рабынями...

Михаил Иванович Калинин слушал и одновременно перешептывался с членами только что избранного первого правительства Узбекской ССР.

— ... Подруги! Я призываю вас последовать моему примеру. Долой ненавистный чачван! Долой проклятую паранджу! Откроем наши лица солнцу и жизни! — с этими словами женщина сорвала с себя бархатную паранджу и, швырнув на пол, стала на нее ногами. Я не поверил своим глазам.

Хайриниса?..

Она! Конечно же, это была она! Под паранджой скрывался пионерский галстук. То-то голос такой знакомый. Я сердито глянул на Бахтияра. Он кричал мне, вместе со всеми аплодируя сейчас Хайринисе:

— Ну как, угадал? Так-то! Знай наших!

Выходит, зря я на него злился. Выходит, он действительно знал, кто под паранджой. И не проговорился ведь! Вот заговорщики!

---

*Ичкари (узб.) — женская половина дома.

А театр неистовствовал, награждая Хайринису ураганом оваций и одобрительных восклицаний. В разных концах зала срывали с себя паранджи женщины, поддавшись жаркой агитации Хайринисы. Одна за другой плыли снятые паранджи на сцену, передаваемые из рук в руки. Их принимала Хайриниса, складывая в невесть откуда взявшийся огромный мешок.

Впрочем, нетрудно было догадаться, что и о мешке эти хитрецы позаботились заранее. Когда поутихли аплодисменты и уже тридцать шестая паранджа нырнула в мешок, Хайриниса подняла руку и объявила:

— Дорогой товарищ Калинин! Дорогие подруги! Я — пионерка из детского дома имени III Интернационала. Мы приглашаем всех вас после этого заседания к нам в Старый город, на Беда-базар. Там на площади мы устроим пионерский костер!

С этими словами она озорно пнула лежащий мешок, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, как, следует распорядиться его начинкой...

После заседания, как и многие, мы бросились к Хайринисе. Возле нее

уже стояла незнакомая мне женщина. Это была Серафима Любимова... Поздравляя Хайринису с победой, она сказала сгрудившимся вокруг нее пионерам:

— Это только начало! Теперь мы пойдем еще дальше. Пойдем в кишлак! Правильно, метко сказал товарищ Калинин на нашем первом Всеузбекском партийном съезде: чтобы сделать народ культурным, нам прежде всего нужно научить мать умываться мылом... А кто ее этому научит?

Отвечаю: дочь-пионерка! Детское движение, — голос Серафимы Тимофеевны окреп... — в частности, организация специальных отрядов девочек коренного населения явится наиболее последовательным и верным средством к раскрепощению женщин Востока. Такова наша линия.

Любимова погладила Хайринису по косичкам:

— Молодец, Хайриниса! Смотри, как зал разожгла. Готовься, теперь, думаю, на первом учредительном съезде комсомола Узбекистана выступать будешь. От пионеров... Успехи пока, правда, не густые. Особенно по работе среди девочек. У нас ведь на весь Узбекистан пока и пяти девичьих отрядов нет в кишлаках. Разве это порядок? Разве мы можем с этим мириться? Никак не можем. Вы сравните сами: мальчишек объединяют в кишлаках уже больше тридцати отрядов, а девчонок — и пяти нет.

Хайриниса растерянно хлопала глазами:

— Даже... Пяти отрядов?

— Нет, Хайриниса, нет. Но это — пока!

Бахтияр потянул Любимову за рукав:

— Серафима Тимофеевна, а вы знаете, сколько в Узбекистане всего нас — пионеров? Интересно ведь...

— Есть свежие цифры, к съезду комсомола их готовим. Двадцать тысяч — вот сколько. Армия!

— Двадцать тысяч! — замороженно повторил Бахтияр. — Но ведь если каждый из нас организует хотя бы один отряд, то у нас будет уже двадцать тысяч отрядов! Так ведь?

Любимова улыбнулась:

— Вот с этим не поспоришь! Подсчет точный!

Мы подхватили мешок и понесли его на Беда-базар.

Хотя, честно говоря, куда ближе было бы идти на Пьян-базар. Там ведь тоже есть площадь... Но у Хайринисы был свой расчет. Мешок, считала она, должен гореть именно в Старом городе.

На огонь-то глядячи, еще кто-нибудь добровольно подкинет в костер паранджу-другую...

СНОВА БЕЛЫЙ ВЕРБЛЮД (вместо эпилога)

Мне позвонил Бахтияр. Мягким рокочущим баритоном предупредил:
— Джурабай, ничего не намечай на воскресенье. Поедем поздравлять Хайринису! Юбилей у нее, семьдесят!

Подумать только: нашей Хайринисе — семьдесят! Да как же это скачет время? На каком Резвом? На каком Буяне? Казалось бы, лишь вчера аплодировали мы ей в Колизее. И вот — семьдесят...

Полон гостей просторный дом. Море цветов. Друзья, пионеры, соратники. Поздравляют Хайринису Садыкову — ветерана циюнерии, почетного пионера Артека...

Вспоминаем свой отряд, друзей — живущих и ушедших.

Виктор Конышев. Викабаев. Наш Вика...

Добровольцем ушел в истребительный батальон. Пал смертью храбрых на пятьдесят восьмой день Великой Отечественной.

Николай Туркестанский...

Защищая Родину, подполковник Туркестанский героически погиб в 1945 году.

Александр Гаркушенко...

До последних дней подполковник Гаркушенко оставался активным солдатом партии и культуры — был лектором ЦК Компартии Узбеккистана заведующим отделом пропаганды журнала «Коммунист Узбекистана», ответственным секретарем Республиканского общества «Знание». Уже став персональным пенсионером, выкроил было время, чтобы написать книгу об отряде «Юные разведчики», но... перо выпало из его рук на двенадцатой странице рукописи.

Всю свою жизнь посвятила юным пациентам детский врач Евгения Георгиевна Баранова...

О судьбе Юрия Чеснокова мы до сих пор ничего не знаем. Вот было бы славно, если бы его следы помогли разыскать Красные следопыты Баку, куда Чесноков приехал работать уже из Ашхабада (Полторацка) в конце 1923 года.

Изредка пишет мне из Москвы Шура Баранова. Впрочем, какая же Шура?! Александра Георгиевна! Майор, кавалер ордена Боевого Красного Знамени. А какие интересные письма отстукивает она на своей пишущей машинке! И память — чистый родник. Вот из последнего ее письма:

«Помнишь, какую большую работу мы вели по борьбе с беспризорностью? Сколько развезли ребят в детприемник, организованный в бывшем монастыре на Куйлюкском шоссе! И сколько было переживаний, когда беспризорники разбегались по дороге. Помнишь?..». Как не помнить. Сам... разбежался. А потом — сам других вез. Только как-то не думалось нам тогда, что мы - «ведем работу».

С Бахтияром мы неразлучны. Он уже давно профессор, декан. Получив приглашение — приехать в день шестидесятилетия пионерии в родной Ак-тепа, он мигом примчал ко мне. В глазах — озорные искорки:

— Что, Джурабай, может, вместе слетаем?

Он так и не перестал именовать меня Джурабаем.

— Поехали, конечно... Профессорская «Волга» ехала мимо сада, выросшего на холме. На вершине холма, куда вели каменные ступеньки, стоял монумент, утопающий в цветах. Бахтияр, положив руку на плечо шофера, попросил:

— Останови здесь... Что, Джурабай, надеюсь, узнаешь нашего Белого верблюда? Глянь, он почти не изменился

— Белый верблюд?! — я изумленно оглядывал пышное весеннее цветение сада.

— Это — наш Белый верблюд?

— Он самый! — улыбнулся Бахтияр. — Поселковые пионеры сад здесь вырастили. Уж сколько лет езжу погостить к родичам — и все люблюсь: хорошеет сад. А тогда был только одинокий Белый верблюд. Помнишь, как водой его поил?

Как не помнить...

— Чтобы все сбылось!? Помню. Разве это забудешь...

И тут Бахтияр поспешил к багажнику «Волги» и достал ведро. Мигнул мне:

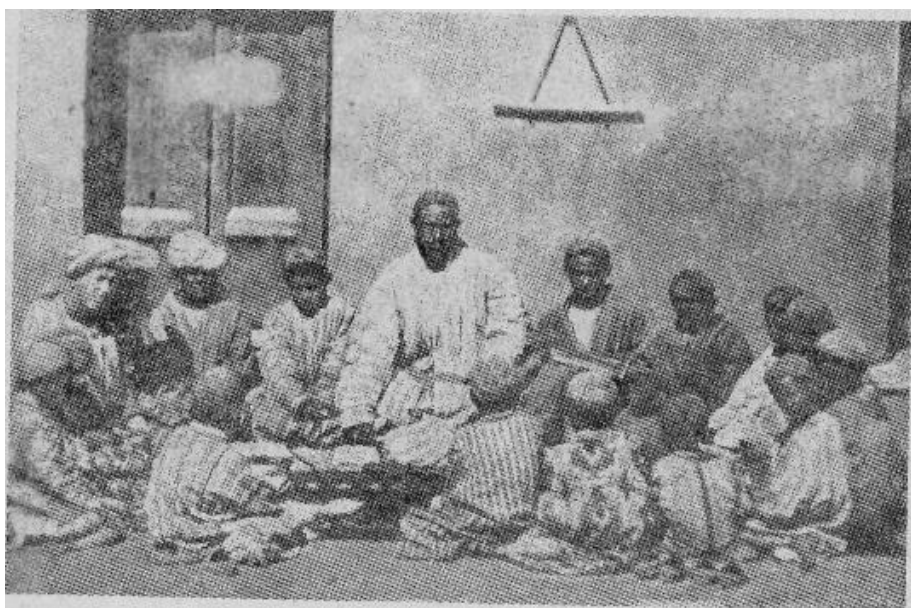
— Тряхнем пионерской нашей стариной, повторим?

Я понял его с полуслова. Можно еще что-нибудь загадать... Белый верблюд — добрый, он все исполнит. Бахтияр зачерпнул воды из журчащего у подножья холма арыка, и бережно держась с обеих сторон за дужку ведра, мы неспешно пошли по ступенькам вверх, провожаемые изумленным взглядом институтского шофера, который, конечно же, дивился на двух чудаковатых стариков, зачем-то несущих ведро на вершину холма, куда и без них преспокойно доставляет воду цветам и деревьям поселковый водопровод...

**«ЭТО БЫЛО... БЫЛО...»
(фото-голоса Истории)**

«И чего он только не умеет!..»

«Чинно восседая, домулла палкой взбадривал нерадивых...»

«Приказано: овладеть первой буквой алфавита...»

«Это кто же, по-вашему, безпризорники?..»

«А вот и новый начальник отряда — Виктор Петрович Коньшев. Прошу любить и жаловать...»

«Мое внимание привлекла трехлинейная винтовка...»

Отряд имени Першина при Красновосточных мастерских. 1924 г.

«Это был Александр Гаркушенко — курсант военно-спортивной школы...»

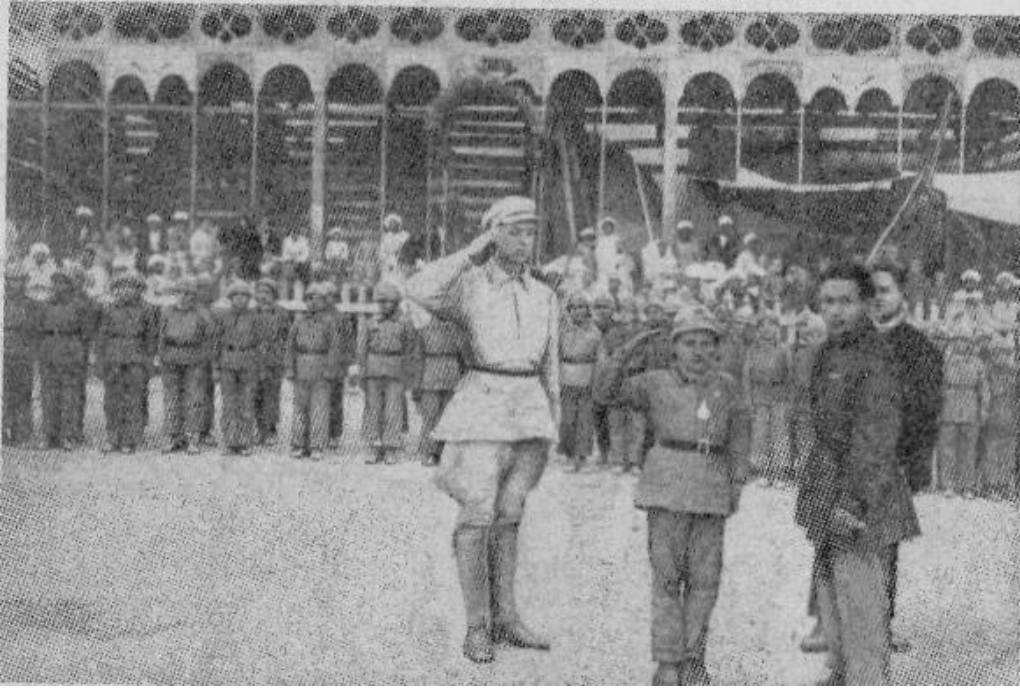

«Нам выделили новое помещение для штаба — дом номер 6 по улице Пушкина...». У входа в штаб (снизу вверх): Женя Баранова, Марк Гаркушенко, Дина Горбштейн, Виктор Коньшев.

«А скоро у нас будет большой гость. Гани Муратбаев...»

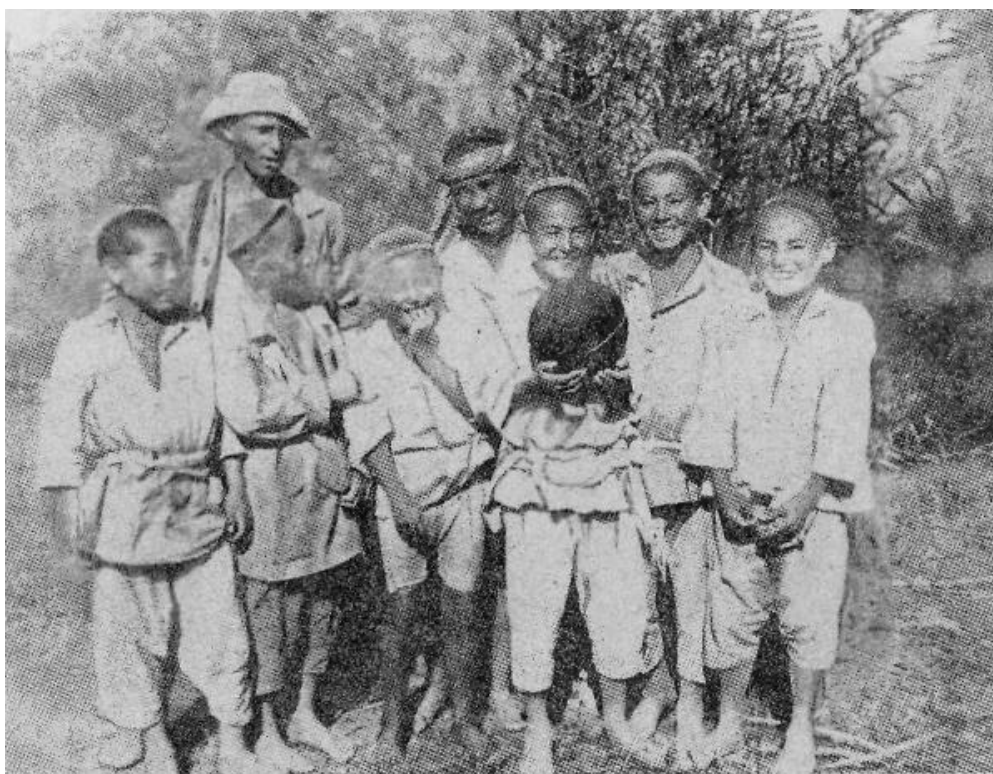

«Гани Муратбаев рассказал нам о боях с басмачами. Воевали ведь и ребята. Даже ордена получали!..»

«Есть на примете детдом на Лабзаке. Надо бы и к ним заглянуть!».
(Лидер УзССР Юлдаш Ахунбабаев — почетный пионер Лабзака).

«Мы ведь и в кишлак поедem. Пора подумать и о первом отряде из коренного населения...»

«Вовсю кипела работа — рисовались плакаты, лозунги, стенгазеты...»

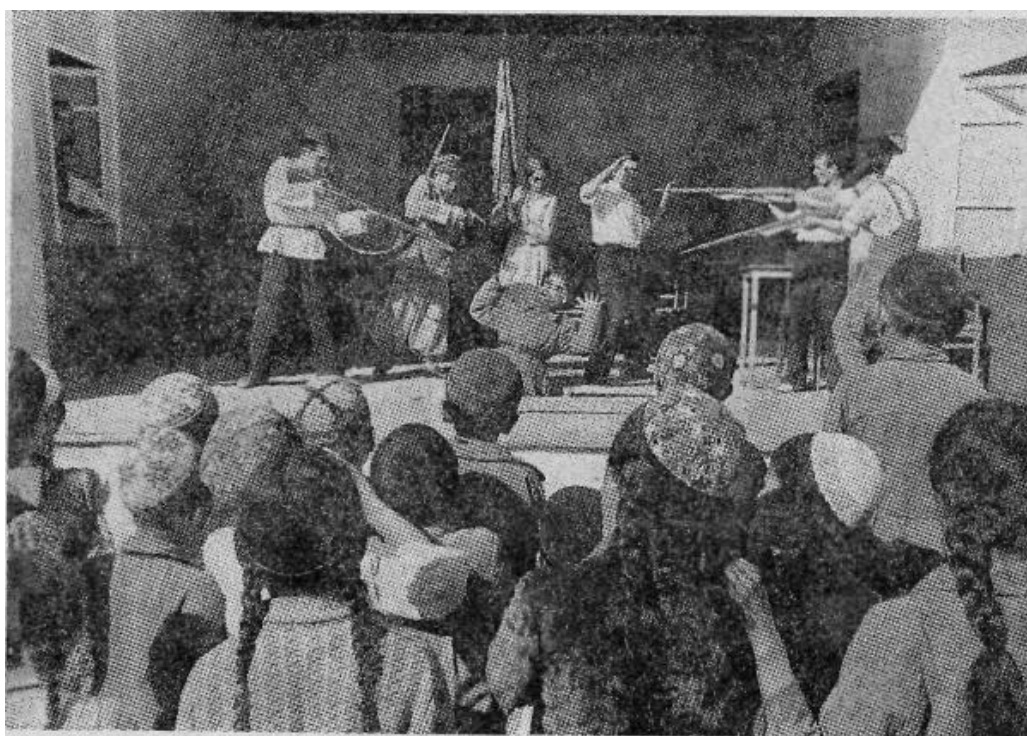
«Сулейман Мамин пропадал в Старом городе. Там быстро образовался актив пионер-мастеров — назло терявшим силу скаутмастерам...»

«Я по детдомам работаю. Там отряды сколачиваем. Больше пока нигде...». (Первая справа — Хайриниса Садыкова).

«Звеньевой у нас была Хайриниса...»

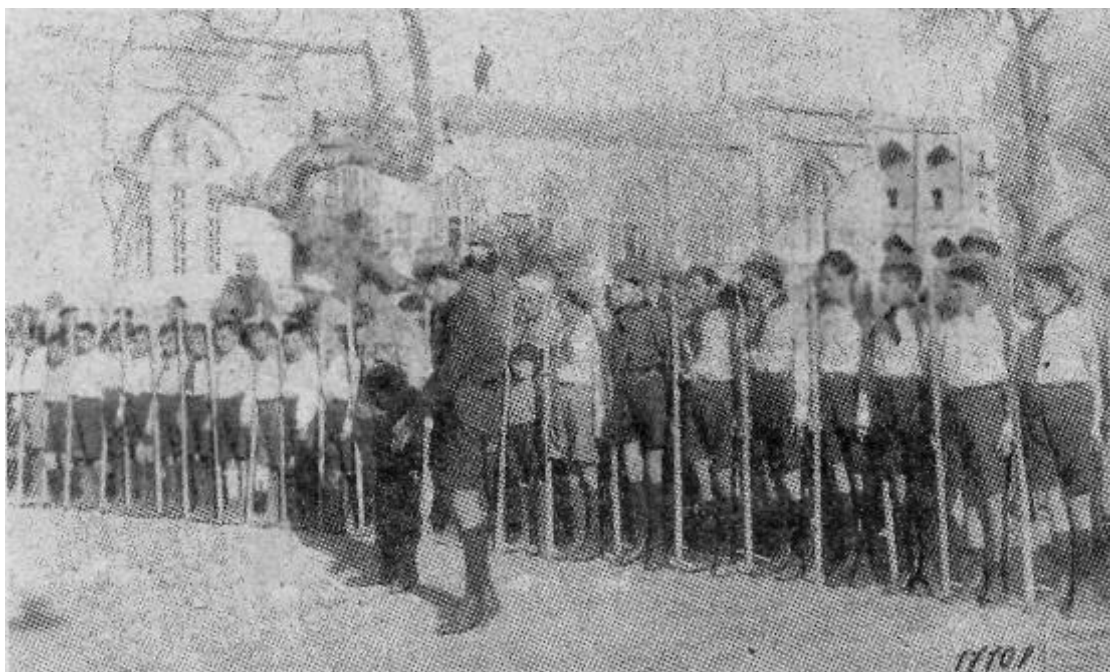
«Сдавайся, старый мир! Наш спектакль прошел триумфально».

«Коньшев принес потрясающую картину Николая Туркестанского —
“Защитники Андижана”»

«Николай Туркестанский появился у нас через несколько дней...»

«Вскоре Виктор Конышев уехал от нас в Бухару, где создал первый отряд...»

«Едем в Москву!.. В сводный отряд «КИМ» вошли 18 звеньев». (В центре первый слева — Марк Гаркушенко).

«Права тётчка: нужно уметь защищать республику и словом, и делом...». Отряд юных краснопалочников.

«Лева Либерзон, рабочий “Трёхгорки”, опекал бухарский отряд с Красной Пресни...»

«Мы раскрыли рты. Какой еще такой бухарский отряд Краснопресненского района?..»

«Они разлетелись из Ташкента по Средней Азии один за другим, как искры первого костра. Виктор Конышев, Женя Баранова, Зоя Стрельцова, Федор Мержанов...»

«Между тем, в старогородской части Ташкента не дремали наши товарищи...»

«Девочки-узбечки были в первом пионерском отряде Коканда. Наш Марк Гаркушенко привез сюда «пионерский уголек» и затеплил его в детском доме...»

«Мы шли под грохот барабанов и пение горнов...». (Маршируем по дну будущего Большого Ферганского канала. Работа кипит!)

«Женя достала из саквояжа грамоту с витиеватой арабской вязью...»

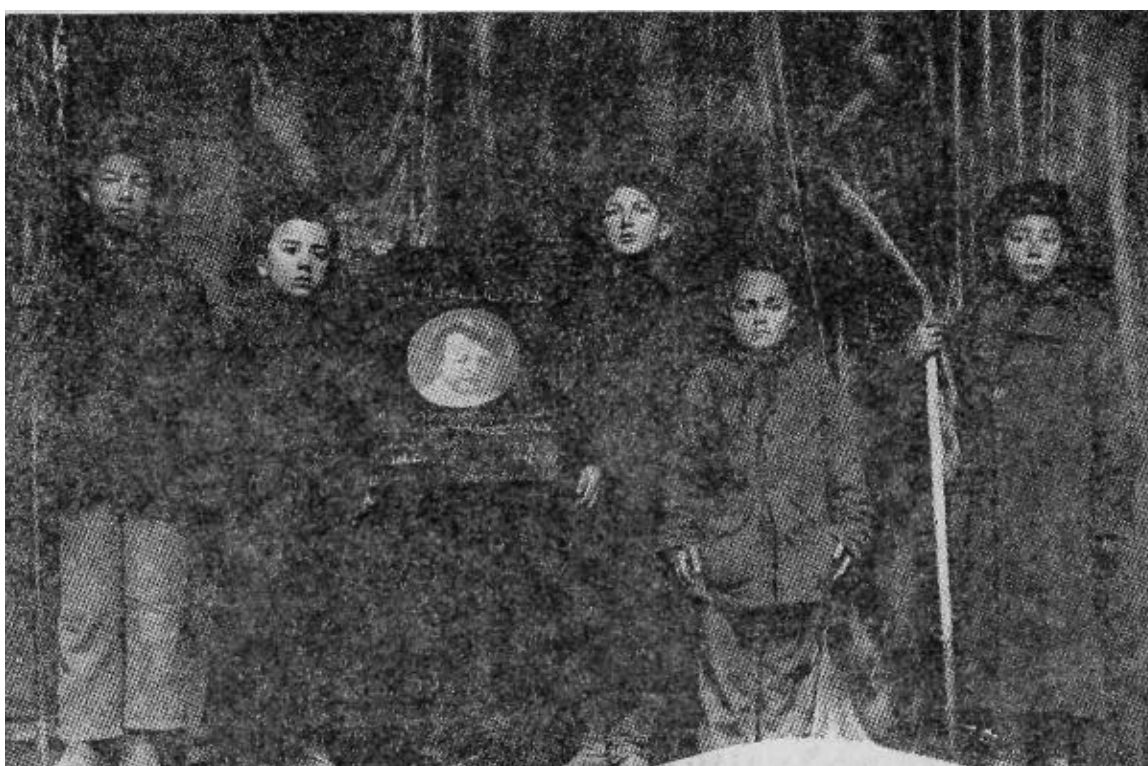
«Любопытные глазенки девчонок с вихрем смоляных косичек на голове
стреляли в нас отовсюду...»

«— Усман Юсупов, — представился он нам. — Я из завкома хлопко-
маслозавода, ваш парт-прикрепленный...»

«Парандже — бой! Не должно, чтобы женщины закрытыми были...».

«Калинина приветствовали и пионеры Зеравшана»

Литературно-художественное издание

Шуф Павел Ефимович

БЕЛЫЙ ВЕРБЛЮД НЕ ОБИДИТ

Повесть

Редактор Ю. Розвадовский

Обложка А. Михайлов

Ташкент, “Камалак” (“Радуга”), 1991